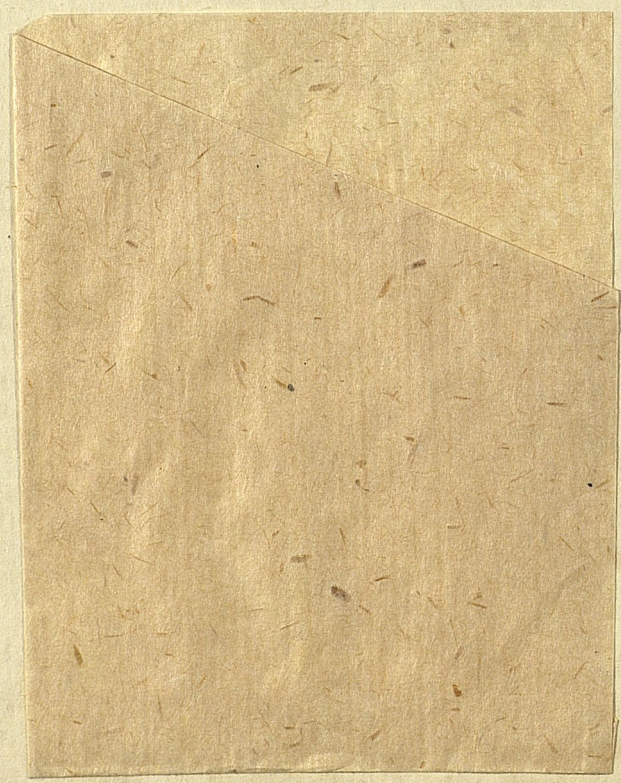
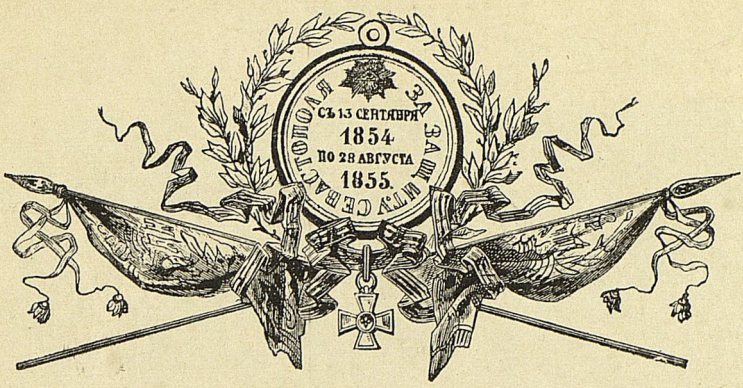
И 35/901





35
901

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ МАЛЬЧИКЪ

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

К. М. СТАНЮКОВИЧА

Съ отдѣльн. картинами и иллюстрац. художн. Э. К. Соколовскаго, снимками съ современныхъ картинъ и портретами героевъ войны

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр., допущено въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, а также для выдачи въ награду ученикамъ означеннаго возраста (Отз. Дѣла Н. Пр., отъ 21 мая 1904 г., 15,804).

Рекомендовано для чтенія кадетъ I и II классовъ, кадетскихъ корпусовъ (Отз. Гл. Упр. В.-Уч. Зав., № 10,367, 26 апрѣля 1905 г.).

Включено въ каталогъ избранныхъ книгъ для дѣтей средняго возраста, составленный Комиссіей по дѣтскому чтенію при Учебномъ Отдѣлѣ О-ва Распростр. Технич. Знаній.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13

МОСКВА
Кузн. М., 12 и Тверская, 22

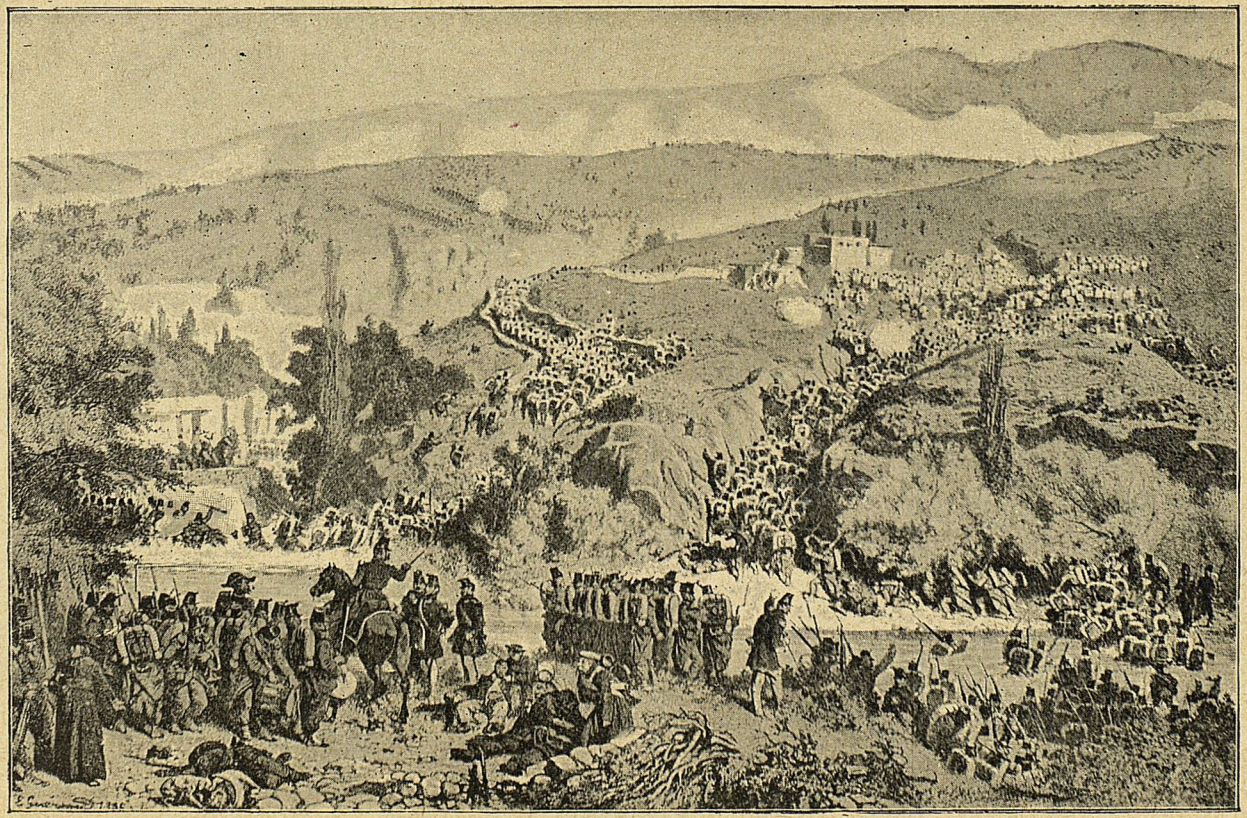
Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

35400-42.

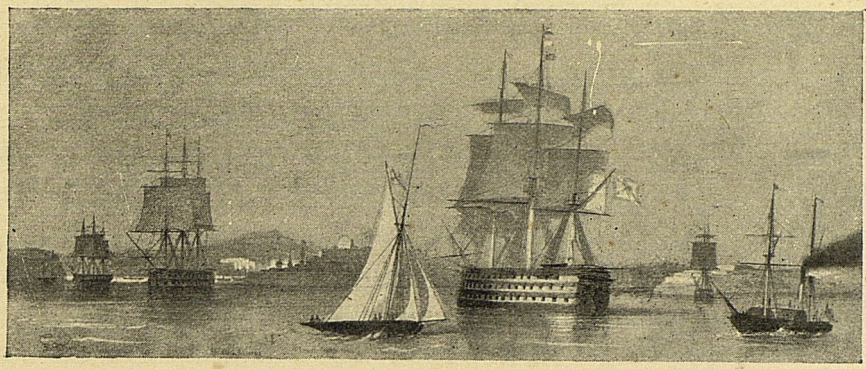
ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. БАС. ОТР. 16 ЛИНІЯ 60 & 62

2007067252

Экз. дофр.: ног. обл.,
и 1 л. фронт.



Алминское сраженіе.
(Современная литографія).



Общій видъ Севастополя въ 1854 г.

ГЛАВА I.

I.

А окраинѣ красавца - Севастополя, поднимающагося амфитеатромъ, на склонѣ горы, лѣпились бѣлые домишки слободки, въ которой жили жены и дѣти матросовъ и артиллеристовъ и разный бѣдный людъ.

Передъ одной изъ хатокъ, въ роскошное сентябрское утро 1854 года, стоялъ черномазый пригожій мальчикъ, здоровый и крѣпкій, съ всклокоченными кудрявыми волосами и съ грязными босыми ногами, въ не особенно опрятной старой „голландкѣ“ и въ холщевыхъ, когда-то бѣлыхъ штанахъ.

На видъ мальчику можно было дать лѣтъ двѣнадцать, тринадцать. Его загорѣлое лицо, открытое и смѣлое, съ бойкими глазами, дышавшими умомъ, было озабочено.

Повидимому мальчикъ кого-то поджидалъ, не отводя глазъ съ переулка, спускавшагося въ городъ. Только из-

рѣдка не безъ зависти взглядывалъ на средину узкой улицы слободки, гдѣ, неподалеку, играла въ бабки знакомая компанія. Въ ней „черномазый“ былъ признаннымъ авторитетомъ и въ бабкахъ, и во всѣхъ проказахъ, и въ разбирательствахъ дракъ и потасовокъ.

Къ нему уже прибѣгала депутація звать играть въ бабки, но онъ категорически отказался.

— Маркушка!—вдругъ долетѣлъ изъ открытаго оконца слабый, глухой женскій голосъ.

Черномазый мальчикъ вбѣжалъ въ хату и подошелъ къ кровати, стоявшей за раскрытымъ пологомъ, въ небольшой душной и спертой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ.

Подъ ситцевымъ одѣяломъ лежала мать Маркушки, матроска съ исхудалымъ, блѣднымъ лицомъ, съ красными пятнами на обтянутыхъ щекахъ, съ глубоко впавшими большими черными глазами, горѣвшими лихорадочнымъ блескомъ.

Она прерывисто дышала.

— Не идетъ?—нетерпѣливо спросила матроска.

— Не видно, мамка! Вѣрно придетъ...

— Не зашелъ ли въ питейный?

— Тамъ нѣтъ... Бѣгалъ... Знобитъ, мамка?

— То-то знобитъ. Прикрой, Маркушка!

Маркушка досталъ съ табуретки старую шубейку, подбитую бараномъ, и накрылъ ею больную.

Затѣмъ поднесъ ей чашку съ водой и заботливо проговорилъ:

— Выпей, мамка. Полегчаетъ.

И съ увѣренностью прибавилъ:

— Скоро оправишься... Вотъ те крестъ!

И Маркушка перекрестился.

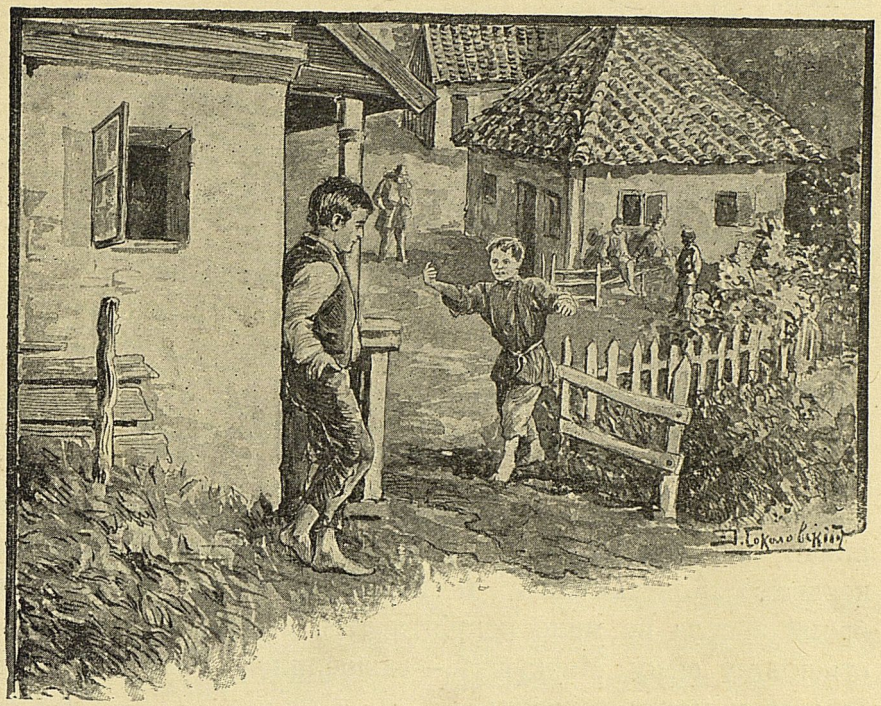
Больная ласково повела красивыми глазами на сына и отпила нѣсколько глотковъ.

— Развѣ что не спустили тятьку съ „Костентина“

по случаю француза... Видимо-невидимо пришло ихъ на корабляхъ въ Евпаторію съ солдатами. Хотятъ шельмы на берегъ!—промолвилъ Маркушка.

— Наши не допустятъ!..—возбужденно проговорила матроска, сама торговавшая до послѣднихъ дней на рынкѣ разной мелочью.

Какъ почти всѣ на рынкѣ, она повторяла, что фран-



— Маркушка!—вдругъ долетѣлъ изъ открытаго оконца слабый, глухой женскій голосъ...

цузы и англичане не осмѣлятся придти къ намъ, а если и осмѣлятся, то ихъ не пустятъ высадиться на берегъ, и союзники съ позоромъ вернутся.

Разумѣется, эти толки на рынкѣ были отголоскомъ того общаго мнѣнія, которое высказывала большая часть Севастопольскаго общества.

Хоть Маркушка, какъ и подобало шустрому и смыш-

ленному уличному мальчишкѣ, и видалъ на своемъ короткомъ вѣку кое-какіе виды и кое-что слышалъ на Графской пристани и на бульварѣ, куда бѣгалъ слушать музыку по вечерамъ,—но еще не зналъ, что французы, англичане, турки и итальянцы уже безпрепятственно высадились 1 сентября въ Евпаторіи и, направляясь въ Севастополь, заняли позицію на р. Альмѣ, ожидая русскихъ.

И потому Маркушка не безъ хвастливаго задора воскликнулъ:

— Сунься-ка! Ихъ Нахимовъ шуганетъ, мамка!

— Дай только ему волю. Шуганулъ-бы...

— А кто можетъ не дать воли... Самъ Царь ему Георгія прислалъ...

— Князь Меньщикъ не пущаетъ, Маркушка..

— Самый, значитъ, главный надъ всѣми старикъ... Такой худой и храмлетъ... Видѣлъ его разъ... Ничего не стоитъ противъ Нахимова.

— Лукавъ старикъ... Все хочетъ по своему... И гордыни въ немъ много.

Матроска, повторявшая мнѣніе о главнокомандующемъ князѣ Меншиковѣ со словъ мужа, лихого марсоваго на кораблѣ „Константинъ“ и пьяницы, причинявшаго во время загула не мало непріятностей своей женѣ и единственному сыну Маркушкѣ,—закашлялась. Она не скоро отошла и могла говорить.

Испуганная приступомъ кашля, больная съ еще большимъ нетерпѣніемъ ждала мужа и ей казалось, что онъ нехорошо поступаетъ... Далъ знать черезъ матросика, что забѣжитъ сегодня утромъ, ужь одиннадцатый часъ, а его нѣтъ.

И она сказала:

— Ты, Маркуша, думаешь, что тятьку не спустили на берегъ?

— Очень даже не пустили по случаю француза...

Ни одного матроса нѣтъ въ слободкѣ... А то тятька-бы пришелъ!

— А ты сбѣгай, Маркушка, на Графскую пристань... Шлюпку съ „Костентина“ увидишь и скажи, чтобы тятька отпросился. Мамкѣ, молъ, недужно...

— А какъ же ты одна?

— Позови Даниловну... Посидитъ. Вѣрно дома?

— Куда идти старой коргѣ!—не особенно любезно назвалъ Маркушка сосѣдку, старую вдову боцмана.

И прибавилъ дѣловитымъ заботливымъ тономъ:

— А безъ меня смотри потерпи, мамка! Ежели шлюпка съ „Костентина“ будетъ, духомъ обернусь! Молоко около тебя поставлю и воду.

Маркушка поправилъ одѣяло и шубейку на больной, поставилъ у кровати кружку съ молокомъ и чашку съ водой, съ серьезнымъ видомъ потрогалъ голову матери и исчезъ.

Черезъ минуту онъ сказалъ Даниловнѣ:

— Присмотрите за мамкой, бабушка... Бѣгу въ городъ.

— Зачѣмъ, чертенокъ?—сердито воркнула боцманша.

— Затѣмъ, что мамка послала... Посидите съ ней... Будьте добренькая...

— Посижу... Плоха твоя мать... Охъ, плоха...

— Вы, бабушка, передъ ней не каркайте... Мамка выздоровитъ!—рѣшительно вымолвилъ Маркушка, сдерживая желаніе обругать Даниловну однимъ изъ ругательствъ, имѣющихся у него въ памяти въ большомъ запасѣ.

— И очень ты дерзкій, дьяволенокъ... Весь въ отца пьяницу... Мать твоя только хорошая... Для нея и пойду... А вы оба...

Но конца Маркушка не слыхалъ.

Выйдя отъ Даниловны, онъ не удержался, чтобы не сказать на улицѣ: „старая вѣдьма!“ И затѣмъ во весь духъ полетѣлъ внизъ по переулку.

Маркушка

II.

Онъ спустился до Петропавловской красивой церкви, пробѣжалъ мимо каменной стѣны, окружающей большой садъ, около дома командира севастопольскаго порта,—тотъ садъ, куда нерѣдко по вечерамъ перелѣзалъ черезъ заборъ и лакомился виноградомъ и другими вкусными фруктами—и когда вышелъ на главную улицу, то съ галопа прямо перешелъ на шагъ.

Во первыхъ, ему надо было отдышаться, а во вторыхъ, его поразило зрѣлище, котораго онъ еще до сихъ поръ не видалъ.

И даже пріостановился.

Онъ видѣлъ, что улица запружена матросами, которые на себѣ тащили большія орудія, и услышалъ, что орудія эти съ кораблей и везутъ ихъ на бульваръ, чтобы поставить тамъ, и на другія мѣста на южной сторонѣ вокругъ Севастополя.

Маркушка видѣлъ, какъ торопились куда-то адмиралы, направляясь по направленію къ Графской пристани, замѣтилъ озабоченныя ихъ лица, обратилъ вниманіе, что и матросы очень серьезны и, разумѣется, подбѣжалъ къ нимъ, чтобы увидать среди толпы матросовъ съ „Константина“.

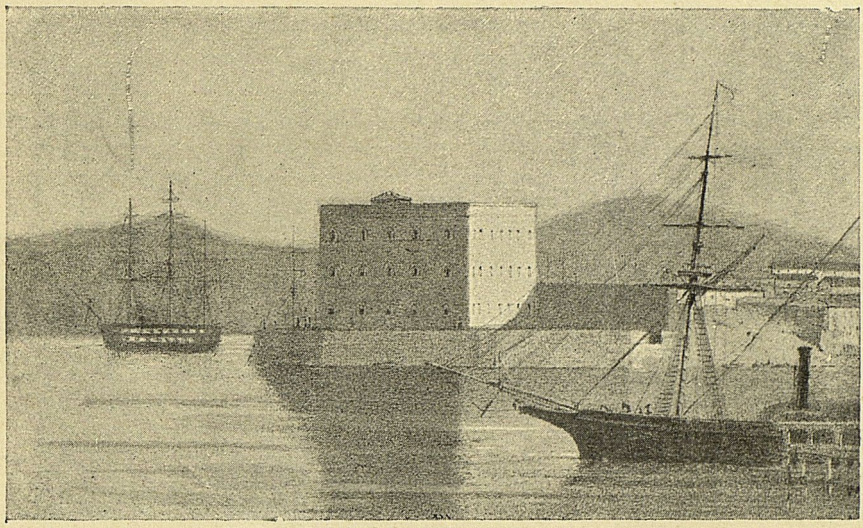
Кто-то сказалъ Маркушкѣ, что съ „Константина“ матросовъ еще нѣтъ.

Маркушка внезапно былъ охваченъ тѣмъ же серьезнымъ настроеніемъ, которое видѣлъ и сразу почувствовалъ во всѣхъ. И въ матросахъ, и въ офицерахъ, бывшихъ при нихъ, и въ адмиралахъ, куда-то спѣшившихъ, и въ партіи арестантовъ, которые позвякивали кандалами на ходу, направляясь къ себѣ домой, на блокшифъ обѣдать послѣ работъ,—и въ конвойныхъ, и во всѣхъ лицахъ, которыя въ это утро встрѣтилъ Маркушка на большой улицѣ. Еслибъ онъ не несся во всю силу своихъ

ногъ и своей здоровой груди изъ слободки внизъ,— то увидалъ бы и раньше встревоженныя лица.

Маркушка встрѣтилъ знакомыхъ мальчишекъ, прибѣжавшихъ поглазѣть, и отъ нихъ узналъ, что „крупы“ (солдатъ) нѣтъ. Всѣ ушли прогонять француза и англичанина.

И уличные мальчишки уже не говорили съ прежней самоувѣренностью на счетъ того, что француза прогонятъ.



Павловскій фортъ.

За это Маркушка ихъ обругалъ, наскоро подрался съ однимъ и въ припрыжку побѣжалъ на Графскую пристань, ловко проскальзывая между пѣшеходами на тротуарѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Маркушка добѣжалъ до бѣлой коллонады предъ Графской пристанью и, перепрыгивая ступеньки, спустился внизъ.

Передъ глазами Маркушки была знакомая картина.

Ласковая синева заштилѣвшаго большого рейда, сверкающая подъ солнцемъ, и много военныхъ кораблей.

Вблизи у самой пристани, на мыскѣ, каменный полукруглый фортъ, извѣстный подъ названіемъ Павловской батареи. Влѣво, у выхода въ море, большіе, каменные и такіе же полукруглые форты въ нѣсколько ярусовъ со множествомъ амбразуръ, изъ которыхъ чернѣли орудія, направленныя къ входу.

Никто въ Севастополѣ и не могъ подумать, что съ моря можетъ ворваться чей-нибудь флотъ, передъ этими тысячами орудій.

Никто не предполагалъ, что корабли придутъ съ десантомъ, чтобъ взять Севастополь сзади.

Маркушка сталъ спрашивать гребцовъ съ военныхъ шлюпокъ, дожидавшихся у пристани, нѣтъ-ли шлюпки съ „Константина“.

Всѣ отвѣчали отрицательно.

Маркушка смотрѣлъ на знакомый ему щегольской трехдечный корабль „Константинъ“ подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ на крюйсъ-брамъ-стеньгѣ,—который стоялъ вблизи Павловской баттареи.

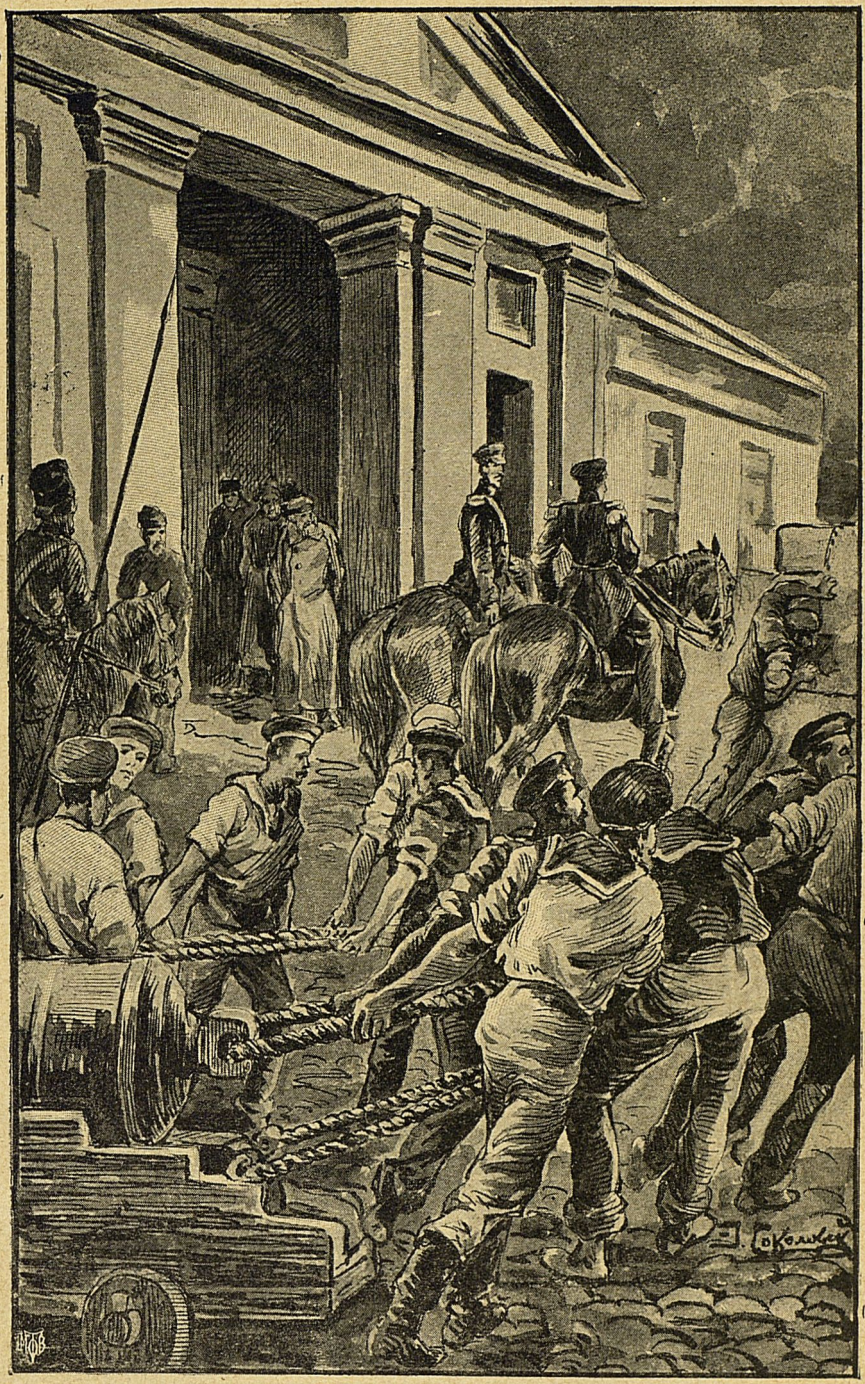
На немъ, какъ и на другихъ корабляхъ, шли работы по подъему и спуску орудій на шаланды, стоявшія у бортовъ.

И Маркушка догадался, отчего отецъ не могъ забѣжать къ матери.

Но все-таки надо исполнить ея порученіе и подождать: не придетъ ли шлюпка съ „Константина“.

А въ ожиданіи Маркушка пошелъ съ Графской пристани на сосѣднюю, откуда на „вольныхъ“ большихъ шлюпкахъ пассажиры переѣзжали изъ города на сѣверную сторону, на противуположномъ берегу бухты. Тамъ было нѣсколько строеній поселка, и оттуда шла почтовая дорога на Симферополь и дальше въ Россію.

Маркушка удивился, что на сѣверную сторону много отваливало шлюпокъ съ дамами, и съ ними былъ багажъ. Были и отставные офицеры съ пожитками.



Улица запружена матросами, которые на себѣ тащили большія орудія... (стр. 6).

Онъ видѣлъ и большія шлюпки, нагруженныя домашними вещами. Увидалъ проходившій мимо тяжелый военный баркасъ съ дамами и дѣтьми и на баркасѣ много сундуковъ и чемодановъ; сзади подвигалась шаланда, нагруженная мебелью и экипажами.

Маркушка былъ заинтересованъ этимъ необычнымъ наплывомъ господъ. Господа рѣдко переѣзжали на Сѣверную сторону. Онъ зналъ, что обыкновенно пассажирами были татары съ пустыми корзинами изъ-подъ фруктовъ и разный рабочій людъ безъ поклажи.

Зачѣмъ господа уѣзжаютъ изъ Севастополя, когда въ немъ такъ хорошо? И погода не очень жаркая, и по вечерамъ музыка на бульварѣ, и фруктовъ такъ много.

Любознательному мальчику очень хотѣлось узнать, отчего вдругъ собрались барыни, какъ звалъ Маркушка всѣхъ женщинъ въ шляпкахъ.

Но спросить было некого.

Знакомаго перевозчика, отставного матроса, извѣстнаго Маркушкѣ подъ именемъ хорошаго „дяденьки“, который не разъ даромъ перевозилъ мальчика на Сѣверную оторону и обратно, не разъ разговаривалъ съ нимъ и если ругался, то больше ласково—этого „дяденьки“ съ его шлюпкой не было.

А онъ бы объяснилъ!

Но очень скоро знакомый худощавый старый перевозчикъ присталъ къ берегу съ нѣсколькими пассажирами съ Сѣверной стороны.

Онъ тяжело дышалъ, уставшій послѣ нѣсколькихъ рейсовъ подрядъ. Потъ градомъ катился по его, изрытому морщинами, лицу съ маленькими острыми глазами и сизымъ крупнымъ носомъ. Яличникъ наотрѣзъ отказался немедленно везти пассажировъ, пока не „войдетъ въ силу“ послѣ передышки.

Онъ тотчасъ же досталъ изъ шлюпки одинъ изъ арбузовъ, взрѣзалъ его и сталъ ѣсть сочные куски, за-

кусывая ихъ круто посоленнымъ ломтемъ чернаго хлѣба.

— Здравствуйте, дяденька!—обрадованно воскликнулъ Маркушка, подбѣжавъ къ шлюпкѣ перевозчика.

„Дяденька“, котораго по справедливости Маркушка могъ бы называть дѣдушкой, кивнулъ мальчику коротко остриженной сѣдой головой и вмѣсто того, чтобъ подать своему маленькому пріятелю побурѣвшую съ вздувшимися жилами руку, протянулъ арбузъ и ломоть хлѣба и сказалъ:

— Закуси, Маркушка!

Маркушка немедленно впрыгнулъ въ шлюпку и въ минуту прикончилъ арбузъ и хлѣбъ. Затѣмъ, повидимому, находя, что сидѣть на скамейкѣ для пассажировъ неудобно, вскочилъ на бортъ шлюпки, опустивъ ноги въ море.

Маркушка озабоченно заболталъ своими грязными ногами въ водѣ и, повернувши всклокоченную голову, слегка прикрытую такою же измызганной матросской фуражкой, какая была и на затылкѣ „дяденьки“,—спросилъ его, указывая арбузной коркой на публику, которая суетилась около шлюпокъ, нагружаемыхъ пожитками:

— Куда это они повалили, дяденька?

— Пострѣлъ ты, Маркушка. Съ башкой мальченка! А не „смеканулъ“?—протянулъ старикъ.

И, покончивъ съ кускомъ арбуза, не безъ ироническої нотки въ своемъ спокойномъ, лѣнивомъ голосѣ прибавилъ:

— Утекаютъ изъ Севастополя.

— Зачѣмъ имъ утекать?

— Струсили... Опасаются, какъ-бы французы ихъ не забрали... Извѣстно, дуры... Зря засуетились!—понизивъ голосъ, сказалъ „дяденька“.

Маркушка соскочилъ съ борта и подсѣлъ къ дяденькѣ.

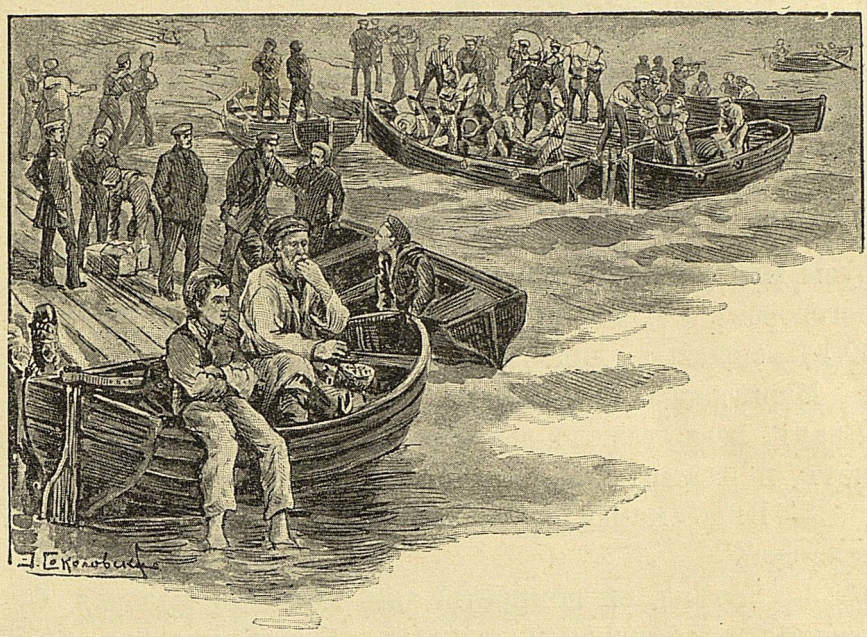
— Да развѣ французы могутъ сюда придти, дяденька? Вѣдь не смѣютъ?

И глаза Маркушки засверкали.

— То-то посмѣли, Маркушка, ежели высадились. Жидкій, братецъ ты мой, народъ, а—поди-жъ—полагаетъ о себѣ...

— Развѣ допустили, дяденька?

— Допустили... Можетъ, заманиваетъ Менщикъ, что-



Маркушка озабоченно заболталъ своими грязными ногами въ водѣ...

бы ихъ сразу подлецовъ погнать домой... Не лѣзь, молъ, въ гости... Не приглашали!.. Менщикъ старая лиса. Онъ ихъ объегоритъ...

И, словно бы внезапно озлобляясь на что-то, старикъ возбужденно проговорилъ:

— Не смѣетъ допустить. Ежели сразу и не прогонитъ француза, вернись сюда... Не оставляй безъ призора нашъ Севастополь! Не пускай сюда... французовъ да англичанъ. Только дай намъ помогу... А матросики, не

бойсь, не отдадутъ Севастополя. Нахимовъ такъ и сказалъ: „Не отдадимъ, братцы!“

Маркушка жадно слушалъ старика и не могъ сообразить, какъ это возможно, чтобы такой жидкій народъ, какъ французы, могъ придти къ Севастополю и чтобы наши не прогнали ихъ немедленно, какъ только они высадились.

И хоть онъ и почувствовалъ, будто что-то неладно, и французы могутъ придти—не даромъ же дяденька допускалъ, что „старая лиса“ сразу не прогонитъ, и не даромъ же барыни утекаютъ—но словно бы желая избавиться отъ этого чувства и подбодрить себя, Маркушка взволнованный, со сверкавшими глазами, проговорилъ:

— Не отдадимъ, дяденька!

— То-то и есть... А это пусть опасаются, которые трусы, Маркушка... Есть такіе... Перевозишь... Наслушаешься разговоровъ... А ты, Маркушка, видно прокатиться захотѣлъ?—спросилъ дяденька.

Маркушка объяснилъ, за чѣмъ пришелъ. Онъ разсказалъ, какъ тяжело дышитъ мать и какъ долго кашляетъ, и разсчитывая, что дяденька все знаетъ, спросилъ:

— Вѣдь мамка не помретъ? Вы какъ полагаете, дяденька?

— Зачѣмъ ей помирать? Она матроска молодая. Отлежится... Простуда и выйдетъ. Не сумлѣвайся, Маркушка... Молодца! Заботливый ты сынишка.

И „дяденька“ потрепалъ Маркушку по спинѣ и прибавилъ:

— Давай, на „Костентинъ“ смахаю. Отцу скажу, ежели пустятъ. Только врядъ ли дозволятъ матросу на берегъ Видѣлъ, какая спѣшка противъ француза...

— Спасибо, дяденька! — горячо промолвилъ Маркушка, тронутый предложеніемъ перевозчика. — Вотъ и катеръ отвалилъ съ „Костентина“. Попрошу гребцовъ... Прощайте, дяденька! Такъ мамка выправится, дяденька?

— Сказано — выправится! — увѣренно отвѣтилъ дяденька, пожимая руку Маркушки.

Маркушка побѣжалъ на Графскую пристань и спустился внизъ.

Черезъ нѣсколько минутъ безукоризненной гребли двѣнадцати гребцовъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, на катерѣ были сразу убраны весла, и катеръ, тихо прорѣзывая прозрачную синеву воды, остановился у ступеньки пристани.

Изъ катера выскочили два офицера—одинъ постарше, другой—молодой и пожилой старшій врачъ.

Увидавъ Маркушку, молодой мичманъ остановился и спросилъ:

— Ты что здѣсь дѣлаешь, Маркушка?.. Иди за мной, чертенокъ, Опять дамъ записку снести и получишь гривенникъ...

— Никакъ невозможно, Михайла Михайлычъ!..

— Отчего?

— Мать очень больна и велѣла дать знать тятенькѣ на „Костентинѣ“... Можетъ отпустятъ... хоть на полчасика. Попросите, баринъ, за тятьку. А я при мамкѣ... хожу за ней.

— А какъ фамилія твоего тятьки?

— Ткаченко... форъ-марсовой, ваше благородіе!

Мичманъ досталъ изъ кармана книжку и карандашъ, вырвалъ листокъ и на спинѣ Маркушки написалъ просьбу отпустить на берегъ форъ-марсового Ткаченко къ умирающей женѣ.

„Умирающей“ назвалъ добрый, жизнерадостный мичманъ для большей убѣдительности.

Онъ отдалъ записку унтеръ-офицеру на катерѣ и велѣлъ немедленно передать старшему офицеру.

— Есть, ваше благородіе!

А Маркушкѣ мичманъ сказалъ:

— Твое дѣло сдѣлано, Маркушка. Отца спустятъ на берегъ... Я прошу за него...

Маркушка благодарилъ.

— Докторъ былъ у матери?

— То-то не былъ, ваше благородіе.

— Дуракъ! Мнѣ бы сказалъ. Иди за мной!

И, торопливо поднимаясь по лѣстницѣ, мичманъ кричалъ:

— Докторъ! Иванъ Иванычъ! Подождите!

Рыжеватый докторъ остановился.

— Ну что вамъ, пылкій мичманъ?

— Не откажите, голубчикъ, посмотрѣть мать этого чертенка. Жена нашего молодца форъ-марсоваго Ткаченки. Очень больна. Не встаетъ съ постели.

— Дюже исхудала!—вставилъ Маркушка.

Докторъ спросилъ у Маркушки адресъ и обѣщалъ скоро быть въ слободкѣ.

— Такъ бѣги домой, Маркушка... И твой тятька и докторъ придутъ... Обрадуй мать...

— И дай вамъ Богъ за вашу доброту, Михаилъ Михаилычъ. Сколько вгодно буду носить вамъ письма.

— Скоро, Маркушка, не придется... А вотъ тебѣ гривенникъ... Купи себѣ, чего хочешь.

Маркушка заложилъ монету для вѣрности за щеку и пустился во весь духъ домой.

Скоро, едва переводя духъ, онъ вошелъ въ комнату, положилъ на табуретку около кровати виноградъ и нѣсколько грушъ и радостно произнесъ:

— И тятька придетъ... И дохтуръ будетъ... И „дяденька“-яличникъ сказалъ, что ты скоро оправишься—только вылежись, мамка! Дяденька понимаетъ, не то что какія вороны...

Ознобъ у чахоточной прошелъ. Ей было лучше. Вѣсти Маркушки значительно подбодряли матроску.

И, любуясь своимъ смышленнымъ сыномъ, она съ радостнымъ восхищеніемъ проговорила:

— Какой же ты умный, Маркушка! И какъ ты все

это обработалъ. Разсказывай... Откуда виноградъ?.. Откуда дули?.. Ишь побаловалъ мамку... Ѣшь самъ, я немного...

— Не стибрилъ ли твой Маркушка у татаръ?.. Онъ у тебя, матроска, шельмоватый!—промолвила, тихо посмѣиваясь, Даниловна.

— Вотъ и клеплешь, Даниловна... Ахъ, ядовитая ты какая!.. Это ты напрасно Бога гнѣвишь... Вовсе не хорошо... Мой Маркушка не таковскій!..—говорила, волнуясь и раздражаясь, больная.

— Брось, мамка... Пусть она брешетъ... Побрешетъ и уйдетъ!—презрительно кинулъ Маркушка.

И, не обращая ни малѣйшаго вниманія на старуху боцманшу, досталъ изъ кармана штановъ пару тарани и булку и сказалъ матери:

— Я, мамка, вотъ и тарани себѣ купилъ и булку для тебя... Попьешь съ чаемъ... Знакомый мичманъ Михайла Михайлычъ подарилъ гривенникъ... Страсть добрый... Встрѣлся на Графской... Онъ и исхлопоталъ, чтобы тятьку пустили къ намъ... Онъ и доктора испросилъ... Однимъ словомъ...

И, возбужденный, видимо торопясь разсказать матери все, что видѣлъ и слышалъ въ это чудное, сентябрское утро, воскликнулъ:

— А что, мамка, въ Севастополѣ!.. Француза-то допустили на берегъ въ Евпаторіи...

— Допустили?—протянула чахоточная.

— То-то допустили... И Менщикъ со всѣми солдатами тамъ... прогонять... Сказываютъ, французъ жидкій народъ... Менщикъ прогонитъ обманомъ, если ихъ много... И на улицахъ матросы... Орудіи съ кораблей везли... Чтобы поставить ихъ кругомъ Севастополя. А многія, которыя дуры, барыни наутекъ, зря струсили. Развѣ Нахимовъ пуститъ француза въ Севастополь? Дяденька такъ и сказалъ, что никакъ невозможно!

Отрывочныя возбужденныя слова Маркушки взволновали больную въ первыя мгновенія.

Но увѣренность чахоточной, которая и не допускала мысли о томъ, что дни ея сочтены, слышалась въ ея проникновенномъ голосѣ, когда она проговорила:

— Не придетъ французъ! Онъ безбожникъ! Господь намъ поможетъ... Наша вѣра угоднѣй Богу.

И, выпроставъ изъ-подъ одѣяла исхудалую безкровную руку, матроска перекрестилась. Ея губы что-то прошептали—вѣроятно молитву и о Севастополѣ и о скорѣйшей поправкѣ.

Маркушка никогда не думалъ о такихъ деликатныхъ вопросахъ. Онъ, разумѣется, не понималъ, чья вѣра лучшая. Онъ дружилъ и съ „дяденькой“, и со старымъ одноглазымъ татариномъ Ахметкой, который нерѣдко угащивалъ Маркушку въ своей фруктовой лавченкѣ и виноградомъ и попорченными фруктами. Дружилъ Маркушка и съ портнымъ евреемъ, Исайкой, жившимъ въ слободкѣ, который дарилъ мальчику лоскутки, помогъ сладить большой змѣй, и, посылая его съ порученіями, всегда давалъ три или пять копѣекъ и въ придачу еще—маковникъ или горсть рожковъ.

Но слова матери о французахъ были очень пріятны Маркушкѣ. Онъ перекрестился вслѣдъ за матроской и горячо воскликнулъ:

— Дай Богъ всѣхъ французовъ до одного перебить!

И подсѣвъ къ окну, сталъ чистить тарань, глотая слюни и предвкушая вкусную закуску.

Нѣсколько минутъ царило молчаніе. Даниловна о чемъ-то загадочно думала, и злорадная усмѣшка кривила ея беззубый ротъ.

Старая, съ угрюмымъ морщинистымъ лицомъ и злыми маленькими, пронзительными глазами, похожая на вѣдьму, поднялась Даниловна съ табуретки. Ея сгорбленная, при-

земистая и крѣпкая еще фигура выпрямилась и стала будто выше. И обращаясь къ больной, она заговорила, слегка шамкая, какимъ-то зловѣщимъ голосомъ:

— Видно и Милосердному конецъ терпѣнію... Велики грѣхи Севастополя... И накажетъ за это Господь... Ой, накажетъ...

Матроска безпокойно вздохнула. Она чувствовала, что Даниловна закаркаетъ, и въ то-же время не спускала съ нея жадно-любопытныхъ и тоскливыхъ глазъ

А Даниловна продолжала:

— Не даромъ дурачекъ Костя пророчилъ... Не бойсь, слышала, что говорилъ?

— Мало-ли что брешетъ дурачекъ...

— Думаешь: мы умные? А онъ дурачекъ, можетъ блаженный и Богъ ему внушаетъ... Третьяго дня его форменно „пріутюжили“ въ полиціи... А онъ никого не испугался... Поплакалъ и все свое бормочетъ... Не спроста, значитъ, говоритъ... И попомни, матроска... Быть великой бѣдѣ... Не замолить грѣховъ... Накопилось на всѣхъ—и на вышнихъ начальствахъ, и на ихъ барыняхъ, и на матросахъ и на матроскахъ... Господь и отступился... Можетъ, князь Менщикъ измѣнщикъ передъ нашимъ императоромъ, ежели допустилъ высадку?.. Развѣ можно съ моря допустить?.. Николай Павлычъ прикажетъ Менщика въ кандалы да съ фельдъегеремъ прямо во дворецъ... „Какъ смѣлъ, такой сякой, князь?“... А старый, что пустилъ француза, лукавъ, матроска... Отвертится отъ самого Николая Павлыча... Императоръ и не сказнитъ... А тѣмъ временемъ французъ и турка нагрянутъ. Всѣхъ перекокошатъ. У француза такія ружья, что за версту бьютъ и заговоренныя Банапартомъ — антихристомъ... Нашъ солдатъ и не видитъ француза, а у солдата пуля въ самое сердце... Убитъ... И какъ войдутъ въ Севастополь, сейчасъ турка всѣхъ жителевъ прикончитъ... безъ разбора сословій... Только какихъ молодыхъ

заберутъ и на корабль... въ родѣ какъ въ крѣпостныя пошлютъ турецкому султану... И всѣ разграбятъ... И камня на камнѣ не останется... Дьяволъ-то во всей силѣ съ французами объявится... Богъ все ему позволитъ... Пропадай, молъ, грѣшный городъ!.. А ты: не придутъ! Жалко тебя, хворая, что не скоро тебѣ оправиться... Ушла бы изъ Севастополя со своимъ щенкомъ. А я оставлю домъ и... гайда... Не согласна пропадать... Прощай!..

Даниловна пошла въ двери.

Ея слова произвели на чахоточную сильное впечатлѣніе. Пораженъ былъ и Маркушка.

Но когда онъ взглянулъ на мать и увидѣлъ выраженіе ужаса на ея лицѣ и слезы на ея щекахъ, онъ бросился къ матери и сказалъ:

— Мамка! а ты не вѣрь... вѣдьмѣ. Она брешетъ!..

И затѣмъ подбѣжалъ къ окну, высунулся въ него и крикнулъ Даниловнѣ:

— Вѣдьма!.. Вѣдьма! Съ перепуги набрехала... Вѣдьма! Старая корга. На томъ свѣтѣ за языкъ привѣсятъ...

— Подлый щенокъ! Тебя перваго французъ убьетъ!.. —прошипѣла Даниловна.

— Онъ не придетъ... А вотъ я возьму да и убью вѣдьму... Только приди. Утекай лучше къ французамъ... Сама французинька!

И Маркушка кричалъ пока Даниловна не скрылась въ своей хатѣ:

— Вѣдьма-французинька... Вѣдьма-измѣнщица!

Матроска только простонала. Но не отъ боли, а отъ тоски и обиды за свое безсиліе.

Еще бы!

Даниловна страшно накаркала Маркушкѣ, и матроска не могла подняться съ постели, чтобы по меньшей мѣрѣ выцарапать глаза „подлой брехуньѣ“.

Но больная все-таки почувствовала значительное ду-

шевное облегченіе, когда слышала, какъ хорошо „отчекрыжилъ“ Маркушка старую боцманшу.

И съ гордостью матери, любующейся сыномъ, радостно промолвила:

— Ай да молодца, Маркушка! Не хуже настоящаго матроса отчесалъ вѣдьму.

— То-то! Не баламуть. Не смѣй каркать, измѣнщица!— все еще взволнованный отъ негодованія и сверкая загорѣвшимися глазами, воскликнулъ Маркушка.

— Измѣнщица и есть...

— А то какъ-же? По настоящему слѣдовало бы прикокошить старую вѣдьму... Какъ ты думаешь, мамка?

— Ну ее... Изъ-за вѣдьмы да еще отвѣчать!.. И такъ навелъ на ее страху... Не трогай... Слушайся матери, Маркушка!

— Не бойсь, мамка... Не трону... Чортъ съ ней, съ вѣдьмой. Больше не придетъ къ намъ баламутить... На утекъ поползетъ.

Матроска успокоилась и скоро задремала.

А Маркушка, уже отдумавшій „укокошивать“ Даниловну и довольный, что заслужилъ одобреніе матери за „отчекрыжку“ старой „корги“, сталъ продолжать свой обѣдъ—тарань и краюху хлѣба—и, прикончивъ его виноградомъ,—тихонько подошелъ къ постели.

Онъ взглядывалъ на восковое лицо матери. Онъ слышалъ какое-то бульканье въ ея горлѣ. И невольно вспомнилъ слова Даниловны.

Сердце Маркушки упало. Ему стало жутко.

Онъ подсѣлъ къ окну и жадно смотрѣлъ на безлюдную и безмолвную улицу—не проглядѣть доктора.

Но страхъ понемногу проходилъ, когда Маркушка думалъ о томъ, что докторъ, разумѣется, быстро выправитъ мать какими-нибудь каплями. И она опять войдетъ въ силу, станетъ крѣпкая и сильная, какъ прежде, и съ ранняго утра будетъ уходить на рынокъ къ своему ларьку.

И онъ станетъ проводить время по старому. Онъ опять будетъ съ нею пить чай съ горячими бубликами, съ ней вмѣстѣ уходить и заниматься своими дѣлами. Онъ навѣститъ Ахметку и Исайку, побываетъ на Графской: нѣтъ ли офицера, который куда-нибудь пошлетъ, заглянетъ къ „дяденькѣ“ и прокатится на шлюпкѣ, поглазѣетъ на лавки въ большой улицѣ, пойдетъ къ матери на рынокъ пообѣдать съ нею, потолкается на рынкѣ, поиграетъ въ бабки съ товарищами въ слободкѣ, потомъ пойдетъ купаться на „хрустальныя воды“—въ затишье артиллерійской бухты около рынка—и вечеромъ на бульваръ или на Графскую и спать домой.

„Разумѣется докторъ выправитъ мамку: и дяденька говорилъ, что мать не умретъ. Зачѣмъ ей умирать?“

И, успокоенный за мать, Маркушка уже не смущается болѣе ни мертвенностью ея исхудалаго, изможденнаго лица, ни слабостью, ни ознобомъ, ни свистомъ, вылетающимъ изъ ея груди, ни прерывистымъ, труднымъ дыханіемъ.

Въ головѣ Маркушки уже пробѣгали мысли о французѣ, котораго пустили, о пушкахъ, которыя видѣлъ утромъ, о толпѣ, матросахъ, объ отъѣздѣ барынь, о словахъ дяденьки, о Менщикѣ, ушедшемъ со всѣми солдатами не пускать въ Севастополь, о гривенникѣ добраго мичмана, объ адмиралахъ, куда-то спѣшившихъ, о Нахимовѣ, который обнадеженъ матросами.

А палящій зной такъ и дышалъ въ маленькое оконце... Въ низенькой комнатѣ охватывала духота... А Маркушка такъ усталъ, летавши во весь духъ на Графскую и обратно.

И Маркушка пересталъ думать. Онъ невольно приклонилъ лицо къ подоконнику и моментально заснулъ.

III.

ПРОТРИ зенки, Маркушка! — раздался надъ ухомъ мальчика грубоватый, съ легкой сипотой голосъ.

Внезапно раскрывшій глаза, Маркушка съ просонья хватился бы затылкомъ о раму низенькаго оконца, если бы большая, шаршавая и вся просмоленная рука не лежала на его всклокоченной головѣ.

— Отчепни двери... А то дрыхнете, какъ зарѣзанные...

Маркушка сорвался съ мѣста.

— Кто тамъ? — словно бы въ полуснѣ прошептала матроска.

— Тятька пришелъ!—радостно сказалъ Маркушка и побѣжалъ въ сѣни снять щеколду съ дверей.

— Ну, какъ мамка?—пониженнымъ голосомъ, казалось, спокойнымъ, проговорилъ приземистый, черный какъ жукъ матросъ лѣтъ сорока, съ загорѣлымъ смуглымъ лицомъ, заросшимъ черными волосами.

— Здорово исхудала... И не ѣстъ... Докторъ придетъ сейчасъ.

— Докторъ? Кто добылъ?

— Мичманъ Михайла Михайлычъ... встрѣлъ на Графской, когда за вами бѣгалъ и сказалъ, что мамка больна.

Въ знакъ одобренія форъ-марсовой съ „Константина“, Игнатъ Ткаченко, въ бѣлой праздничной матросской рубахѣ и въ парусинныхъ башмакахъ на босыхъ ногахъ, потрепалъ по спинѣ сына и вошелъ въ комнату.

Цѣлую недѣлю не видѣлъ матросъ жены и какъ увидалъ ее, то едва не ахнулъ—до того за недѣлю она измѣнилась.

Матросъ понялъ, что въ эту комнату пришла смерть.

Но онъ скрылъ отъ больной свое тоскливое изумленіе, когда подошелъ къ ней. Онъ только осторожнѣе и

словно бы боязливо пожалъ ея восковую руку съ желтыми длинными ногтями и съ еще большею шутливой грубостью проговорилъ:

— А ты что это вздумала валяться, матроска?.. Денъ пять тебѣ отлежаться и, смотри, опять во всемъ своемъ „паратѣ“ въ поправку...

— То-то и я обнадежена... А ждала тебя... Думала: загулялъ...

— Дура ты, Анна, и есть... Не спускали... Оттого и не пришелъ. И сейчасъ отпустили всего на одинъ часъ... Развѣ что завтра отпустятъ.

— То-то зайди...

— А то думаешь не зайду... Скоро и вовсе на „баксіонъ“ переберемся... Тогда буду забѣгать. По другой части будемъ... въ родѣ какъ крупа... На сухопутьѣ...

И матросъ сталъ разсказывать, что приказано орудія со всѣхъ кораблей на батареи и матросовъ къ своимъ пушкамъ... И Нахимовъ будетъ и на сухомъ пути начальникомъ... И Корниловъ тоже. Башковатый адмиралъ... И оба они просили Менщика выдти всему флоту къ французскимъ и англійскимъ кораблямъ... Сцѣпиться молъ съ ними и—будь что будетъ, а изничтожить непріятельскій флотъ... А Менщикъ не допустилъ. „Вы, говоритъ, адмиралы, зря только себя изничтожите... На нихъ корабли все съ машинами жарятъ подъ парами... Куда хотятъ, туда и иди, въ родѣ какъ пароходы... А вы то что съ одними парусами? Ежели вѣтра не будетъ—что вы подѣлаете?.. А онъ всѣхъ перетопитъ... Будетъ себѣ палить, какъ ему вгодно, и шабашъ“!.. Нахимовъ и покорился... Ничего не подѣлаешь...

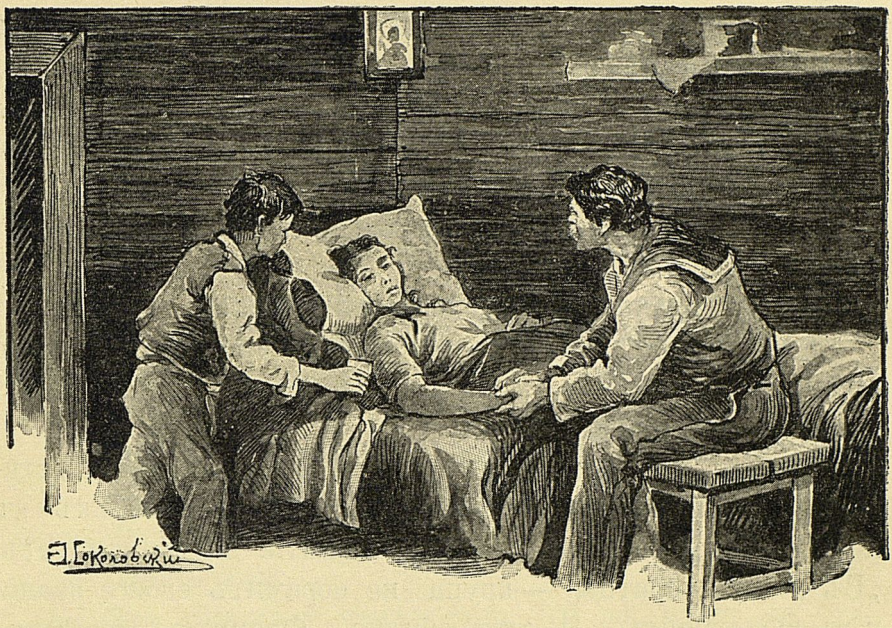
И матросъ примолкъ.

— Такъ какъ-же, Игнатъ?—спросила матроска.

— На счетъ чего, Аннушка?—переспросилъ матросъ, отводя взглядъ, чтобъ не смотрѣть на эти тревожные лихорадочные глаза, глубоко запавшіе въ глазницы.

— Значитъ, *онъ* придетъ къ нашему Севастополю? Господь допуститъ?

— Ни въ жисть! Нахимовъ съ матросами не допуститъ. Всѣхъ французовъ перебьетъ!—съ задорной увѣренностью и не безъ отваги воскликнулъ Маркушка, сообразившій, что отецъ не забѣгалъ по дорогѣ въ питейный и, слѣдовательно, зря не треснетъ.



Онъ только осторожнѣе и словно бы боязливо пожалъ ея восковую руку...

Однако, на всякій случай, Маркушка попятился къ дверямъ.

Матросъ не поднялъ своихъ клочковатыхъ, нависшихъ бровей, придававшихъ его добродушному лицу свирѣпый видъ, и не сжалъ руки въ здоровенный кулакъ.

Онъ взглянулъ на Маркушку съ какою-то ласковой жалостью, точно понималъ, что мальчикъ скоро будетъ сирота.

Но для порядка все-таки не безъ строгости проговорилъ:

— Видно давно не клалъ тебѣ въ кису, Маркушка!

— На прошлой недѣлѣ наклали, тятенька!

— То-то давно! — усмѣхнулся матросъ. — Вовсе ты сталъ отчаянный, Маркушка! Скажи пожалуйста, какой выросъ большой матросъ. Разсудилъ!

И, обращаясь къ женѣ, прибавилъ:

— Не сумлѣвайся, Аннушка... Не оконфузимся... Скоро обозначится война. Князь Менщикъ окажетъ, какой онъ есть генералъ противъ французскаго, ежели къ десанту не поспѣлъ... Еще, можетъ, поправится... Ну и то, что у нихъ все стуцера, а у нашихъ такихъ ружей нѣтъ. У француза стуцеръ далеко бьетъ, а нашему ружью не хватаетъ дальности. Вотъ тебѣ и загвоздка.

— Зачѣмъ же нашимъ не роздали стуцеровъ?—нетерпѣливо спросилъ Маркушка.

— Ой молчи, Маркушка... Не перебивай... Съѣзжу.

— Слушай, что отецъ говоритъ, Маркушка!—ласково промолвила матроска.

Матросъ продолжалъ:

— Къ „строку“ не изготовили этихъ самыхъ „стуцеровъ“. Солдатику и обидно. И ежели Менщикъ въ полномъ своемъ генеральскомъ понятіи да скомандуетъ: „Въ штыки, братцы!“—крупа не осрамитъ своего званія и въ рукопашную... Не такъ обидно... Французъ—извѣстно жидкій народъ—похорохорится... однако не сустерпитъ штыка... И драйка къ своимъ кораблямъ и гайда домой... „Ну васъ!.. Не согласны“...

Маркушка даже щелкнулъ языкомъ отъ удовольствія.

Но Маркушкина спесь была значительно сбита, когда послѣ минутной паузы отецъ задумчиво проговорилъ:

— И опять таки обмозгуй ты, Аннушка: какіе есть генералы при солдатахъ? Есть ли при разсудкѣ въ нихъ отчаянность и умѣютъ ли распорядиться солдатомъ? Это какъ и по нашей флотской части. Ежели начальникъ съ флотскимъ понятіемъ, зря не суетится—и матросу лестно,

никогда онъ не обанкрутитъ начальника... За Нахимова Павла Степаныча куда вгодно... То-то оно и есть... Какое отъ Менщика будетъ одолѣніе — скоро узнаемъ... Хучь и приди французъ,—а за Севастополь постоимъ... Живыми не отдадимся...

Нѣсколько времени царило молчаніе.

— Завтра на „баксіонъ“ перебираться...—промолвилъ Игнатъ.

— А жить гдѣ?—спросила жена.

— Землянки выроемъ.

— И харчъ какъ на кораблѣ?..

— Все по положенію по морскому довольствію... И нашъ командиръ будетъ начальникомъ „баксіона“... И прочіе офицеры... Палить будемъ, ежели французъ придетъ... А за тобой, Аннушка, кто приглядываетъ? — вдругъ спросилъ матросъ.

— Да кто? Все Маркушка... Заботливый. Въ родѣ какъ нянька ходитъ за матерью...

— А Даниловна?

— Сидѣла давеча, какъ Маркушка за тобой бѣгалъ.

— Не бойсь, больше не придетъ!—вмѣшался въ разговоръ Маркушка.

— Отчего это?

— Она вѣдьма и измѣнщица... Я не пущу ее, тятенька!—рѣшительно воскликнулъ Маркушка.

И „волнуясь и спѣша“, онъ разсказалъ, почему именно Даниловна измѣнщица и злющая вѣдьма, и не отказалъ себѣ въ удовольствіи похвастать, какъ онъ „отчесалъ“ боцманшу.

Слушая Маркушку, матросъ только усмѣхался, видимо довольный, не менѣе матери, что „мальченка башковатъ“ и пѣстуетъ мать и „форменно“ изругалъ „боцманшу“.

— А какая она измѣнщица?.. По какой такой причинѣ? Она, братецъ ты мой, не измѣнщица... Даниловна

злющая и много о себѣ полагаетъ. А за брехню ты, Маркушка, правильно отчекрыжилъ.

И, обращаясь къ женѣ, сказалъ:

— Не бойсь, какъ былъ живъ боцманъ, она не посмѣла-бы шипѣть, какъ гадюка... У него рука была тяжелая... Держалъ свою гадюку въ понятіи... Съ разсудкомъ былъ боцманъ... И пьянствовалъ въ плепорцію.

Въ эту минуту къ домику подъѣхали дрожки.

— Докторъ, мамка! — доложилъ Маркушка и, просвѣтлѣвшій, побѣжалъ встрѣтить доктора.

Пожилой, сухощавый докторъ съ рыжими волосами и бачками вошелъ въ комнату, потянулъ длиннымъ носомъ, и на лицѣ его пробѣжала гримаса.

— Ну и душно здѣсь...

— Точно такъ, вашескобродіе! — отвѣтилъ матросъ, вытянувшись передъ докторомъ.

— И духъ чижелый...—прибавилъ онъ.

— Твоей женѣ, Ткаченко, и дышать труднѣе... Какъ тебя, матроска, звать?—спросилъ докторъ, приблизившись къ больной.

— Анной, вашескобродіе!—взволнованно и внезапно пугаясь отвѣтила матроска.

Докторъ взглянулъ на ея лицо и сталъ необыкновенно серьезенъ.

— Ты, Анна, не волнуйся... Нечего меня бояться... Твой матросъ знаетъ, что я не страшный...

Рыжій докторъ въ бѣломъ кителѣ проговорилъ эти ободряющія слова съ шутливой ласковостью. Но его мягкій голосъ слегка вздрагивалъ. Добрый человѣкъ, онъ былъ взволнованъ при видѣ умирающей молодой женщины, спасти которую невозможно, и которой надо спокойно врать, чтобы она не отчаялась, узнавъ свой приговоръ. А бѣдняга, какъ чахоточная, разумѣется, и не догадывается, что дни ея сочтены.

— Не бойся, Аннушка... Господинъ старшій докторъ

доберъ... Вызнаетъ, что въ тебѣ болитъ „нутреннее“ и поможетъ,—сказалъ Игнатъ.

— Я не боюсь, вашескобродіе!—промолвила матроска слабымъ, глухимъ голосомъ и старалась приподняться, но не могла и безсильно уронила голову на подушку.

— Не подымайся... не надо!—приказалъ докторъ.

И подумалъ:

„Къ чему бѣднягу безпокоить осмотромъ. Не все ли равно?“

Но добросовѣстность врача говорила о долгѣ и объ обязанности облегчить хоть послѣднія минуты потухающей жизни.

И, по прежнему необычайно серьезный и точно въ чемъ-то виноватый, рыжій докторъ еще мягче и ласковѣе проговорилъ, вынимая изъ кармана молоточекъ и стетескопъ:

— Вотъ послушаемъ что у тебя, Аннушка... Не бойся... Не бойся...

Докторъ опустился и приложилъ свое ухо къ трубкѣ, уставленной у груди... Слушалъ, потомъ постукивалъ, потомъ опять приложилъ свое ухо къ сердцу Аннушки.

Она испуганно и стыдливо закрыла глаза.

Матросъ напряженно-серьезно смотрѣлъ на лысую, блестѣвшую потомъ голову. Маркушка, напротивъ, былъ торжественно-веселъ. Ему казалось, что докторъ узналъ, что внутри мамки, пропишетъ капли, и мамка пойдетъ на поправку.

Докторъ поднялся, прикрылъ одѣяломъ матроску и увидалъ ея жадный вопросительный взглядъ...

— Простудилась... Надо тебѣ полежать... Пропишу капли и станетъ легче...

— И скоро можно встать, вашескобродіе?—нетерпѣливо спросила матроска.

— Скоро!—не глядя на больную проговорилъ рыжій докторъ.

Онъ отошелъ къ окну, присѣлъ, отдышался, вырвалъ изъ своей записной книжки листокъ, прописалъ рецептъ и, казалось, чѣмъ-то раздраженный, подозвалъ Маркушку.

— Бѣги въ госпиталь, получишь даромъ пузырекъ съ каплями и... А кто присматриваетъ за матерью?...

— Я.

— Ты?—удивленно спросилъ докторъ.

— Онъ башковатый, вашескобродіе... Все время не отходитъ отъ матери!—серьезно промолвилъ отецъ.

— Ласковый!—протянула матроска.

Докторъ потрепалъ Маркушку по головѣ и сказалъ:

— Какъ принесешь, дай матери десять капель въ рюмкѣ воды... Сумѣешь отлить?

— Потрафитъ!—замѣтилъ Игнатъ.

— Къ ночи дать еще десять. Завтра утромъ опять десять капель.. Мать лучше будетъ спать... Не буди... Понялъ?

— Понялъ... Мамка вѣдь скоро поправится отъ капель, вашескобродіе?

— Да...

— Дай вамъ Богъ здоровья!—радостно проговорилъ Маркушка.

И сказалъ отцу:

— Тятенька! Пока буду бѣгать за каплями, спроворьте матроску Щипенкову посидѣть около мамки... А я живо обернусь!

Съ этими словами Маркушка исчезъ и понесся внизъ.

— Славный у тебя мальчикъ, Аннушка... Ну, поправляйся... Отъ капель будешь спать. Сномъ и уйдетъ болѣзнь... Завтра заѣду... Не благодари... Не за что!..—проговорилъ докторъ.

И, обратившись къ матросу, прибавилъ:

— Перетащи кровать съ больной къ окну... И немедленно!..

— Есть, вашескобродіе!

Докторъ вышелъ. За нимъ пошелъ матросъ и крѣпко притворилъ двери.

Докторъ остановился и сказалъ:

— Попрошу старшаго офицера, чтобъ на ночь тебя отпустили домой.

— Премного благодаренъ, вашескобродіе... Видно крышка ей?—чуть слышно спросилъ матросъ.

И лицо Ткаченки стало напряженно-серьезнымъ.

— Пожалуй, до утра не доживетъ. Она и не догадывается. Не показывай ей, что смерть пришла...

— Не окажу себя, вашескобродіе. Жалко обанкрутить человѣка.

— То-то.

Докторъ уѣхалъ.

Угрюмый матросъ постоялъ на улицѣ, выкуривая маленькую трубку.

Затѣмъ спряталъ ее въ штаны и, возвратившись въ комнату, проговорилъ:

— Ну, Аннушка, переведу тебя на новое положеніе... У окна скорѣй пойдетъ выправка.

Матросъ передвинулъ кровать...

— Небойсь, лучше?

— Лучше... Не такъ грудь запираетъ...

— Вотъ видишь... Сейчасъ пошлю къ тебѣ Щипенкову, пока Маркушка не обернется... А я на корабль...

— Когда зайдешь, Игнатъ?

— Можетъ, на ночь отпустятъ... Такъ за Маркушку за няньку побуду. И побалакаемъ, а пока до свиданія, Аннушка.

— Отпросись, Игнатъ...

— А то какъ-же?

— Отпустятъ?

— Старшій офицеръ хоть и собака, а съ понятіемъ. Отпуститъ.

— Наври. Скажи, молъ, матроска дюже хвора...

— Форменно набрешу... А какъ ты придешь ко мнѣ на „баксіонъ“, — и старшій офицеръ увидитъ, скажу: „Такъ молъ и такъ... Доктуръ быстро выправилъ мою матроску“!

IV.

ВЕЧЕРОМЪ, въ восьмомъ часу, Ткаченко пришелъ домой.

Больная спала. Дыханіе ея было тяжелое и прерывистое. Изъ груди вырывался свистъ. Маркушка, свернувшись калачикомъ, сладко спалъ на цыновкѣ, на полу у кровати и слегка похрапывалъ. Комната была залита луннымъ свѣтомъ. Съ улицы долетали женскіе голоса. Говорили о войнѣ, о томъ, что будетъ съ Севастополемъ, если допустятъ француза.

Матросъ осторожно разбудилъ мальчика.

Маркушка вскочилъ и виновато сказалъ отцу:

— Маленько заснулъ... Мамка все спитъ... На поправку, значитъ...

— Ты, Маркушка, иди спать въ сѣни... Выспись...

— А если мамка позоветъ?

— Я буду замѣсто тебя на вахтѣ.. Ступай!—почти нѣжно прошепталъ матросъ.

Матросъ присѣлъ на табуреткѣ и скоро задремалъ. Но часто открывалъ глаза и прислушивался...

Въ слободкѣ царила мертвая тишина. Въ городѣ часы пробили двѣнадцать ударовъ. Доносились протяжные оклики часовыхъ: „слу-шай“.

Матросъ поднялся и заглянулъ въ лицо больной. Облитое свѣтомъ, оно казалось мертвымъ.

Матроска вдругъ заметалась и открыла большіе, полные ужаса, глаза.

— Испить, Аннушка?..

— Тяжко... Духа нѣтъ... О Господи!

— Постой, капли дамъ...

— Дай... Спаси!.. Игнатъ!.. Родной!.. Смерть!

Матросъ дрожащими руками налилъ капли въ рюмку съ водой и поднесъ ее къ губамъ жены. Она вдругъ вытянулась и вздохнула въ послѣдній разъ. Наступила жуткая тишина.

Матросъ перекрестился и угрюмо поцѣловалъ лобъ покойницы.

Игнатъ до разсвѣта оставался въ комнатѣ.

Заснуть онъ не могъ и курилъ трубку за трубкой. Въ головѣ его неотступно проносились воспоминанія о покойной, объ ея правдивости, вѣрности и заботливости. Онъ вспоминалъ, какъ хорошо они жили четырнадцать лѣтъ и только пьянымъ, случалось, ругалъ ее и билъ, но рѣдко и съ пьяныхъ глазъ.

И чѣмъ больше думалъ матросъ о своей женѣ, тѣмъ мучительнѣе и яснѣе чувствовалъ ужасъ потери. На душѣ было мрачно.

— Прости въ чемъ виноватъ! Прости, Аннушка!— взволнованно шепталъ матросъ.

Наконецъ, стало разсвѣтать, и матросъ вышелъ изъ дома. Онъ разбудилъ Щепенкову и просилъ ее честь честью обмыть покойную и одѣть. Скоро они положили ее на столъ. Отъ Щепенковой Игнатъ пошелъ звать одну знакомую старую вдову-матроску, умѣвшую читать псалтирь, придти почитать надъ покойницей, и затѣмъ зашелъ къ старику плотнику—заказать гробъ.

Когда матросъ вернулся, въ сѣняхъ Маркушки уже не было.

Онъ былъ въ комнатѣ, смотрѣлъ на покойную и безутѣшно рыдалъ.

— То-то, Маркушка!—мрачно проговорилъ матросъ.

— Тятенька!.. Развѣ мамка взаправду умерла?—воскликнулъ Маркушка.—Тятенька!

— Взаправду...

— Какъ-же докторъ говорилъ?

— Чтобъ не тревожить... А онъ сразу мнѣ сказалъ, что смерть пришла... Ничего не подѣлаешь... Нутренность была испорчена.

Матросъ послалъ Маркушку просить священника, а самъ ушелъ на корабль, обѣщая придти къ вечеру...

Черезъ день хоронили матроску.

За гробомъ, выкрашеннымъ олифой, шли рядомъ матросъ и Маркушка; за ними десятокъ матросокъ.

Батюшка опоздалъ къ выносу и вынесли гробъ около полудня.

День стоялъ теплый, но сѣрый. Дулъ слабый вѣтеръ.

Всѣ провожавшіе услыхали какой-то тихій гулъ въ воздухѣ, точно слабые раскаты далекаго грома.

И матроски оглядывались на сѣверную сторону, откуда, казалось, доносился громъ, и крестились.

— Это пальба слышна... Менщикъ не пущаетъ француза!—вымолвилъ матросъ, прислушиваясь.

Маркушка сталъ креститься.

Возвращаясь съ кладбища, отецъ говорилъ Маркушкѣ:

— Понавѣдывайся ко мнѣ на четвертый баксіонъ. Около бульвара... А живи у Щепенковой... Будешь помогать ей...

— Я бы къ дяденькѣ лучше...

— Чтожъ... Ежели возьметъ... А потомъ обмозгую, гдѣ тебѣ находиться... Можетъ и къ теткѣ въ Симферополь пошлю...

— Я бы здѣсь...

— А ежели бондировка?..

— Чтожъ... къ вамъ бы бѣгалъ, на баксіонъ...

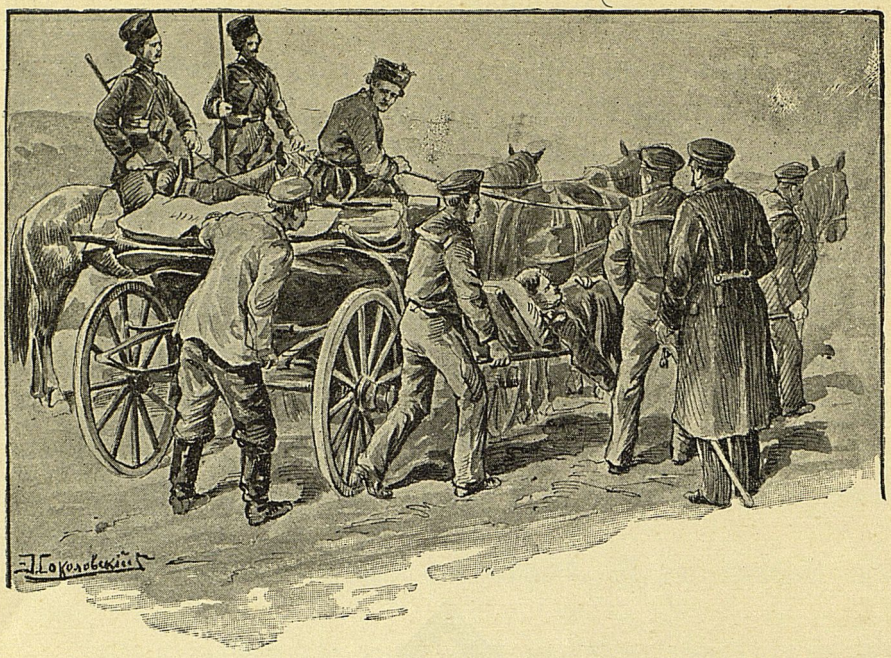
— Глупый... А убьютъ?..

— Зачѣмъ убьютъ... Ужъ позвольте, тятенька, остаться...

— Тамъ видно будетъ, какая будетъ тебѣ моя лезорюція... а пока прощай, Маркушка... Завтра приходи на баксіонъ... къ полудню... Вотъ тебѣ два пятака на харчи, сирота!

У бульвара они разошлись. Матросъ пошелъ на бастіонъ, а Маркушка на Графскую пристань

Онъ снова видѣлъ матросовъ, везущихъ пушки, слушалъ отдаленную пальбу и, вдругъ охваченный тоской по матери, горько заплакалъ.



ГЛАВА II.

I.

ЯДЕНЬКА, старый яличникъ Степанъ Трофимовичъ Бугай, только что вернулся съ Сѣверной стороны и видѣлъ тамъ перваго раненаго офицера въ Алминскомъ сраженіи.

Его привезли въ коляскѣ.

Яличникъ видѣлъ полулежащую фигуру съ черноволосой головой безъ фуражки, съ мертвенно-блѣднымъ красивымъ молодымъ лицомъ. Онъ видѣлъ напряженно серьезное лицо военнаго врача, сидѣвшаго бочкомъ въ коляскѣ, лакея въ „вольной“ одеждѣ на козлахъ рядомъ съ ямщикомъ и двухъ донскихъ казаковъ на усталыхъ лошадкахъ, провожавшихъ коляску.

Когда раненаго перенесли на катеръ, чтобъ переправить къ морскому госпиталю, молодой ямщикъ на минуту остановилъ коляску около кучки любопытныхъ и сказалъ, что привезъ важнаго офицера, которому въ началѣ сраженія оторвало ногу ядромъ и по случаю того, что „баринъ княжескаго званія и страсть богатый“, для него обрядили коляску и запрягли курьерскихъ со станціи, чтобы летомъ доставить въ Севастополь. Пусть, молъ, доктора приложутъ все свое стараніе для князя изъ Петербурга.

Ямщикъ прибавилъ, что по дорогѣ обогналъ пѣшеходныхъ раненыхъ солдатъ, которые плелись къ Севастополю, а видѣлъ и такихъ, „кои истекали кровью въ степи“.

Ямщикъ поѣхалъ на станцію. Два казака, молодые, запыленные и довольные, подъѣхали къ кучкѣ у пристани и спросили, гдѣ бы можно закусить, отдохнуть, покормить коней и тогда ужь вернуться къ своей части.

Бугай спросилъ казаковъ: какъ наши управляются съ французомъ, и пойдетъ ли онъ на утекъ, на свои корабли.

Одинъ казакъ отвѣтилъ, что по началу еще неизвѣстно. Однако уже много нашихъ *онъ* перебилъ и поранилъ. *Его* видимо-невидимо, и наши ружья зря палятъ.

— Ничего не подѣлаешь противъ стуцеровъ! — не безъ важности прибавилъ другой казакъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась татарская маджара. Казаки переглянулись и подъѣхали къ ней.

Не прошло минуты, какъ верхушки двухъ пикъ были увѣнчаны нѣсколькими арбузами и дынями, и казаки отъѣхали съ веселымъ смѣхомъ.

Старый татаринъ только сверкнулъ глазами, полными злобы.

Подъѣхалъ фаэтонъ съ господиномъ и растерянной дамой. Они пріѣхали съ ближняго своего хутора и наняли Бугая перевезти въ Севастополь.

По дорогѣ пассажиры толковали между собой о томъ, что будетъ съ ихъ домомъ, если придутъ союзники или наши. Навѣрное, все разорятъ. Пожилой господинъ, повидимому грекъ, бранилъ князя Меншикова за то, что у насъ мало войска. Изъ-за этого татары волнуются и многіе ужь бросили хутора и пошли въ турецкій лагерь, чтобы служить имъ лазутчиками и быть проводниками.

— Надѣются шельмы, что Крымъ отойдетъ къ туркамъ!—прибавилъ пожилой обрусѣвшій грекъ.

Бугай перевезъ пассажировъ и никому изъ товарищей-яличниковъ не сообщилъ первыхъ нехорошихъ извѣстій.

„Еще правда-ли“?—подумалъ старый яличникъ.

Однако былъ въ подавленномъ мрачномъ настроеніи. Онъ какъ-то лѣниво попыхивалъ дымкомъ изъ трубчонки, которую держалъ въ еще крѣпкихъ и бѣлыхъ зубахъ, и часто сердито и тревожно взглядывалъ за бухту, напряженнѣе прислушиваясь къ отдаленному гулу выстрѣловъ.

Раскаты были чаще, и, казалось, слышнѣе.

И Бугай снялъ шапку и истово перекрестился.

— Дяденька! — окликнулъ Маркушка, утирая грязнымъ кулакомъ глаза, полные слезъ.

Мальчикъ, подошедшій къ ялику, не походилъ на прежняго смѣлаго и бойкаго Маркушку.

Онъ напоминалъ собой бездомную собаченку, прибѣжавшую искать пріюта и ласки.

— Что „мамзелишь“, Маркушка? Попало за шкоду и не скуль!—сердито сказалъ „дяденька“, поворачивая голову.

— Дяденька!.. Мамка... По-хо-ро-ни-ли! — протянулъ мальчикъ, точно оправдываясь.

Къ горлу подступали рыданія. Но Маркушка старался сдержать ихъ.

Въ темныхъ глазахъ мальчика стояло такое отчая-

ніе, что угрюмое выраженіе лица стараго яличника быстро смягчилось.

И онъ глядѣлъ на Маркушку, не роняя слова.

Его молчаніе было тѣмъ проникновеннымъ и участливымъ молчаніемъ, которое дороже словъ. Бугай точно понималъ, что всякія слова утѣшенія безсильны и фальшивы.

И Маркушка чувствовалъ, какъ тоска отчаянія смягчалась подъ ласковымъ, почти нѣжнымъ и слегка смущеннымъ взглядомъ маленькихъ глазъ дяденьки.

— Что-же не „валишь“ въ шлюпку, Маркушка?—наконецъ проговорилъ Бугай.—Скоро на ту сторону. Прокатимся. Отсюда нема пассажира. Больше оттуда... Съ хуторовъ повалили.

Маркушка вошелъ въ яликъ и притихъ, довольный, что нашелъ себѣ пріютъ на яликѣ, подъ бокомъ „дяденьки“.

— Отецъ на баксіонѣ?

— На баксіонѣ?

— Ты обѣдалъ.

— Нѣтъ. Тятька далъ грошей... Куплю чего-нибудь.

— Поѣшь!

Съ этими словами Бугай досталъ изъ ящика подъ сидѣньемъ булку, копченую рыбу и небольшой кусокъ мяса.

— Все съѣшь, а кавунъ на закуску... То-то и скусно будетъ.

Пока Маркушка ѣлъ, яличникъ раздумчиво посматривалъ на мальчика, и когда тотъ прикончилъ обѣдъ и принялся за арбузъ, Бугай сказалъ:

— А пока что, у меня живи... День будешь въ родѣ рулевого на яликѣ, а на ночь въ мою хибарку... Хочешь, Маркушка?

Маркушка отвѣтилъ, что очень даже хочетъ и тятьку просилъ, чтобы къ „дяденькѣ“.

— А отецъ что?

— Позволилъ. Пока, говоритъ, ежели вы дозволите. А тамъ, молъ, видно. Но только тятька въ Симферополь хочетъ услать... къ теткѣ...

— И поѣзжай!

— За что, дяденька?

— За то!

— Мнѣ бы остаться, дяденька... И тятьку просилъ остаться... Хучь бы и бондировка... Я бы къ тятькѣ на баксіонъ забѣгалъ... Только бондировки не будетъ... Менщикъ ловокъ... Не допуститъ. Теперь онъ чекрыжитъ *ихъ,* шельмовъ... Разстрѣлъ ихъ дьяволовъ идетъ!

— То-то еще неизвѣстно. Ѣшь себѣ кавунъ, Маркушка... И какъ Богъ дастъ!

Бугай снова сталъ очень серьезенъ. Онъ нахмурилъ брови и сталъ прислушиваться.

— Слышишь, Маркушка?

— Что то не слыхать, дяденька!

— Значитъ конецъ „страженію“!—прошепталъ строго Бугай.

Съ судовъ на рейдѣ пробили шесть склянокъ.

— Ѣдемъ!—сказалъ Бугай.

Онъ отвязалъ конецъ, прикрѣпленный къ рыму на пристани, отпихнулъ шлюпку, сѣлъ на среднюю банку, взялъ весла и приказалъ Маркушкѣ сѣсть на сидѣнье въ кормѣ, на руль.

— Умѣешь править?—строго спросилъ яличникъ.

— Пробовалъ, дяденька! — отвѣтилъ Маркушка и самолюбиво вспыхнулъ.

— Не зѣвай... Рулемъ не болтай. На дома держи... Вонъ туда... Видишь?—сказалъ старикъ, указывая корявымъ указательнымъ пальцемъ на бѣлѣющееся пятно построекъ на противуположномъ берегу.

— Вижу, дяденька! — нѣсколько робѣя промолвилъ Маркушка.

Бугай поплевалъ на свои широкія, мозолистыя ладони и сталъ грести двумя веслами.

Онъ гребъ, какъ мастеръ своего дѣла, ровно, съ небольшими промежутками, сильно загребая лопастями воду.

И шлюпка ходко шла, легко и свободно разрѣзывая синѣющую гладь бухты, играющей рябью.

Проникнутый, казалось, отвѣтственностью своей важной обязанности, Маркушка, необыкновенно серьезный и возбужденный, съ загорѣвшимися глазами, устремленными впередъ, вцѣпившись рукой въ румпель, правилъ, стараясь не вилять рулемъ, и видимо довольный, что носъ шлюпки не отклонялся ни вправо, ни влѣво.

Рулевой и гребецъ молчали.

По временамъ Бугай взглядывалъ назадъ, чтобъ провѣрить направленіе ялика, и удовлетворенно посматривалъ на серьезнаго маленькаго рулевого.

И на срединѣ бухты проговорилъ съ легкой одышкой:

— Молодца Маркушка! Ловко правишь!

Маркушка зардѣлся.

Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ.

— Встрѣчныя шлюпки оставляй влѣво...

— Есть! Влѣво! — отвѣтилъ Маркушка, перенявшій обычный матросскій лаконизмъ служебныхъ отвѣтовъ отъ отца и другихъ матросовъ.

И когда встрѣтилъ вблизи яликъ, Маркушка осторожно переложилъ руль, и яликъ, полный пассажирами, прошелъ на разстояніи сажени.

— Бугайка!—крикнулъ яличникъ.—Солдаты подходятъ... Раненые!.. Сказываютъ, французъ одолѣлъ!

Бугай нахмурился и налегъ на весла.

II.

Когда шлюпка пристала, нѣсколько яликовъ, полные солдатъ, отваливали.

При видѣ того, что увидалъ на Сѣверной сторонѣ Маркушка, сердце его замерло.

И онъ съ ужасомъ воскликнулъ:

— Дяденька!!

— Видишь: раненые французомъ!—сердито сказалъ Бугай.

— А онъ придетъ?

Старый яличникъ не отвѣтилъ и проворчалъ:

— И что смотритъ начальство! По-ря-дки!

Большое пространство берега передъ пристанью было запружено солдатами въ подобранныхъ и разстегнутыхъ шинеляхъ. Они были безъ ружей, запыленные, усталые, съ тревожными и страдальческими лицами. Словно испуганныя овцы, жались они другъ къ другу небольшими кучками. Большая часть сидѣла или лежала на землѣ. Тутъ-же скучились телѣги и повозки, переполненныя людьми. Никакого начальства, казалось, не было.

Среди людей раздавались раздирающіе крики о помощи, вопли и стоны. Слышались призывы смерти.

Никакой медицинской помощи не было. Военныхъ баркасовъ для переправы раненыхъ въ госпиталь еще не было.

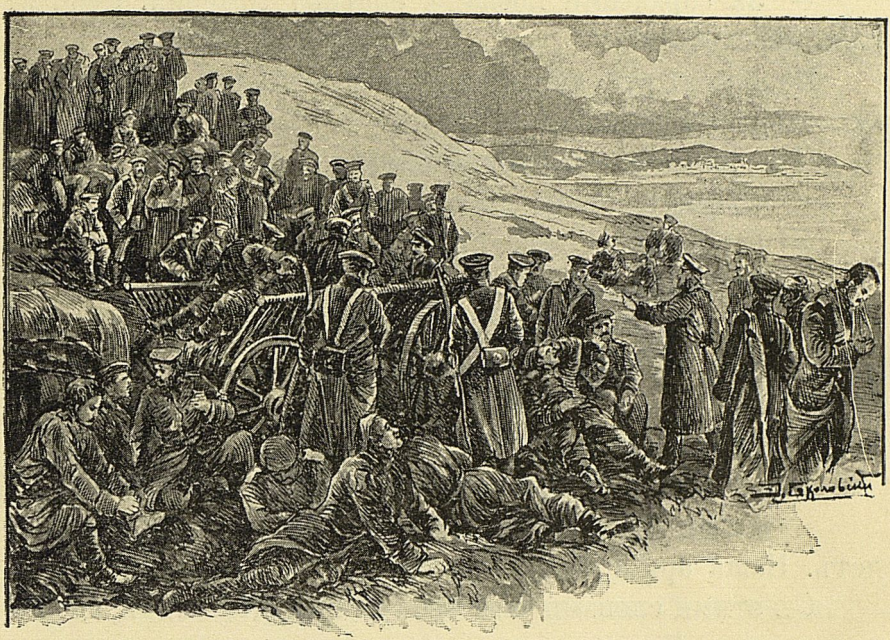
Покорная толпа ожидала... То и дѣло подходили новыя кучки и истомленные опускались на землю.

Маленькій, заросшій волосами военный докторъ, сопровождавшій первый транспортъ тяжело раненыхъ, то и дѣло перебѣгалъ отъ телѣги къ телѣгѣ и старался успокоить раненыхъ обѣщаніями, что скоро доставятъ ихъ въ госпиталь. Онъ встрѣчалъ молящіе, страдающіе взгляды и глаза, уже навѣки застывшіе.

Врачъ безсильно метался, зная, что помочь невозможно.

И, вспомнивъ что то, онъ подошелъ къ шлюпкѣ Бугая, въ которую уже бросилось человѣкъ двадцать раненыхъ и, обратившись къ молодому блѣдному офицеру съ повязкой на головѣ, изъ-подъ которой сочилась кровь,— проговорилъ:

— Сейчасъ поѣзжайте въ госпиталь, Иванъ Иванычъ... Богъ дастъ, рана благополучная... Пулю вынутъ скоро.



Словно испуганныя овцы, жались они другъ къ другу небольшими кучками...

И словно бы желая облегчить свое раздраженіе, прибавилъ:

— Вы видѣли, Иванъ Иванычъ... Видѣли, что здѣсь дѣлается?.. Часъ пріѣхали и нѣтъ шлюпокъ. Вѣдь это что-же? Какъ я перевезу тяжело раненыхъ... Куда я ихъ дѣну? Ужь десятки умерло... А сколько еще подъѣдутъ. Это чортъ знаетъ какіе порядки... Даже корпіи не хватило...

Прибѣжалъ откуда-то пожилой морякъ, смотрѣлъ на бухту и ругался:

— Хоть бы во-время предупредили... Давно бы были пароходы и баркасы, а то... Развѣ я виноватъ?! Докторъ!.. Вы понимаете, каковъ штабъ у Меншикова!.. Не знаетъ ли онъ, что будутъ раненые?!

— Это ужасно... Вѣдь люди!—возмущался докторъ.

Тогда морякъ вошелъ въ средину толпы и крикнулъ:

— За баркасами послано, братцы! Потерпи. Сейчасъ васъ перевезутъ!..

Но доселѣ безропотно ожидавшіе, казалось, взволновались словами моряка.

Изъ толпы въ разныхъ концахъ раздались слова:

— Бросили здѣсь, какъ собакъ!

— Съ ранняго утра не ѣли.

— Хоть бы перевязали... Истекай кровью!

— Въ городъ доставьте... Не давайте умирать!

— *Онъ* нагрянетъ...

— Всѣхъ насъ и заберутъ!

Раненые зашевелились. Многіе стали подниматься.

Тогда морякъ во всю мощь своего голоса крикнулъ:

— Сиди, братцы! Не слушай дураковъ! *Онъ* не придетъ. Наша армія не пуститъ.

Съ этими словами онъ быстро вернулся къ пристани и крикнулъ Бугаю:

— Стопъ отваливать!

Съ ближайшей телѣги донесся голосъ:

— Менщикъ пустилъ... Пропали мы...

— Врешь!—закричалъ на раненаго морякъ.

Онъ досталъ изъ кармана листокъ бумаги и написалъ карандашомъ на ней нѣсколько словъ.

— Ты, рулевой мальчишка!—сказалъ морякъ Маркушкѣ.

— Есть, вашескобродіе.

— Знаешь квартиру Павла Степаныча Нахимова?

— Какъ не знать.

— Сбѣгай немедленно къ нему и передай записку.

— Есть!

Въ ту же минуту сбоку, вокругъ толпы, подъѣхалъ къ пристани на крымскомъ славномъ иноходцѣ молодой запыленный офицеръ въ адъютантской формѣ.

Онъ соскочилъ съ сѣдла, бросилъ поводья сопровождавшему его казаку и крикнулъ на отвалившую только шлюпку Бугая:

— Вернись... Возьми...

Бугай затабанилъ, и шлюпка была у пристани.

— Ѣду съ письмомъ отъ главнокомандующаго къ Корнилову!—взволнованно проговорилъ адъютантъ, пожимая руку знакомаго моряка.

— Ну что?.. Какія вѣсти?

— Плохія...

— Отступили?..

— Въ безпорядкѣ!.. Срамъ... Кирьяковъ съ дивизіей перепуталъ...

— А куда армія?..

— Отступаемъ на Инкерманъ... Ночуемъ тамъ...

— А союзники?

Офицеръ пожалъ плечами.

— Идутъ за нами... Можетъ и въ Севастополь!..— отвѣтилъ, чуть слышно, офицеръ.

И, пожавъ руку моряка, вошелъ въ шлюпку, и она отвалила.

Наконецъ показалась большая флотилія большихъ гребныхъ судовъ, плывшихъ на Сѣверную сторону для перевозки раненыхъ въ городъ.

Старый яличникъ наваливался на весла, угрюмый, не проронившій ни слова и прислушивавшійся къ подавленному тону разговоровъ своихъ пассажировъ.

— Дяденька! Идутъ!—радостно крикнулъ Маркушка.

Онъ стоялъ у руля въ маленькомъ кормовомъ гнѣздѣ сзади передняго сидѣнья на яликѣ.

„Дяденька“ Бугай быстро повернулъ голову, взглянулъ секунду, другую на военные баркасы и катера и удовлетворенно прошепталъ:

— Слава тебѣ Господи!

Маркушка правилъ рулемъ добросовѣстно.

Весь отдавшійся своему дѣлу, онъ не слыхалъ о чемъ разговаривали передъ его носомъ два офицера: оба усталые, блѣдные, молодые со сбившимися повязками—одинъ на головѣ, другой—на шеѣ.

Офицеръ съ повязкой на головѣ, блондинъ съ грустными, вдумчивыми глазами, говорилъ тихимъ голосомъ, полнымъ безнадежной тоски, объ Алминскомъ сраженіи:

— И что могли сдѣлать 25.000 нашихъ, почти безоружныхъ со своими кремневыми ружьями противъ 70.000 союзниковъ, отлично вооруженныхъ? Они могли только умирать, благодаря генераламъ, поставившимъ солдатъ подъ выстрѣлы... Потомъ приказали отступать, когда ужь пришлось бѣжать...

Слезы дрожали въ глазахъ блондина, и онъ еще тише сказалъ:

— И какая неприготовленность!.. Какое самомнѣніе!.. Вѣдь всѣ думали, что закидаемъ иностранцевъ шапками... Вотъ какъ закидали!

— Быть можетъ, еще поправимся... Дай намъ хорошаго главнокомандующаго, хорошихъ генераловъ...

— Прибавьте пути сообщенія, чтобъ поскорѣй пришли изъ Россіи войска... Прибавьте порядокъ—видѣли сейчасъ на Сѣверной сторонѣ,—прибавьте хорошее вооруженіе и многое... многое, что невозможно... Нѣтъ, надо необычайную глупость непріятеля, чтобъ мы могли поправиться... И знаете-ли что?

— Что?

— Насъ разнесутъ... Понимаете, вдребезги?—прошепталъ блондинъ.

И еще тише прибавилъ:

— Для нашей-же пользы.

— Какой?

— Еще бы! Мы избавимся отъ самомнѣнія и слѣпоты... Поймемъ, отчего насъ разнесутъ. Въ чемъ наша главная бѣда... О, тогда...

Молодой офицеръ внезапно оборвалъ... Его большіе славные глаза словно бы сіяли какою-то восторженностью и въ то-же время въ нихъ было что-то страдальческое.

Онъ слабо застоналъ и схватился за голову. Лицо поблѣднѣло.

Сидѣвшій по другую сторону старый солдатъ поднесъ къ побѣлѣвшимъ губамъ офицера крышку съ водой, еще оставшейся въ манеркѣ.

— Испейте, ваше благородіе.

Офицеръ отпилъ два, три глотка и благодарно посмотрѣлъ на солдата.

— Ты куда раненъ?—спросилъ онъ, казалось, не чувствуя острой боли.

— Въ животъ, ваше благородіе.

— Перевязанъ?

— Никакъ нѣтъ. Самъ по малости заткнулъ дырку, ваше благородіе. Въ госпиталѣ вѣрно обсмотрятъ и станутъ чинить.

Скоро шлюпка пристала.

На пристани стояла небольшая кучка. Повидимому это были рабочіе изъ отставныхъ матросовъ. Больше было женщинъ: матросокъ и солдатокъ.

Мужчины помогли слабымъ выйти изъ шлюпки и предложили довести до госпиталя. Двумъ раненымъ офицерамъ привели извозчика, и они тотчасъ уѣхали. Ушелъ и адъютантъ.

А солдаты пока оставались на пристани. Бабы ихъ угощали арбузами, квасомъ и бубликами, разспрашивали, правда-ли, что французъ придетъ и отдадутъ Севастополь. И многія плакали.

— Брешутъ все!.. А вы главныя брехуньи и есть,— крикнулъ Бугай.

Онъ только-что получилъ тридцать копѣекъ отъ трехъ офицеровъ и на такую же сумму одѣлялъ мѣдяками „своихъ пассажировъ“.

— Пригодятся, крупа!—сердито говорилъ Бугай.

Единственный свой пятакъ Маркушка торопливо, застѣнчиво и почти молитвенно положилъ въ грязную руку солдата съ короткой сѣдой щетинкой колючихъ усовъ, который казался мальчику самымъ несчастнымъ, страдающимъ изъ раненыхъ, внушающимъ почтительную, словно бы благоговѣйную жалость взволнованнаго сердца.

Солдатъ покорно, безъ словъ жалобы, сидѣлъ на землѣ такой изможденный, сухенькій и маленькій старичокъ, запыленный, съ разорванной шинелью на плечахъ, безъ сапогъ, въ портянкѣ на одной ногѣ и съ обмотанной пропитанной кровью тряпкой на другой, съ сморщеннымъ, почти безкровнымъ лицомъ, на щекѣ котораго вмѣстѣ съ какой-то черной подсыпкой выдѣлялся темно-красный большой сгустокъ запекшейся крови. Правая рука была подвязана на какой-то самодѣльной повязкѣ изъ сѣраго солдатскаго сукна.

— Спасибо, мальченка! Выпью шкаликъ за твое здоровье!—бодро проговорилъ раненый солдатъ.—Еще починятъ. До свадьбы заживетъ!—прибавилъ онъ съ улыбкой и грустной и иронической, посматривая маленькими оживившимися глазами на свою руку и ноги.

Какая-то матроска угощала квасомъ. Старикъ добродушно сказалъ:

— Квасъ квасомъ, а ты спроворила бы, бабенка, за шкаликомъ. Вотъ тебѣ семь копѣекъ, что дѣдушка съ внукомъ дали. А затѣмъ можно и до „госпитали“ доплестись.

Маркушка подбѣжалъ къ Бугаю и сказалъ:

— Бѣгу къ Нахимову, дяденька, съ запиской!

— Бѣги! Если уѣду—жди здѣсь.
— Летомъ обернусь. Еще застану.
И полетѣлъ на Екатерининскую улицу.

III.

БЫЛЪ шестой часъ на исходѣ.

На Графской пристани и на Екатерининской улицѣ были небольшія кучки морскихъ офицеровъ, чиновниковъ и дамъ.

Почти на всѣхъ лицахъ были подавленность и изумленіе. Вездѣ шли возбужденные разговоры о только-что полученной вѣсти—что наши войска разбиты и въ безпорядкѣ отступаютъ, преслѣдуемыя союзниками.

Раздавались восклицанія негодованія. Обвиняли главнымъ образомъ Меншикова за то, что онъ съ такими солдатами и былъ разбитъ такъ ужасно.

Что теперь будетъ съ Севастополемъ?..

По Большой улицѣ проѣзжалъ старый генералъ на усталой лошади, одинъ, понурый, въ солдатской шинели, прострѣленной въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Это былъ корпусный командиръ, одинъ изъ участниковъ Алминскаго сраженія, только-что пріѣхавшій отъ отступающихъ войскъ. Съ балкона губернаторскаго дома, на которомъ сидѣло нѣсколько дамъ и двое молодыхъ инженеровъ, хозяйка, пожилая жена адмирала, окликнула знакомаго генерала.

Онъ остановился у рѣшетки сада и, поклонившись, извинился, что не можетъ зайти.

— Что будетъ съ нами, любезный генералъ? — по французски спросила адмиральша.

Генералъ сказалъ, что знаетъ обо всемъ Меншиковъ и болѣе никто. И, пожимая плечами, точно онъ ни въ

чемъ не виноватъ, прогогорилъ, что, благодаря глупости одного генерала и странной диспозиціи главнокомандующаго, мы должны были отступить... А у него шинель прострѣлена во многихъ мѣстахъ. Его во-время не поддержали и... оттого потеряна битва...

И негодующе прибавилъ:

— Знаете, что сдѣлалъ главнокомандующій? Онъ съ поля сраженія послалъ своего адъютанта Грейга въ Петербургъ къ государю—и вообразите!—приказалъ Грейгу доложить все, все, что видѣлъ, и что письменную реляцію пошлетъ завтра... Развѣ это не дерзость?.. Такъ огорчить государя?!.

Съ этими словами генералъ уѣхалъ.

Всѣ изумились дерзости Меншикова. Дамы печалились главнымъ образомъ тѣмъ, что государь будетъ такъ огорченъ. О множествѣ убитыхъ и раненыхъ какъ будто не вспомнили.

Торопливо выскочившая изъ фаэтона дама изъ севастопольскихъ „аристократокъ“ вбѣжала на балконъ и, поздоровавшись со всѣми, взволнованно сказала:

— Знаете ужасную вещь?

И разсказала, что только-что умеръ въ госпиталѣ N, красавецъ-гвардеецъ, пріѣхавшій изъ Петербурга... У него была оторвана нога ядромъ, и прожилъ нѣсколько часовъ.

Большая часть присутствующихъ дамъ знали покойнаго, и всѣ пожалѣли, что такой красивый, молодой и богатый князь погибъ. Это ужасно... ужасно!

— Не онъ одинъ убитъ! На войнѣ бываетъ много убитыхъ и раненыхъ!—произнесъ вошедшій изъ комнатъ на балконъ хозяинъ, высокій, слегка сутуловатый, худощавый адмиралъ, видный, живой и моложавый, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ.

Озабоченный и насупившійся, онъ проговорилъ эти слова рѣзкимъ, отрывистымъ тономъ, поздоровался съ

пріѣхавшей дамой, женой одного изъ адмираловъ, и присѣлъ вблизи общества, сидѣвшаго вокругъ стола.

При адмиралѣ всѣ примолкли и принялись за фрукты.

Черезъ минуту молодая адмиральша обратилась къ хозяину;

— Но все-таки мнѣ скажите... Должны сказать...

По большой улицѣ проѣзжалъ старый генералъ...

— Что-съ?

— Что будетъ съ Севастополемъ? Меншиковъ разбитъ... Мы беззащитны. Отдадимъ Севастополь? Французы будутъ здѣсь?

— Надо еще взять Севастополь. Возьми-ка его!—вызывающе сказалъ адмиралъ. — Вы повторяете нелѣпые слухи, слухи!—прибавилъ онъ раздраженно.

— Вы только хотите успокоить. Но намъ надо же знать. Богъ знаетъ, что случится въ эту же ночь.

— Ночью вамъ нужно почивать, сударыня. И примите мой добрый совѣтъ.

— Какой?

— Не слушайте болтовни и сами меньше болтайте... Да-съ!

Дама сдѣлала обиженное лицо.

— Вы очень нелюбезны, Андрей Иванычъ! Мы въ такомъ волненьи. Не знаемъ, къ чему приготовиться... Мужъ молчитъ. Я увѣрена, что мосье Никодимцевъ не откажетъ намъ объяснить.

И молодая женщина спросила молодого инженера, недавно пріѣхавшаго изъ Петербурга:

— Скажите... Легко взять нашъ Севастополь?

И другія дамы стали просить инженера.

Инженеръ помялся.

Но черезъ минуту серьезно и съ солиднымъ видомъ проговорилъ:

— Если непріятель хорошо освѣдомленъ и воспользуется нашимъ пораженіемъ, то...

— То вы, молодой человѣкъ, говорите вздоръ!—грубо перебилъ адмиралъ, сердито ерзая плечами.—Какое пораженіе!? Мы отступили вотъ и все.

Инженеръ покраснѣлъ.

— Вы ничего не знаете о положеніи Меншикова!—уже не такъ рѣзко сказалъ хозяинъ.—А я знаю!

И прибавилъ:

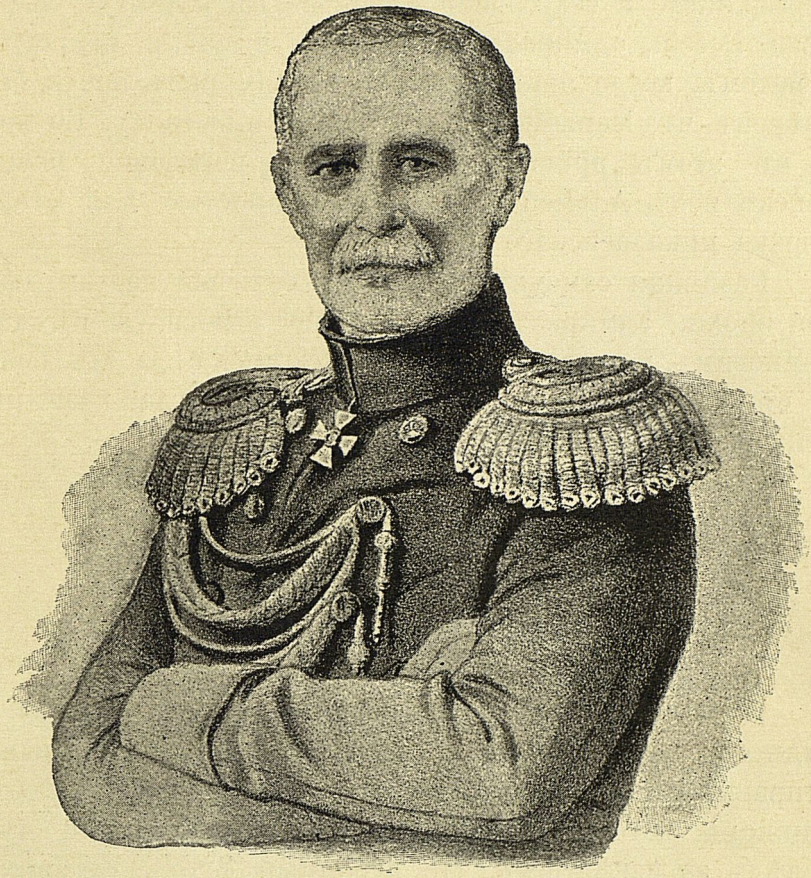
— Я только-что видѣлся съ Корниловымъ. Онъ получилъ письмо отъ главнокомандующаго. Онъ отступаетъ къ Севастополю и ночуетъ на Сѣверной сторонѣ. И непріятель не преслѣдуетъ. А у насъ еще наши баталіоны моряковъ да пять тысячъ новыхъ защитниковъ.

— Извините за вопросъ, ваше превосходительство, кто новые защитники?—осторожно спросилъ инженеръ.

— Арестанты! Они будутъ молодцами и загладятъ свои преступленія!..

Адмиралъ говорилъ увѣренно и властно.

Но слова его нисколько не убѣдили молодого инженера. Онъ рѣшилъ про себя, что адмиралъ ничего не понимаетъ. Однако, чтобъ не нарваться на новую гру-



Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

бость, поспѣшилъ поддакнуть адмиралу и почтительно прибавилъ, что его предположенія ошибочны.

Адмиралъ метнулъ на инженера взглядъ, въ которомъ скользнуло гнѣвное выраженіе.

Дамы нѣсколько успокоились.

А между тѣмъ адмиралъ отлично зналъ критиче-

ское положеніе Севастополя и нарочно оборвалъ „глупаго болтуна“, какъ обозвалъ мысленно адмиралъ инженера.

Какъ и многіе отличные моряки, но не особенно прозорливые и безусловно вѣрившіе въ военную силу и мощь Россіи, адмиралъ не вѣрилъ высадкѣ непріятеля, а потомъ, когда явились корабли, адмиралъ почти былъ увѣренъ, что Меншиковъ не допуститъ высадку. Но когда и въ этомъ пришлось увѣриться, пораженіе нашихъ войскъ подъ Альмой было неожиданностью для стараго моряка николаевскаго времени.

Раздѣляя самоувѣренность съ большей частью людей той эпохи, адмиралъ высокомѣрно относился къ тѣмъ немногимъ, которые ожидали серьезныхъ бѣдъ отъ войны, и съ удовольствіемъ читалъ модное тогда хвастливое стихотвореніе, которымъ зачитывалось общество.

Стихотвореніе это начиналось слѣдующимъ куплетомъ:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ *)
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ».

И адмиралъ, не допускающій и мысли о какой-нибудь серьезной опасности Севастополю, все откладывалъ отправку своей семьи и подсмѣивался надъ тѣми сослуживцами, которые торопились высылать женъ и дѣтей вслѣдъ за извѣстіемъ, что огромный флотъ союзниковъ вошелъ въ Черное море, направляясь къ крымскимъ берегамъ.

За то въ этотъ день восьмого сентября 1854 года ошеломленный, подавленный и безсильно обозленный адмиралъ понялъ, что не сегодня — завтра союзники

*) Первый министръ въ Англіи, когда она объявила Россіи войну.

могутъ взять Севастополь, оставленный гарнизономъ, и главнокомандующій союзныхъ войскъ станетъ властнымъ хозяиномъ Севастополя и займетъ тотъ большой, окруженный прелестнымъ садомъ, уютный казенный домъ, въ которомъ живетъ теперь съ большой семьей онъ, командиръ Севастопольскаго порта и военный губернаторъ.

Четверть часа тому назадъ онъ видѣлся съ Корниловымъ—этимъ признаннымъ всѣми вершителемъ и распорядителемъ Севастополя. Не даромъ же Корниловъ своимъ умомъ, доблестью и силою духа умѣлъ вселять вѣру въ него.

Негодующій на главнокомандующаго, онъ показалъ адмиралу только-что полученную имъ отъ князя Меншикова записку.

Въ запискѣ князь писалъ, что оставляетъ Севастополь. Если не можетъ спасти его, то спасетъ армію отъ уничтоженія. Чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ Россіей отъ двухъ дивизій, уже пришедшихъ въ Крымъ, онъ въ ту-же ночь, послѣ небольшого роздыха войскамъ, начнетъ фланговое движеніе, оставивши непріятеля влѣво. Соединившись съ новыми войсками, онъ пойдетъ на непріятеля.

„А Севастополь уже будетъ уничтоженъ!“—подумалъ адмиралъ, прочитавши записку главнокомандующаго.

Не сомнѣвался въ этомъ и Корниловъ. Но онъ рѣшилъ защитить Севастополь съ горстью моряковъ и умереть съ ними, защищая городъ. Въ ту-же ночь всѣ способные носить оружіе должны были ожидать непріятеля.

Никто не могъ подумать, что союзники, послѣ Алминской побѣды, не рѣшатся идти брать Севастополь, что, не зная его беззащитности, они пойдутъ на южную сторону, чтобы начать осаду, и что Севастополь падетъ только черезъ 11 мѣсяцевъ героической защиты.

Адмиралъ посидѣлъ нѣсколько минутъ на балконѣ,

вернулся въ свой кабинетъ и снова продолжалъ работать вмѣстѣ съ двумя адъютантами, диктуя соотвѣтствующія распоряженія.

И скоро вышелъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ объѣзжать городъ, успокаивая взволнованныхъ жителей.

IV.

МАРКУШКА, посланный съ запиской къ Нахимову черезъ двѣ минуты добѣжалъ до небольшого дома и вошелъ въ незапертый подъѣздъ.

Въ прихожей сидѣлъ матросъ-ординарецъ.

— Нахимовъ дома?—спросилъ Маркушка.

— Ад-ми-ра-ла? Да зачѣмъ тебѣ, мальчишка, адмирала?—спросилъ маленькій черноволосый молодой матросикъ.

И вытаращилъ на Маркушку свои пучеглазые, ошалѣвшіе и добродушные черные глаза.

— Дѣло! — значительно и серьезно сказалъ мальчишка.

— Дѣло?

И матросикъ прыснулъ.

— Да ты не скаль зубы-то, а доложи сей секундъ: „Маркушка, молъ, пришелъ...“

— Скажи пожалуйста!.. Съ какимъ это лепортомъ? Не накласть ли тебѣ въ кису да по шеямъ?..

— Какъ бы тебя Нахимовъ не по шеямъ, а я письмо принесъ съ Сѣверной; приказано Нахимову безпремѣнно отдать.—Можешь войти въ понятіе?.. Доложи! — громко и нетерпѣливо говорилъ Маркушка.

— Такъ и сказалъ бы! А то хочешь, чтобъ тебя охальника да по загривку. Да чортъ съ тобой, мальчишка!— добродушно улыбаясь, сказалъ ординарецъ.—А нашего

адмирала, братецъ ты мой, дома нѣтъ. Будь дома, я тебя, ерша, пустилъ бы въ горницы и безъ доклада. Адмиралъ не форсистъ... Онъ простой. Отъ кого же у тебя письмо?

— Отъ флотскаго барина. А ты, матросъ, укажи, гдѣ найти Нахимова. Обѣгаю городъ и разыщу.

— Спѣшка?

— То-то. Такъ не держи. Сказывай.

— По баксіонамъ вѣрно объѣзжаетъ. Каждый день на баксіонахъ. Какъ молъ стройка „батареевъ“ идетъ... Потарапливаетъ.

— Ну, бѣгу...

— Стой, огонь! Подожди! къ восьми склянкамъ обѣщался быть. Минутъ черезъ пять вернется! Садись вотъ около да и жди!

Маркушка присѣлъ на рундукѣ въ галлереѣ.

— А ты зачѣмъ былъ на Сѣверной, Маркушка? Живешь тамъ?

— Нѣтъ... Тятька мой на четвертомъ баксіонѣ, а я рулевымъ на яликѣ дяденьки Бугая!—не безъ достоинства проговорилъ Маркушка.

— Ишь ты?.. Рулевымъ? Да тебѣ сколько-же, мальцу, годовъ?

— Двѣнадцатый!—вымолвилъ Маркушка.

„Кажется не маленькій!“ — слышалась горделивая нотка въ голосѣ и казалось серьезное выраженіе лица.

И сказалъ, что только на яликѣ привезъ двадцать пассажировъ раненыхъ.

— А сколько ихъ на Сѣверной осталось!—Страсть. Лучше и не гляди на нихъ... Жалко! Такъ стонъ стоитъ! А призору имъ не было... Только теперь пришли баркасы. Заберутъ!—говорилъ взволнованно Маркушка.

И съ озлобленіемъ прибавилъ:

— Все *онъ* подлецъ перебилъ... И сколько нашего народа... И вовсе стуцеромъ обезкуражилъ нашихъ... А

онъ за нашими и въ ночь придетъ на Сѣверную... Развѣ что Нахимовъ не пуститъ...

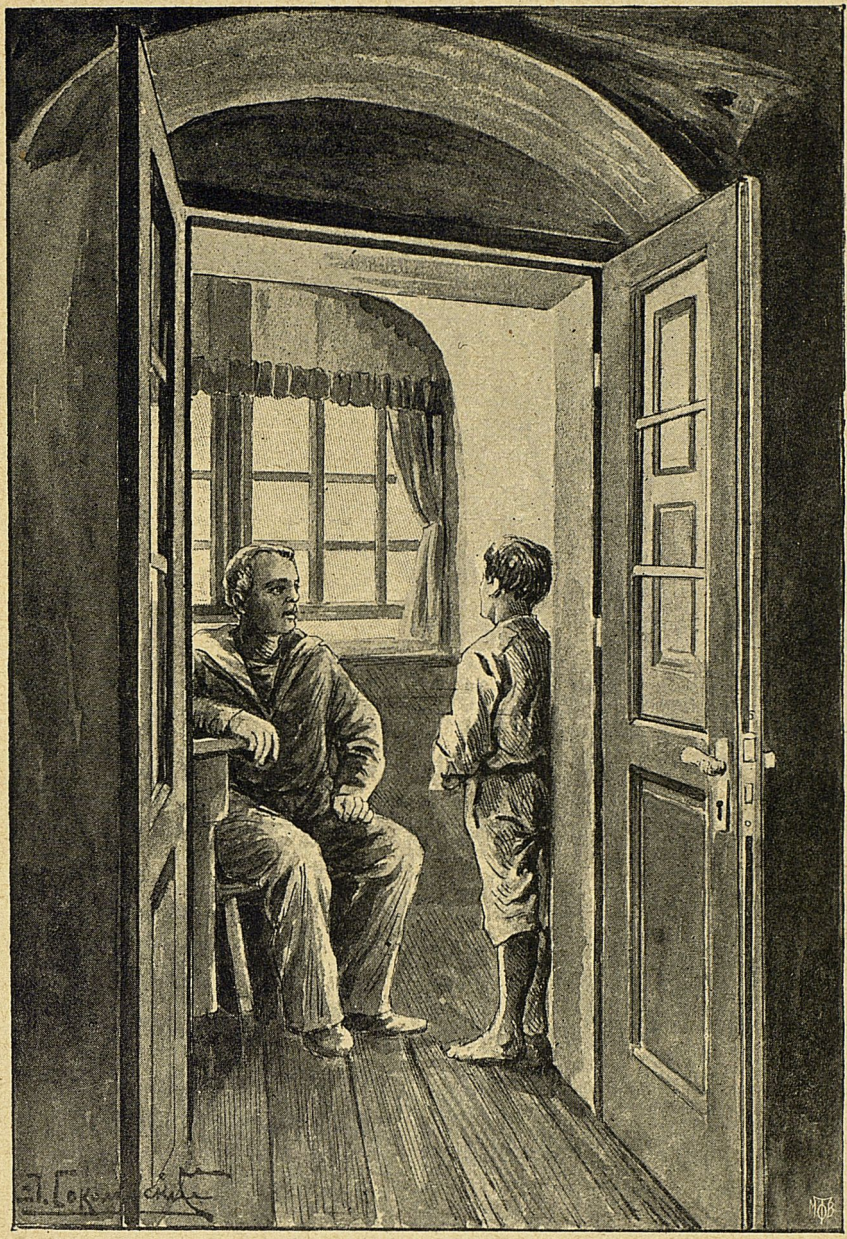
Но ужь въ голосѣ Маркушки не было увѣренности.

— Ишь ты чего надѣлалъ Менщикъ! — испуганно вымолвилъ матросъ.

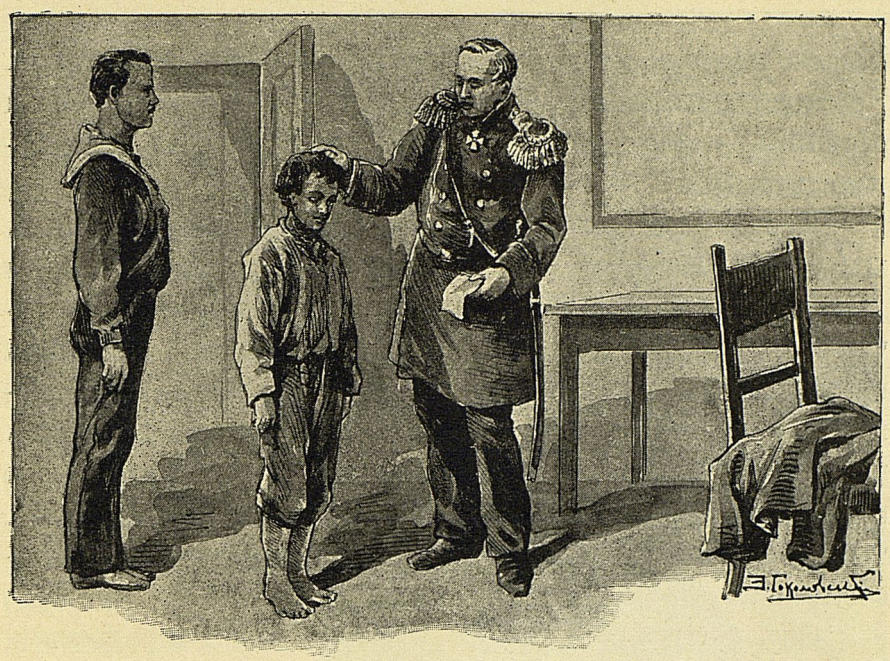
— Стуцеръ... И силы мало!..—воскликнулъ Маркушка.

— А вотъ и Нахимовъ пріѣхалъ!—сказалъ матросъ и вскочилъ.

Вскочилъ и Маркушка и увидѣлъ Нахимова, подъѣзжавшаго на маленькомъ коникѣ къ крыльцу.

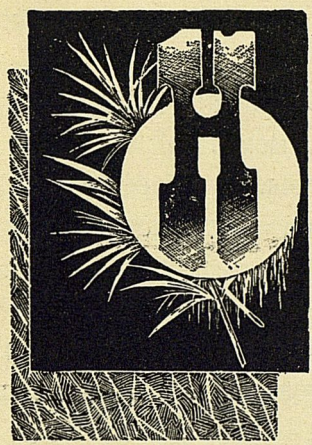


Въ прихожей сидѣлъ матросъ—ординарецъ... (стр. 54).



ГЛАВА III.

I.



НАХИМОВЪ ловко слѣзъ съ небольшого гнѣдого иноходца, оправилъ сбившіеся кверху штаны и, слегка нагнувши голову, быстрыми и мелкими шагами вошелъ въ галлерею.

Обожаемый матросами за справедливость, доступность и любовь къ простому человѣку, уважаемый, какъ лихой адмиралъ, уже прославившійся недавнимъ разгромомъ турецкой эскадры въ Синопѣ и впослѣдствіи герой Севастополя,—Нахимовъ былъ средняго роста, плотный, быстрый и живой человѣкъ, казавшійся моложе своихъ преклонныхъ лѣтъ, съ добрымъ, простымъ, красноватымъ отъ загара лицомъ, гладко выбритымъ, съ

коротко подстриженными рыжеватыми съ просѣдью усами. Небольшіе свѣтлые глаза, горѣвшіе огонькомъ, были серьезны, озабочены и въ то же время въ нихъ чувствовалась доброта.

И отъ всей его фигуры, и отъ строгаго, казалось, выраженія лица, и отъ нахмуренныхъ бровей такъ и дышало необыкновенной простотой, правдивостью и почти что дѣтской безхитростностью скромнаго человѣка, казалось и не подозрѣвавшаго, что онъ герой. Онъ думалъ, что только дѣлаетъ самое обыкновенное дѣло, какъ можетъ, по своей большой совѣсти, когда ежедневно рисковалъ жизнью, объѣзжая во время осады бастіоны, чтобъ показаться матросамъ, и они понимали, что дѣйствительно это *ихъ* адмиралъ.

Онъ былъ въ потертомъ сюртукѣ съ адмиральскими эполетами, съ большимъ бѣлымъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Изъ-подъ чернаго шейнаго платка бѣлѣли „лиселя“, какъ называли черноморскіе моряки воротнички сорочки, которые выставляли, несмотря на строгую форму николаевскаго времени, запрещавшую показывать воротнички. Изъ-подъ фуражки, надѣтой на затылокъ, выбивались пряди рѣдкихъ волосъ.

Нахимовъ увидалъ уличнаго черноглазаго мальчишку въ галлереѣ и быстро повернулъ къ нему.

Глаза адмирала стали привѣтливы, и въ его голосѣ не было ни звука генеральскаго тона, когда онъ отрывисто спросилъ:

— Что тебѣ, мальчикъ?

— Письмо съ Сѣверной стороны!—отвѣтилъ Маркушка, вспыхнувшій отъ того, что говоритъ съ самимъ Нахимовымъ, и подалъ ему записку.

Тотъ прочиталъ и спросилъ:

— Зачѣмъ тамъ былъ-съ?

— На яликѣ... рулевымъ...

— Матросскій сынъ? Какъ зовутъ-съ?

— Маркушкой!

— Александръ Иванычъ! — обратился Нахимовъ къ вышедшему изъ комнаты своему адъютанту, моряку.— Немедленно съѣздите-съ къ Корнилову... Показать-съ записку. А въ госпиталь самъ съѣзжу-съ... Лошадь.

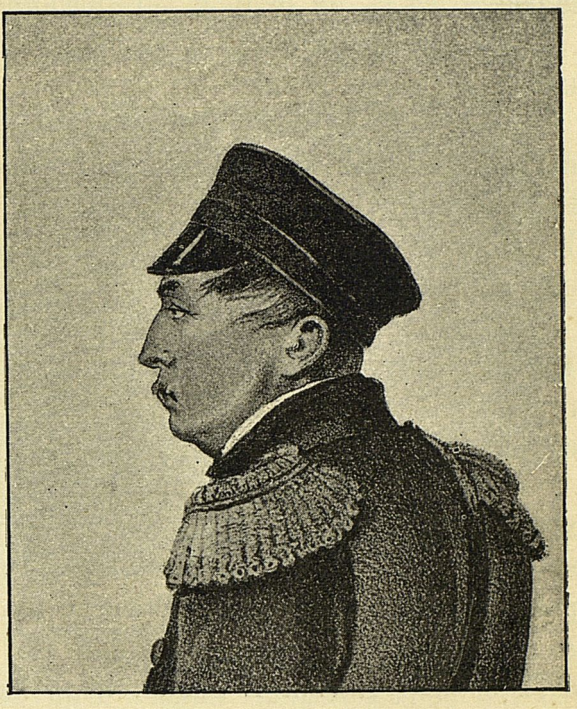
— Самоваръ готовъ, Павелъ Степанычъ!

— Отлично-съ! — А мальчику дайте-съ, Александръ Иванычъ, рубль. Рулевой-съ... Иди, Маркушка, на кухню... Скажи, чтобъ тебѣ дали чаю-съ!

— Очень благодаренъ... Но я долженъ на яликъ, Павелъ Степанычъ...

— Вотъ-съ, Александръ Иванычъ... И онъ... понимаетъ-съ!.. Молодецъ, Маркушка... Славный ты черноглазый мальчикъ!

Адмиралъ ласково потрепалъ по щекѣ Маркушку.



Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

Адъютантъ далъ Маркушкѣ рубль.

И адмиралъ и адъютантъ вышли на улицу. Имъ подвели лошадей, и они уѣхали.

А Маркушка, обрадованный похвалой Нахимова и наградой, которую считалъ богатствомъ, спряталъ его въ штаны и побѣжалъ со всѣхъ ногъ на пристань... Онъ встрѣчалъ кучки раненыхъ солдатъ. Увидалъ ихъ и на пристани, только-что выходившихъ изъ яликовъ.

Бугая не было.

Маркушка присѣлъ и слышалъ, какъ яличники говорили о томъ, что на Сѣверной видано не видано сколько раненыхъ солдатъ, и что многіе не хотятъ въ госпиталь, и просились на ялики.

Вернулся Бугай, и опять на его яликѣ солдаты...

Только-что они вышли, какъ Маркушка вошелъ въ шлюпку, сѣлъ на руль и восторженно сказалъ Бугаю:

— Ну, дяденька... И какой Нахимовъ простой... И какой добрый... И какъ наградилъ!..

— А ты думалъ какъ!.. Извѣстно Павелъ Степанычъ... Передохну и поѣдемъ... Раненые такъ и валятъ... И куда ихъ бѣдныхъ дѣнутъ?.. Никакого распоряженія.— Хоть на улицѣ безъ помощи... На военныя шлюпки, кои опасно раненые, отбирали доктора...

— Нахимовъ распорядился... Послалъ адъютанта... Только что пріѣхалъ съ „бакціоновъ“... Самоваръ дома готовъ... А онъ опять на лошадь, да и въ госпиталь...— сообщилъ Маркушка.

— Не по его вѣдомству... По доброму сердцу только хлопочетъ... И ничего не схлопочетъ... Госпиталь битъкомъ набитъ... И около раненые... Ничего для нихъ не распорядился Менщикъ... Вовсе о людяхъ не подумалъ... А еще сказывали: уменъ... Одна въ немъ гордость... И себя обанкрутилъ... И Севастополь какъ, молъ, хочетъ!— тихо и угрюмо говорилъ Бугай...

— Придетъ, что-ли, къ намъ французъ?..

Бугай промолчалъ.

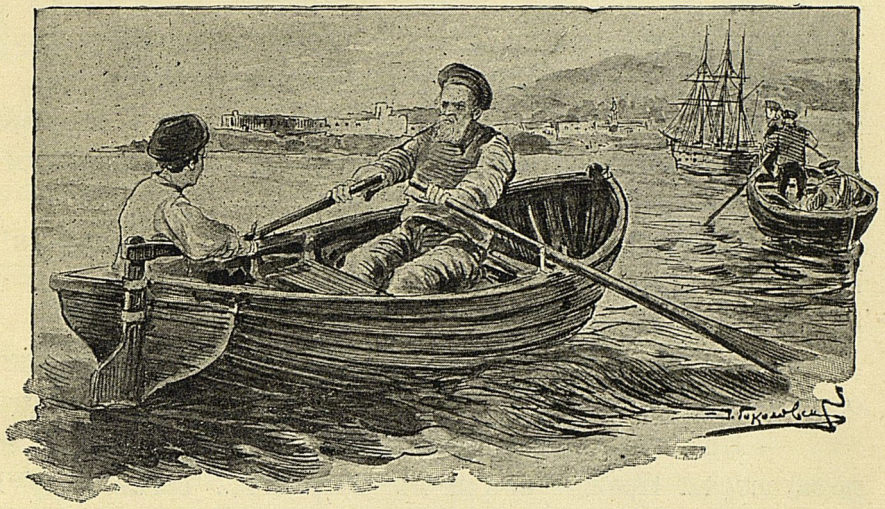
— И всѣхъ перебьютъ?.. И городъ изничтожитъ!.. Вѣдьма-боцманша вчера каркала.

— Не бойсь, Нахимовъ и Корниловъ живыми не отдадутъ Севастополя!.. Ужь приказъ вышелъ всѣмъ матросамъ быть въ готовности... И арестантамъ, слышно, будетъ освобожденіе... И кто изъ жителей способенъ — защищай городъ, коли Менщикъ такой человѣкъ ока-

зался... Что-жъ, Маркушка... Ежели придется умирать — не бойсь, умремъ!—прибавилъ съ какимъ-то суровымъ спокойствіемъ Бугай словно бы про себя.

Маркушка снова вспомнилъ, что мать умерла, и подумалъ, какой онъ дурной сынъ, что забылъ ее.

И она, блѣдная, худая, трудно дышавшая, съ большими ласковыми глазами, какъ живая, представилась передъ нимъ, и такое необыкновенно тоскливое чувство и такая жалость къ себѣ охватили впечатлительнаго



Маркушка снова вспомнилъ, что мать умерла...

мальчика, что онъ притихъ, словно подшибленная птица и слезы подступали къ его горлу. И напрасно онъ жмурилъ глаза, стараясь остановить взрывъ горя.

„Мамка... Мамка! Отдалъ бы мамкѣ рубль!“—подумалъ Маркушка.

И онъ еще болѣе жалѣлъ мать и словно бы еще сильнѣе почувствовалъ ужасъ ея смерти и то, что никогда больше не увидитъ ее, не услышитъ ея голоса, и ласковая ея рука не пригладитъ его головы...

„О Господи!“—вырвалось изъ груди мальчика тихое восклицаніе тоски и словно бы упрека. Маркушка отвер-

нулся къ морю, и плечи его вздрагивали, и слезы невольно текли изъ его глазъ...

Бугай услыхалъ эти слезы и въ первое мгновеніе подумалъ, что Маркушка испугался его словъ о томъ, что придется умирать, ежели придетъ французъ.

И старый яличникъ сказалъ:

— А ты не бойся, Маркушка... Тебя не убьютъ со стуцера. Пойми, братецъ ты мой, зачѣмъ мальчиковъ убивать? Никто ребятъ не убиваетъ... Иродовъ такихъ нѣтъ... И ты не реви... Я тебя сохраню... Спрячешься у меня въ хибаркѣ, ежели что... Не показывайся на улицу... А какъ затихнетъ, выходи, и гайда изъ Севастополя...

Маркушка повернулъ голову и, обливаясь слезами, рѣшительно проговорилъ прерывистымъ, вздрагивающимъ и словно-бы обиженнымъ голосомъ:

— Я, дя-де-нька, не бо-юсь... Не уй-ду! Я съ ва-ми!.. И вы мнѣ ру-жье дай-те... Я францу-за за-стрѣ-лю!.. А мам-ку жал-ко!

И слезы еще сильнѣе полились изъ глазъ Маркушки, оставляя грязные слѣды на его не особенно чистомъ лицѣ.

— Ишь ты... вояка какой! А мальчикамъ ружья не полагается... Прежде войди въ возрастъ... Тогда дадутъ. Ты у меня, Маркушка, молодца во всей формѣ... Не впадай въ отчаянность на счетъ мамки, братецъ ты мой! И Павелъ Степанычъ замѣтилъ, какой ты молодца. Можетъ, мамкѣ, и лучше на томъ свѣтѣ...

„Ишь ты бѣдняга сирота“!.. подумалъ старый яличникъ.

И ласково прибавилъ:

— Не бойсь, Богъ твою мамку не обидитъ... Она была хорошая матроска.

— Въ рай назначитъ?—освѣдомился Маркушка, озабоченный, чтобы мать была тамъ.

— Безпремѣнно въ рай!—убѣдительно и серьезно промолвилъ Бугай.

— А вѣдь тамъ, дяденька, хорошо?

— Чего еще лучше!.. Однако, отваливаемъ!

Черезъ минуту шлюпка направилась на Сѣверную сторону.

Старикъ и мальчикъ молчали. Оба были тоскливы.

II.

ПОСЛѢ короткихъ южныхъ сумерекъ быстро стемнѣло.

Бугай со своимъ рулевымъ сдѣлалъ еще два рейса съ ранеными. Въ десятомъ часу старикъ ужь такъ усталъ, что нанялъ за себя гребца и велѣлъ перевозить раненую „крупу“, а денегъ не просить.

— А мы съ тобой, Маркушка, пойдемъ спать!—сказалъ Бугай.

Но вмѣсто того, чтобы подняться прямо на гору, въ слободку, они пошли по большой улицѣ.

На улицѣ часто встрѣчались раненые солдаты. Проѣзжали верхами куда-то офицеры и казаки. Дома всѣ были освѣщены; изъ открытыхъ оконъ доносились тихіе разговоры, и лица у дамъ были испуганныя. Мужчинъ почти не было.

Бугай и Маркушка не повернули и у дома командира порта. Они увидали большое общество дамъ на балконѣ за чаемъ. Свѣчи освѣщали встревоженныя лица.

— Не успѣли на утекъ!—прошепталъ Бугай.

— А что съ ими будетъ?—спросилъ Маркушка.

— Спрячутся по подваламъ...

— А самого губернатора?

— Въ плѣнъ возьмутъ—вотъ что!

Они подходили къ театральной площади, вблизи бульвара, въ концѣ котораго былъ четвертый бастіонъ.

Среди темноты видны были костры на площади, и

тамъ стояли и сидѣли матросы. Ружья ихъ стояли въ козлахъ... Моряки-офицеры ходили взадъ и впередъ...

— Дай только тревогу, что французъ идетъ на Севастополь, не бойсь мы его примемъ!—проговорилъ Бугай, стараясь подбодрить себя и разогнать мрачныя мысли.— Вонъ и Павелъ Степанычъ... Вездѣ поспѣваетъ...

Нахимовъ только-что пріѣхалъ. Онъ приказалъ не строить войска, слѣзъ съ лошади и, сопровождаемый нѣсколькими старшими моряками, обходилъ матросовъ.

И среди этой горсти, готовой не пустить цѣлую армію, не было паники. Нахимовъ такъ спокойно говорилъ и шутилъ, что, казалось, никто не думалъ о неминуемой смерти.

Бугай и Маркушка пошли наверхъ, въ слободку и скоро дошли въ хибарку, какъ звалъ старый яличникъ свою маленькую комнату въ одной изъ хатъ матросской слободки.

Бугай зажегъ свѣчку, устроилъ Маркушкѣ на полу постель, далъ ему одѣяло и подушку и сказалъ:

— Давай спать, Маркушка!

Маркушка черезъ минуту уже крѣпко спалъ.

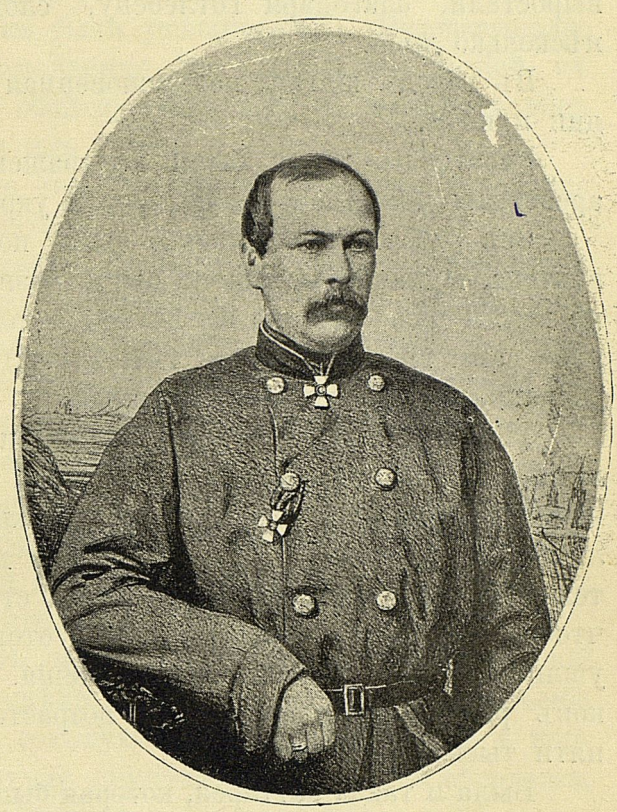
А Бугай раздѣлся, помолился передъ образомъ, стоявшимъ въ переднемъ углу его необыкновенно чистой и аккуратно прибранной комнатки, и легъ на свою узенькую койку...

Но долго еще заснуть не могъ и нѣсколько разъ подходилъ къ раскрытому окну, взглядывалъ въ темноту ночи и прислушивался.

Поздно вечеромъ Корниловъ вернулся въ Севастополь отъ Меншикова, который остановился на р. Качѣ. По словамъ историка Крымской войны*), „Корниловъ прежде

*) Нѣкоторыя историческія данныя взяты мною изъ «Исторіи Крымской войны и обороны Севастополя» Н. Ф. Дубровина.

всего распорядился о размѣщеніи по госпиталямъ и лазаретамъ раненыхъ, прибывающихъ съ поля сраженія. На Сѣверной сторонѣ рейда ожидали ихъ шлюпки для переправы черезъ бухту, а на пристаняхъ южнаго берега стояли люди съ носилками. Вся дорога вплоть до госпиталя и казармъ, назначенныхъ для пріема раненыхъ, была освѣщена факелами. И всю ночь тянулись по ней мрачныя тѣни, говорившія о нашихъ потеряхъ".



Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.

И всю ночь въ Севастополѣ шла работа.

Тысяча двѣсти человѣкъ рабочихъ, матросовъ и добровольцевъ усиленно укрѣпляли, подъ руководствомъ Тотлебена, сѣверное укрѣпленіе на Сѣверной сторонѣ, которое должно было защищать городъ, если бы сюда бросился непріятель... А встрѣтить нападеніе 60.000 арміи приходилось всего 10.000 матросовъ и солдатъ.

Корниловъ зналъ, что эта защита—вѣрная смерть, но рѣшилъ умереть. Онъ взялъ на себя оборону Сѣверной стороны, а Нахимовъ съ 3.000 матросовъ долженъ былъ защищать самый городъ.

Работали всю ночь и на оборонительной линіи.

Какъ только союзники высадились, и Меншиковъ ушелъ съ арміей на позицію къ Алмѣ, адмиралъ Корниловъ сталъ распорядителемъ защиты. И новыя баттареи и укрѣпленія, откуда можно было ждать непріятеля, выростали, благодаря Тотлебену, словно бы чудомъ въ нѣсколько дней.

Въ городѣ кипѣла необыкновенная дѣятельность всѣ дни и ночи.

Работы въ порту были прекращены; мастеровые и арестанты принялись за постройку укрѣпленій.

Всѣ рабочіе, какіе только были подъ рукою, писаря, вахтера, музыканты, пѣвчіе были назначены на работу, но всѣхъ ихъ было не болѣе 800 человѣкъ. Жители города сами спѣшили туда, гдѣ строились укрѣпленія и устраивались преграды непріятелю.

„Телѣги, лошади и волы, тачки и носилки, принадлежащіе частнымъ лицамъ, по доброй волѣ, безъ требованія, употреблены были для переноски и перевозки различныхъ предметовъ. Полиція, обходя дома, звала обывателей на работу, но, случалось, долго стучалась въ двери, чтобы услышать отъ ребенка, что отецъ и мать давно ушли туда безъ всякаго приглашенія. Такихъ работниковъ разнаго званія, пола и возраста собралось около пяти тысячъ человѣкъ“.

Была и такая баттарея, которая была насыпана только однѣми женщинами. Баттарея эта до конца осады Севастополя сохранила названіе „дѣвичьей“...

Тревожная ночь прошла.

III.

УТРОМЪ въ городѣ было извѣстно, что Меншиковъ наканунѣ ночью пріѣзжалъ, и что разбитая армія послѣ ночевки на Качѣ придетъ вечеромъ, 9-го сентября, къ южной сторонѣ Севастополя.

Но эти вѣсти не были утѣшительны. Разсказывали, что Меншиковъ немедленно же уйдетъ съ арміей къ Бахчисараю, чтобы обойти союзниковъ и соединиться съ войсками, идущими изъ Россіи.

Севастополь, съ его портомъ и флотомъ, оставался на произволъ непріятеля.

Утромъ, 9 сентября, Корниловъ собралъ знаменитый военный совѣтъ изъ адмираловъ и командировъ. Онъ сказалъ, что въ виду возможности появленія союзной арміи, которая займетъ высоты на Сѣверной сторонѣ, непріятель принудитъ нашъ флотъ оставить настоящую позицію и затѣмъ овладѣетъ сѣверными укрѣпленіями. Тогда непріятельскій флотъ войдетъ въ Севастополь и самое геройское сопротивленіе не спасетъ Черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна.

Н. Корниловъ предложилъ совѣту:

— Выйдемъ въ море и аттакуемъ непріятельскій флотъ. Въ случаѣ успѣха, мы уничтожимъ непріятельскіе корабли и лишимъ союзную армію продовольствія и подкрѣпленія, а въ случаѣ неудачи сцѣпимся на абордажъ, взорвемъ себя и часть непріятельскаго флота на воздухъ и умремъ со славою!

Совѣтъ молчалъ.

Большинство не сомнѣвалось, что этотъ геройскій планъ безполезенъ и что во всякомъ случаѣ, если бы мы и взорвали часть непріятельскаго, несравненно сильнѣйшаго и имѣющаго винтовые корабли, флота, то это не достигло бы цѣли—спасти городъ. Другая часть непріятельскаго флота, спеціально боевая эскадра, посланная

для аттаки нашего флота, могла отрѣзать насъ или вмѣстѣ съ нами ворваться въ Севастополь. И тогда гибель нашего флота все-таки не спасла бы города.

Среди моряковъ мысль преградить входъ непріятельскому флоту на Севастопольскій рейдъ и запереть свои корабли—обсуждалась уже со дня высадки непріятеля.

Но въ виду такого предложенія, щекотливаго для моряковъ, уже не разъ показавшихъ, что они не боятся смерти, когда она нужна,—да еще сдѣланнаго такимъ уважаемымъ и любимымъ вождемъ, какъ Корниловъ,—долгое время продолжалось молчаніе.

Никто не рѣшался сказать то, что, по совѣсти, считалъ необходимымъ. Никто не смѣлъ предложить своими руками потопить тѣ самые корабли, которые были для нихъ такъ дороги и близки, признавъ ихъ безсиліе и отказаться отъ званія моряка, которымъ такъ гордились черноморцы.

Умное, энергичное и блѣдное лицо Корнилова, казалось, сдѣлалось еще блѣднѣе и серьезнѣе. Его тонкія губы вздрагивали.

Молчалъ и онъ, понимая, что молчаніе совѣта говоритъ о несогласіи подчиненныхъ, которыхъ онъ хорошо зналъ, какъ мужественныхъ и храбрыхъ ревнителей долга.

Такъ прошло нѣсколько длинныхъ, томительныхъ минутъ.

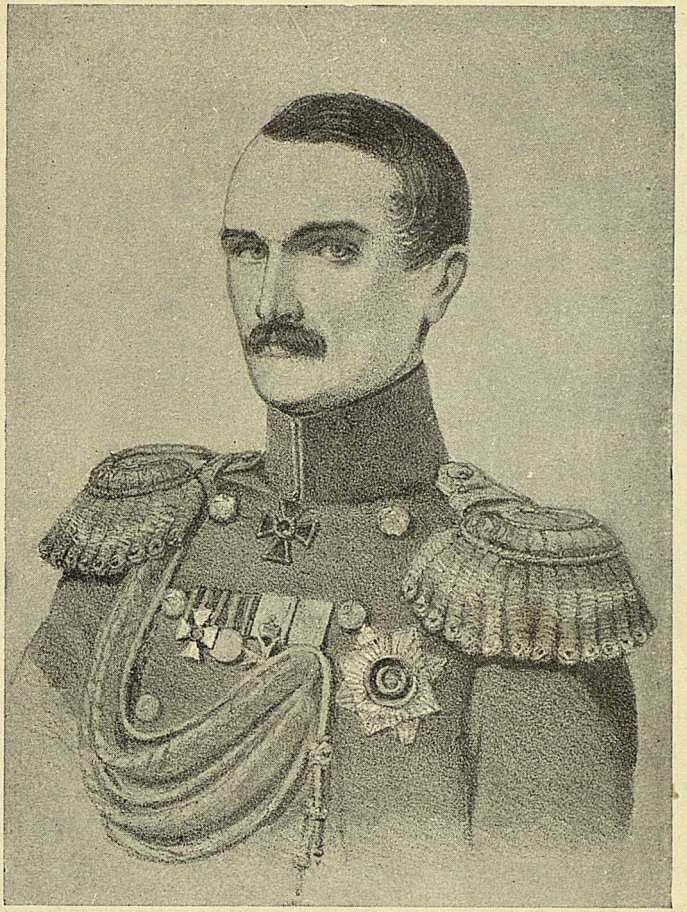
Все-таки никто не высказалъ воистину геніальной общей мысли, которая на время и спасла Севастополь.

Наконецъ поднялся курчавый, черноволосый, пожилой капитанъ, съ привлекательнымъ, но некрасивымъ, рябымъ лицомъ и блестящими глазами.

Это былъ извѣстный лихой морякъ, побывавшій въ молодости въ плѣну у черкесовъ послѣ схватки съ ними, извѣстный неустрашимостью и веселымъ характеромъ, морякъ, капитанъ перваго ранга Зоринъ.

Онъ взволнованно-громко сказалъ, обращаясь къ совѣту:

— Хотя я не прочь вмѣстѣ съ другими выйти въ море, вступить въ неравную битву и искать счастья или



Вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

славной смерти, но я смѣю предложить другой способъ защиты: заградить рейдъ потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей, выйти всѣмъ на берегъ и защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое пепелище до послѣдней капли крови *).

*) Подлинныя слова.

Корниловъ не соглашался. Тогда поднялись громкіе разговоры. Большинство совѣта все-таки соглашалось съ предложеніемъ Зорина.

Но Корниловъ упорствовалъ.

Вдругъ ему доложили, что Меншиковъ пріѣхалъ въ Севастополь и находится на одной изъ баттарей на Сѣверной сторонѣ.

Корниловъ распустилъ совѣтъ, приказалъ быть готовыми къ выходу въ море и уѣхалъ къ главнокомандующему.

Адмиралъ доложилъ князю, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ совѣта и объявилъ, что выйдетъ въ море.

Меншиковъ же вполнѣ согласился съ совѣтомъ и приказалъ затопить корабли на фарватерѣ.

— Я не могу исполнить приказанія вашей свѣтлости!

— Ну, такъ уѣзжайте въ Николаевъ, къ своему мѣсту службы, какъ начальникъ штаба черноморскаго флота и портовъ!—рѣзко сказалъ главнокомандующій.

И съ этими словами приказалъ своему ординарцу попросить къ себѣ командира Севастопольскаго порта.

— Остановитесь! — воскликнулъ Корниловъ. — Это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете... Но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ, невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ!

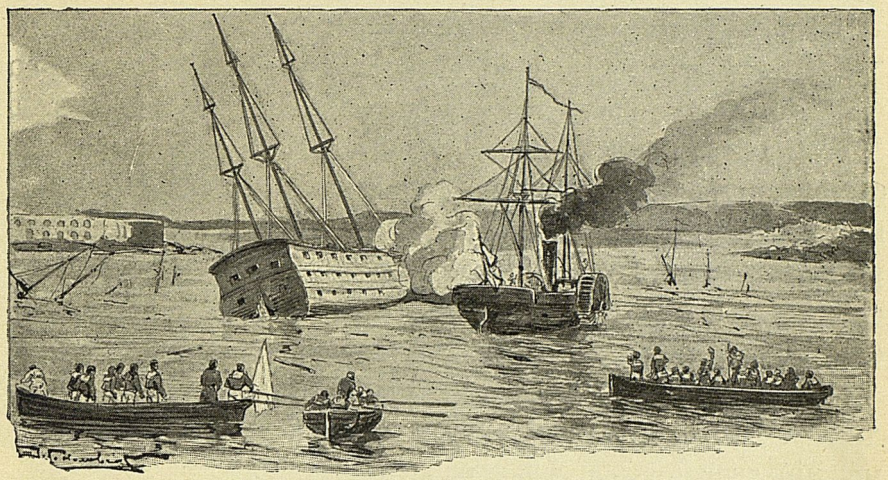
И черезъ пять дней корабли были затоплены.

День девятаго сентября былъ для севастопольцевъ жуткимъ. Всѣ ждали непріятеля... Всѣ работали, воздвигая укрѣпленія... Корниловъ былъ вездѣ.

Къ вечеру собрались подъ Севастополемъ, на такъ называемомъ Куликовомъ полѣ наши войска и расположились бивуакомъ. Меншиковъ ни съ кѣмъ не совѣщался. Видимо никому не довѣряя, сидѣлъ онъ въ маленькомъ домикѣ, угрюмый, раздраженный, разглядывая карту Крыма, и погруженный въ мрачныя думы.

Одиннадцатаго сентября онъ отдалъ приказъ, которымъ возложилъ оборону всей Сѣверной части Севастополя на Корнилова, а завѣдываніе морскими командами, назначенными для защиты южной части—на Нахимова.

Разумѣется, князь не сомнѣвался, что, несмотря на геройство Корнилова съ его 10.000 моряками и двумя батальонами пѣхоты, несмотря на геройство Нахимова съ тремя тысячами моряковъ,— Севастополь обреченъ на гибель, если союзники догадаются идти на Севастополь.



Корабли были затоплены..

И Меншиковъ торопился уйти отъ союзной арміи и соединиться съ подкрѣпленіями, чтобы спасти весь Крымъ и взять Севастополь обратно, если его непріятель уже возьметъ.

Никто въ точности не зналъ его намѣреній. Всѣ знали только, что главнокомандующій бросаетъ Севастополь въ виду непріятеля, и въ эти дни князя Меншикова называли „Измѣнщиковымъ".

Даже разсказывали, что свѣтлѣйшій продалъ Севастополь англійскому главнокомандующему лорду Раглану. Разсказывали, будто-бы союзники посылали къ Менщикову

съ предложеніемъ, чтобы городъ сдался, и ключи были посланы въ главную квартиру, и на это князь отвѣчалъ: „Ключи я потерялъ подъ Алмой, а Севастополь брать вамъ не мѣшаю“...

„И взялъ да и ушелъ ночью въ Бахчисарай!“—прибавляли въ Севастополѣ.

IV.

ВЪ эту памятную ночь разбитыя войска Меншикова не долго спали подъ Севастополемъ на бивуакахъ на Куликовомъ полѣ. Надо было во чтобы-то ни было скрыться отъ непріятеля, какъ скрывается отъ охотника затравленный, обезсиленный звѣрь, чтобы зализать раны и удрать подъ его носомъ. Обозъ былъ раньше посланъ по боковой дорогѣ къ Симферополю, въ обходъ союзниковъ.

Въ маленькомъ домикѣ, закрытомъ деревьями, сидѣлъ за деревяннымъ столомъ главнокомандующій, задумавшій свое смѣлое фланговое движеніе.

Это былъ высокій, худой, болѣзненный на видъ старикъ, съ коротко-остриженной сѣдой головой, съ темными проницательными глазами, отъ взгляда котораго вѣяло холодомъ, надменностью и умомъ. Его блѣдно-желтое лицо то и дѣло морщилось, и губы складывались въ гримасу, точно онъ испытывалъ какую-то боль.

Онъ былъ въ пальто съ генералъ-адъютантскими погонами. Одинъ въ комнатѣ сидѣлъ онъ за столомъ и писалъ письмо императору Николаю I, котораго былъ любимцемъ. Откровенно писалъ о своемъ пораженіи, напоминая, что давно уже просилъ сильнаго подкрѣпленія войсками и способными генералами и просилъ смѣнить его болѣе достойнымъ главнокомандующимъ.

Затѣмъ онъ написалъ еще письма и, когда кончилъ, выпрямился и поднялъ голову, и, казалось, сталъ еще надменнѣе и сумрачнѣе

Тихимъ, слегка гнусавымъ голосомъ онъ проговорилъ:

— Полковникъ!

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ полковникъ, испол-

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ полковникъ...

нявшій въ то время обязанности исправляющаго начальника штаба и интенданта.

— Въ полночь уходимъ на Симферополь... Маршрутъ всѣмъ начальникамъ извѣстенъ. Проводники есть?

— Точно такъ, ваша свѣтлость!

— Штабъ не напуталъ, по своему обыкновенію? — съ насмѣшливой, презрительной улыбкой спросилъ князь.

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость!—докладывалъ полковникъ, моргая своими бѣгающими глазами.

— Ступай, и поѣзжай снова сказать корпуснымъ командирамъ, что въ полночь выступать... И какъ можно тише... И позови ко мнѣ...

Онъ минуту подумалъ и сказалъ:

— Позови дежурныхъ адъютанта и ординарца...

Начальникъ штаба былъ радъ, что князь, языка котораго всѣ боялись, не очень сердитъ на своего приближеннаго и не выгонитъ его изъ арміи, а оставитъ его интендантомъ.

Это было выгодно и вполнѣ безопасно тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена солдаты не смѣли жаловаться начальству, которое часто само было сообщникомъ интендантовъ и вмѣстѣ съ ними обирало солдатъ.

Надменный князь почти никогда и не показывался войскамъ и словно бы презиралъ солдатъ, не обмолвливаясь съ ними ни однимъ словомъ и даже не здороваясь. Нечего и говорить, что онъ не входилъ въ положеніе и нужды солдатъ, и былъ нелюбимымъ и чужимъ главнокомандующимъ, не внушающимъ даже вѣры въ свои боевыя способности и мужество.

И только въ утро Алминскаго пораженія,—вину котораго всѣ конечно сваливали на князя Меншикова,—онъ, хладнокровный, со своей насмѣшливо-презрительной усмѣшкой стараго скептика и царедворца, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ чорта, ѣздилъ шагомъ передъ войсками, не обращая вниманія на снаряды и на пули. И потомъ, блѣдный и задыхавшійся отъ бѣшенства, онъ напрасно останавливалъ, потрясая нагайкой, бѣгущихъ солдатъ и бранилъ отборной бранью генераловъ и офицеровъ, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ другими.

Полковникъ, казалось, уже избавившійся на сегодня отъ ядовитыхъ замѣчаній уставшаго и раздраженнаго старика, блестящая карьера котораго, и административная и военная — онъ прославился взятіемъ Анапы въ турецкую войну 1829 г. — омрачилась такимъ пораже-

ніемъ,—повернулся, чтобъ уйти и исполнить приказанія старика.

Но онъ, движеніемъ своей длинной, желтоватой и худой руки, остановилъ своего подчиненнаго „на всѣ руки“, какъ звалъ его въ средѣ штабныхъ главнокомандующій.

Старикъ, казалось, еще болѣе сморщился, и тонкія его губы, надъ которыми вздрагивали сѣдые, короткіе усы, казалось, искривились, когда онъ поднялъ глаза на почтительно склонившагося полковника и спросилъ:

— Накормлены-ли солдаты? Въ исправности-ли обозъ?

— Солдатики отлично накормлены. На первой-же стоянкѣ имъ будетъ горячая пища, ваша свѣтлость!—съ увѣренной хвастливостью отвѣтилъ полковникъ. — Обозъ въ порядкѣ, ваша свѣтлость!—прибавилъ онъ и щелкнулъ почему-то шпорами.

Старикъ секунду-другую всматривался въ красивое, оживленное и почтительно-озабоченное лицо полковника своими пронизывающими, холодными и злыми глазами и вдругъ чуть слышно спросилъ:

— И ты не обкрадываешь солдатъ?

Въ презрительномъ тонѣ главнокомандующаго слышалась почти увѣренность въ томъ, что интендантъ обкрадываетъ солдатъ.

Не даромъ же онъ слышалъ сегодня, какъ солдаты говорили о червивыхъ сухаряхъ.

Полковникъ поблѣднѣлъ и растерялся отъ такого неожиданнаго вопроса.

Но въ слѣдующую же секунду онъ справился съ волненіемъ испуга. Съ умѣніемъ отличнаго актера прикинулся онъ невинно-обиженнымъ человѣкомъ и вздрагивающимъ голосомъ „со слезой“ проговорилъ:

— Ваша свѣтлость! Осмѣлюсь доложить, что я помню присягу и долгъ чести. Мнѣ дорогъ солдатъ, ваша свѣтлость... И его обкрадывать!??

Кажется, князь не только не повѣрилъ этимъ нѣсколько театральнымъ словамъ и театральной обидчивости полковника, но только убѣдился въ ихъ лживости.

И обыкновенно сдержанный, высокомѣрный и холодно-любезный, главнокомандующій словно бы отдался во власть внезапно охватившаго его бѣшенаго гнѣва и съ дрожащими челюстями и загорѣвшимся взглядомъ почти прохрипѣлъ:

— Если солдаты будутъ получать гнилье и будутъ голодны,—надѣну на тебя арестантскую куртку.. Не забудь...

Съ этими словами князь указалъ на двери.

— Нашъ старикъ сегодня не въ духѣ!—стараясь казаться развязнымъ и веселымъ, проговорилъ полковникъ, обращаясь къ нѣсколькимъ офицерамъ штаба, сидѣвшимъ и дремавшимъ въ сосѣдней комнатѣ.

И велѣлъ казаку подать свою лошадь.

Вошедшему адъютанту главнокомандующій, значительно уже отошедшій, вручилъ конвертъ и съ любезной насмѣшливостью проговорилъ:

— Даю тебѣ случай повидать невѣсту... Поѣзжай въ Петербургъ и отдай письмо въ собственныя руки Государю...

— Слушаю, ваша свѣтлость!—отвѣтилъ молодой, высокій блондинъ.

— Не думаю, чтобы тебя сдѣлали флигель-адъютантомъ за эти вѣсти!—грустно усмѣхнувшись, продолжалъ старикъ.—Если Государю будетъ угодно спросить о томъ, что здѣсь, разскажи, что видѣлъ... Можешь побранить и меня. Скажи, что я ухожу, и доложи Его Величеству, гдѣ встрѣтишь дивизіи съ Дуная... Поѣдешь въ Симферополь черезъ Ялту... По этой дорогѣ не попадешь къ ужину къ непріятелю... Лучше поужинай въ Севастополѣ и немедленно на фельдъегерской тройкѣ... Съ Богомъ, любезный баронъ!

И князь протянулъ свою тонкую, костлявую руку.

Ординарца, молодого гвардейскаго офицера, пріѣхавшаго изъ Петербурга и немедленно прикомандированнаго къ штабу, свѣтлѣйшій послалъ съ письмомъ къ главнокомандующему дунайской арміей, князю Горчакову, о скорѣйшей высылкѣ двухъ дивизій.

— Ты, конечно, пріѣхалъ сюда, разсчитывая, что въ первое же сраженіе свершишь подвигъ и получишь Георгія... А вмѣсто этого—поскорѣй будь у Горчакова... Попроси у него отвѣтъ и скорѣй возвращайся... Тогда, быть можетъ, и Георгій отъ тебя не уйдетъ!

Разумѣется и молодому офицеру было приказано ѣхать черезъ Ялту.

Отправивши двухъ курьеровъ, старикъ досталъ карту Крыма и особенно внимательно разсматривалъ дороги, окружающія Севастополь, и черезъ нѣсколько минутъ позвонилъ.

Вошелъ старый камердинеръ.

— Позови ко мнѣ фельдъегеря Иванова и подай, братецъ, мнѣ чаю.

Явился коренастый, маленькій фельдъегерь, и тотчасъ-же старый камердинеръ подалъ чай, лимонъ, сухари и вышелъ.

— Ты, Ивановъ, сообразительный человѣкъ?

— Не могу знать, ваша свѣтлость!—зычнымъ голосомъ отвѣтилъ, нѣсколько выкачивая большіе круглые глаза, коренастый фельдъегерь, казалось, никогда не думавшій о томъ: сообразительный-ли онъ человѣкъ или нѣтъ.

Старикъ поморщился.

— Не кричи, Ивановъ...

— Слушаю-съ, ваша свѣтлость!—совсѣмъ тихо промолвилъ фельдъегерь.

— Вотъ видишь: ты — сообразительный человѣкъ. Такъ и знай... Такъ слушай, и чтобы ни душа не знала

о моемъ приказаніи. Получишь отъ меня бумаги, адресованныя въ Петербургъ... Сію минуту сядешь на тройку и поѣдешь такъ, чтобы попасться къ непріятелю и тебя взяли въ плѣнъ... Понялъ?

— Понялъ, ваша свѣтлость... Поѣду значитъ, будто заблудился ночью....

— Ты, братецъ, совсѣмъ сообразительный человѣкъ!— промолвилъ главнокомандующій, и по его усталому лицу скользнула улыбка.—И за это я произведу тебя въ офицеры и дамъ денежную награду... Семья есть?

— Жена и трое дѣтей, ваша свѣтлость!

— Чтобы ни случилось, они теперь же будутъ награждены за твой подвигъ... Понялъ, что надо, чтобы непріятель перехватилъ бумаги?

— Точно такъ, ваша свѣтлость... И въ бумагахъ, значитъ, написано для отвода глазъ, ваша свѣтлость.

— Молодецъ, Ивановъ!.. Ты получишь Георгія... Я не забуду тебя... Получи въ канцеляріи прогоны и подорожную до Петербурга и вотъ тебѣ...

Скуповатый князь далъ пять золотыхъ и прибавилъ:

— Надѣюсь, хорошо исполнишь порученіе. Черезъ часъ будешь въ плѣну... и тебя немедленно приведутъ къ генералу... На допросѣ говори, что наша армія въ Севастополѣ, и что тамъ пятьдесятъ тысячъ... Говори, что на Сѣверной сторонѣ много баттарей... А то говори, что ничего не знаешь...

— Только, молъ, пріѣхалъ изъ Петербурга. Въ точности исполню, ваша свѣтлость! Приму смерть, ежели придется, увѣренный, что сироты не пропадутъ безъ отца...

— Зачѣмъ такому молодцу умирать... Только будешь въ плѣну... А какъ будетъ миръ, вернешься офицеромъ и съ Георгіемъ... Съ Богомъ!

Черезъ пять минутъ фельдъегерь Ивановъ сѣлъ на перекладную, перекрестился, велѣлъ ямщику ѣхать на

Сѣверную сторону и затѣмъ по боковой дорогѣ рядомъ съ большой.

— А если французъ, ваше благородіе?

— Проскочимъ... Темнота! — отвѣчалъ фельдъегерь Ивановъ.

И снова крестился, почти не сомнѣваясь, что ѣдетъ на вѣрную смерть.

V.

ПРЕДПРИНИМАЯ свое фланговое движеніе, князь Меншиковъ не сдѣлалъ никакого распоряженія, не отдалъ ни приказа, ни приказанія по войскамъ. Все дѣлалось на словахъ. И потому только слѣпое счастье избавило армію Меншикова отъ истребленія.

Въ ночь на 12 сентября двинулась его армія.

Баталіоны шли скорымъ шагомъ не по дорогѣ, а „воробьинымъ путемъ“, какъ говорили солдаты. Разговоръ былъ шопотомъ. Трубокъ не велѣно было курить. Полки за полками подымались на Мекензіеву гору. Дорога оставлена была для артиллеріи и обозовъ, а солдаты шли цѣликомъ по каменистому грунту, покрытому терновымъ и кизилевымъ кустарникомъ. Шли дубнякомъ, шли лѣсомъ, карабкались на высоты и дѣлали привалъ. Путь былъ трудный, утомительный. Запрещали даже шептать и приказывали мягче ступать на землю ногами.

Не зная дорогъ и не имѣя карты окрестной мѣстности, войска блуждали, сбивались съ пути... На Мекензіевыхъ высотахъ въ лѣсу попались навстрѣчу англійскіе разъѣзды. „Непріятель вѣжливо посторонился и далъ русскимъ дорогу“.

До разсвѣта ни русскіе, ни союзники не подозрѣвали, что ихъ раздѣляетъ только темная ночь, и что они находятся такъ близко другъ возлѣ друга.

Съ разсвѣтомъ дѣло объяснилось.

Всѣ три главнокомандующіе съ удивленіемъ замѣтили, что они, по выраженію Нахимова, „играли въ жмурки и обмѣнялись позиціями“. Мы шли съ юга на сѣверъ, а союзники, почему то, побоялись брать Севастополь съ сѣвера, шли съ сѣвера на югъ.

Но опять бездарность главнокомандующихъ союзныхъ войскъ спасла нашу армію, которая настолько ушла впередъ, что уже не могла быть атакована непріятелемъ.

Въ Севастополѣ вздохнули, когда съ возвышенностей увидали длинную синюю ленту французовъ, направлявшихся въ обходъ Севастополя на Южную сторону, и скоро было видно, что непріятель не рѣшится немедленно штурмовать городъ.

И каждый день нерѣшительности союзниковъ давалъ севастопольцамъ возможность усиливать оборону города, совсѣмъ плохо укрѣпленнаго, несмотря на то, что и въ Петербургѣ и князь Меншиковъ уже давно знали о готовящемся нападеніи на Севастополь. И будь главнокомандующіе союзниковъ рѣшительнѣе и лучше освѣдомлены о слабости укрѣпленій и на Южной сторонѣ, они могли бы легко войти въ Севастополь съ распущенными знаменами.

Но союзники ничего не предпринимали въ ожиданіи перехода ихъ флота къ Балаклавѣ и выгрузки осадныхъ орудій. А въ это время, благодаря энергіи и находчивости Корнилова, одушевлявшаго всѣхъ, на Южной сторонѣ выростали баттареи. Въ двѣ недѣли было сдѣлано то, чего не подумали сдѣлать за нѣсколько мѣсяцевъ раньше.

Повидимому, никто не разсчитывалъ, что наша, плохо вооруженная армія, будетъ такъ разбита, несмотря на отвагу и храбрость солдатъ. Повидимому, не думали, что князь Меншиковъ, вельможа и умница, не имѣлъ способностей военачальника.

Въ то время всѣ въ Севастополѣ видѣли въ Корни-

Онъ остановился и сказалъ войскамъ... (стр. 81).

ловѣ того единственнаго, рѣшительнаго, необыкновенно талантливаго и мужественнаго человѣка, который могъ спасти Севастополь. И севастопольцы еще лихорадочнѣе укрѣпляли родной городъ и не теряли надежды защитить его, хотя Меншиковъ и бросилъ Севастополь.

Въ теченіе десяти дней объ арміи не было ни слуха, ни духа. Меншиковъ не зналъ, что съ Севастополемъ, гдѣ непріятельская армія. Онъ точно скрывался.

А Корниловъ, одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный свитой, объѣзжалъ вдоль всей оборонительной линіи, привѣтствуемый громкими криками матросовъ и солдатъ.

И онъ остановился и сказалъ войскамъ:

— Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь. Да намъ и некуда отступать: позади море, впереди—непріятель. Князь Меншиковъ обманулъ и обошелъ его, и когда непріятель насъ атакуетъ, то наша армія ударитъ на него съ тыла. Помни-же, не вѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть ретираду. Тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду! И если я самъ прикажу отступать—коли и меня!*)

Раздалось громкое ура.

А матросы прибавляли:

— Умремъ за родное мѣсто.

„Въ эти немногіе дни—говоритъ историкъ—Корниловъ, проявившій необыкновенную дѣятельность и добровольно принявшій всю отвѣтственность передъ отечествомъ, былъ неизмѣримо выше его окружающихъ. Это былъ человѣкъ, сдѣлавшійся руководителемъ обороны не по старшинству, а по своимъ способностямъ и энергіи. Хладнокровный въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, Корниловъ смотрѣлъ на дѣло прямыми глазами, не увлекаясь, но и не отчаиваясь“.

*) Подлинныя слова.

Ободряя защитниковъ Севастополя утромъ пятнадцатаго сентября, на другой день послѣ рекогносцировки союзныхъ главнокомандующихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города, Корниловъ въ тотъ же вечеръ писалъ своей женѣ:

„Наши дѣла улучшаются. Инженерныя работы идутъ успѣшно. Укрѣпляемся, сколько можемъ, но чего ожидать кромѣ позору съ такимъ клочкомъ войска, разбитаго по огромной мѣстности, при укрѣпленіяхъ, созданныхъ въ двухнедѣльное время... Если бы я зналъ, что это случится, то конечно никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышелъ дать сраженіе двойному числомъ врагу... Съ ранняго утра осматривалъ войско на позиціи: 6 баталіоновъ солдатъ и 15 морскихъ, изъ матросовъ. Изъ послѣднихъ 4 пріобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены, и плохо пріобучены. Но что будетъ, то будетъ—другихъ нѣтъ. Можетъ, завтра разыграется исторія. Хотимъ биться до нельзя. Врядъ ли поможетъ это дѣлу. Корабли и всѣ суда готовы къ затопленію.— Пускай достанутся развалины Севастополя“.

По счастію, союзники не думали о штурмѣ. Они приготовлялись къ правильной осадѣ.

Севастопольцы вздохнули и ждали арміи.

Меншиковъ между тѣмъ выжидалъ подкрѣпленій и продовольствія и, самъ не зная, что съ Севастополемъ и гдѣ армія союзниковъ, обнаруживалъ нерѣшительность и видимо не имѣлъ опредѣленнаго плана.

„Это былъ далеко не тотъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, котораго знали и видѣли подъ Анапой и Варной въ 1829 году. Теперь это былъ человѣкъ, подавленный силою обстоятельствъ, недовѣрчивый до крайности, недовольный своимъ положеніемъ и всѣми окружающими“.

Но за то и Меншиковымъ были всѣ недовольны. Особенно солдаты. Они чувствовали презрѣніе вельможи

и отчаяннаго крѣпостника, не понимающаго выносливаго, терпѣвшаго всѣ ужасы войны, обираемаго и покорно умирающаго солдата.

И онъ имѣлъ еще безсердечіе доносить въ Петербургъ, что солдаты дрались подъ Алмой дурно, тогда какъ они умирали въ бою и должны были бѣжать, главнымъ образомъ, благодаря самому главнокомандующему и генераламъ. А Меншиковъ сваливалъ всѣ свои ошибки на подчиненныхъ и на войска.

Только 17 сентября князь узналъ, что Сѣверная сторона совершенно свободна, и 18 сентября онъ подошелъ къ Севастополю.

Севастопольцы съ радостью смотрѣли на подходившія войска.

Съ этого дня защитники видѣли, что ихъ уже не горсть противъ арміи союзниковъ.

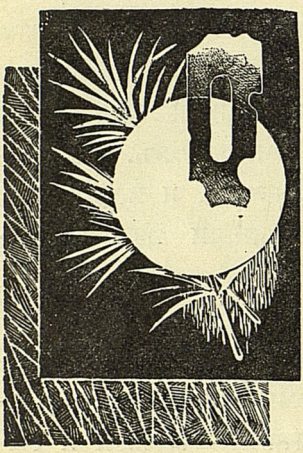
Какъ только вернулись войска и стало извѣстно, что дорога на Симферополь свободна и отъ непріятеля и отъ разбоевъ татаръ, часть которыхъ перешла къ непріятелю въ Евпаторію, обложенную отрядомъ нашей кавалеріи, пришедшей изъ Россіи,—всѣ семьи адмираловъ, генераловъ, офицеровъ и крымскихъ помѣщиковъ, и всѣ болѣе или менѣе состоятельные жители выѣхали изъ Севастополя.

Онъ замѣтно опустѣлъ.

Оставались только военные, многіе отставные матросы, рабочіе и мужики. Остались немногія дамы и матроски и солдатки, не пожелавшія оставить мужей и сыновей въ опасности.

ГЛАВА IV.

I.

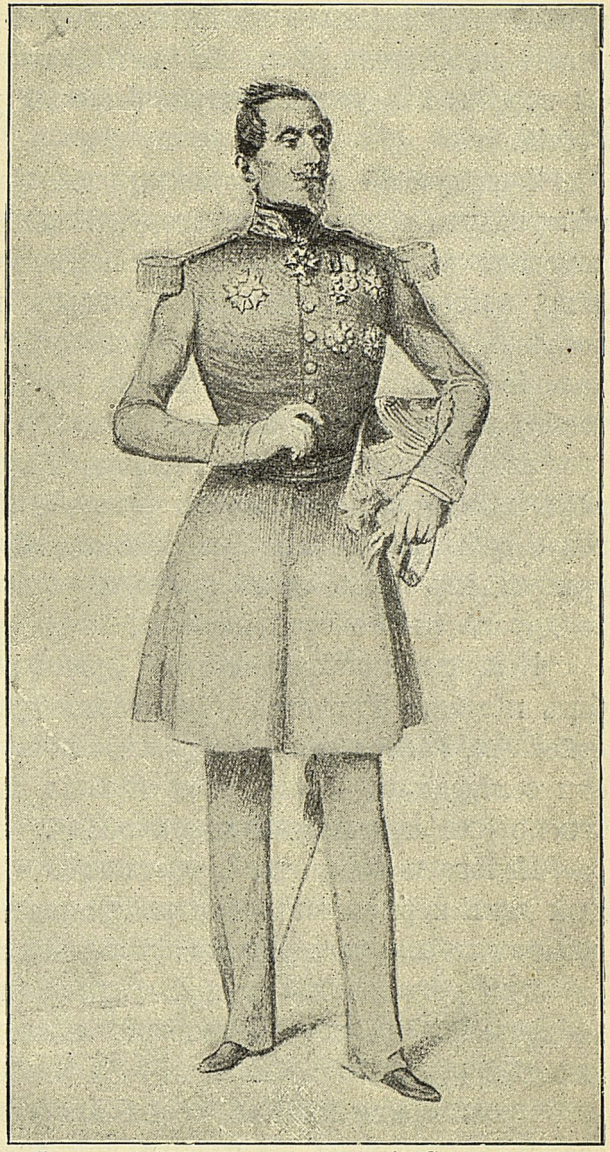


БА главнокомандующіе — Сантъ-Арно и лордъ Рагланъ, едва-ли способные полководцы — не сомнѣвались, что послѣ, рѣшительной побѣды подъ Алмой, они безъ труда возьмутъ Севастополь съ Южной стороны, совсѣмъ не укрѣпленной, какъ сообщали союзникамъ татары.

Но когда непріятельскія арміи, не особенно торопясь, подошли, наконецъ, къ Севастополю, и союзники увидѣли съ высотъ линію укрѣпленій, окружающихъ Южную сторону, то сочли себя преднамѣренно обманутыми татарами. И нѣсколько проводниковъ-татаръ были повѣшены.

Татары, конечно, были правы, когда пять дней тому назадъ говорили о беззащитности Севастополя, и сдѣлались невинными жертвами.

Дѣйствительно, въ эти дни, когда Меншиковъ съ арміей былъ подъ Бахчисараемъ, выжидая подкрѣпленій, а союзныя арміи направлялись къ Южной сторонѣ Севастополя,—севастопольцы воздвигали съ поражающей быстротой рядъ новыхъ укрѣпленій, опоясывающій городъ на протяженіи семи верстъ. Въ двѣ ночи и одинъ день было поставлено болѣе ста большихъ орудій.



Французскій главнокомандующій Сантъ-Арно.

Работали севастопольцы и день, и ночь: и матросы и всѣ жители города.

По словамъ историка, „въ земляныхъ работахъ участвовали всѣ, кто только могъ: вольные мастеровые, мѣщане, лакеи и словомъ всѣ свободные люди, женщины и дѣти. Женщины носили воду и пищу, засѣли за шитье мѣшковъ и кулей; дѣти—таскали землю на укрѣпленія“.

Несмотря на быстроту сооруженій обороны, немедленный штурмъ города, въ которомъ было не болѣе 15 т. плохо вооруженныхъ защитниковъ, отдалъ-бы его во власть непріятеля; большая часть севастопольцевъ былабы перебита, и условія мира были-бы унизительнѣе для Россіи.

Французскій главнокомандующій Сантъ-Арно, желавшій угодить своему императору, Наполеону III, которому помогалъ въ переворотѣ и въ измѣнѣ противъ республики, которой оба присягали,—этотъ генералъ хотѣлъ, послѣ бомбардировки, идти на приступъ, чтобъ назвать паденіе Севастополя „крестинами второй Имперіи“, еще только недавно основанной...

Но Сантъ-Арно, уже серьезно болѣвшій, почувствовалъ себя безнадежнымъ въ тотъ самый день, какъ привелъ свою армію къ Севастополю. Главнокомандующій принужденъ былъ сдать армію и уѣхалъ, чтобъ умереть по дорогѣ въ Константинополь.

Новый главнокомандующій французской арміи Канробер и лордъ Рагланъ, главнокомандующій англійскими войсками, колебались, и прошло нѣсколько дней, пока они совѣщались о томъ, что дѣлать: штурмовать Севастополь или вести правильную осаду.

Нечего и говорить, что отъѣздъ Сантъ-Арно и каждый день нерѣшительности и промедленія главнокомандующихъ были на руку севастопольцамъ.

Они усиливали оборону, улучшали укрѣпленія и къ 14 сентября на оборонительной линіи могли поставить уже 172 орудія.

Прошла еще недѣля, когда союзники приступили къ осаднымъ работамъ. И въ эти дни русскіе говорили:

— Союзники пришли полюбоваться Севастополемъ нашимъ.

— Видно ждутъ, чтобы Меншиковъ атаковалъ ихъ, какъ вернется съ подкрѣпленіями.

Меншиковъ хоть и вернулся, но не смѣлъ и думать объ атакѣ. Пока подкрѣпленій было очень мало, и главнокомандующій могъ только усилить севастопольскій гарнизонъ войсками. Въ лагерѣ, на Сѣверной сторонѣ, у Меншикова оставалось только двадцать тысячъ солдатъ.

„Была въ его распоряженіи только-что прибывшая въ Крымъ кавалерійская дивизія. Но она была поставлена около Евпаторіи для наблюденія за турецкимъ корпусомъ, укрѣпившимся въ этомъ городѣ, для охраненія нашихъ сообщеній съ Россіей и для успокоенія края. Татары на полуостровѣ волновались и разбѣгались изъ селеній“.

Пользуясь отсутствіемъ жителей, войска наши были полными хозяевами деревень, и совершенно разорили все окрестное населеніе. Главная часть богатства, домашній скотъ былъ отогнанъ, другой—взятъ войсками. Грабили не только татаръ, но и русскихъ помѣщиковъ въ Крыму.

Безжалостное разореніе татаръ оправдывалось тѣмъ, что они измѣнники оттого, что они разбѣжались и, слѣдовательно, ихъ нечего жалѣть.

Но одно офиціальное сообщеніе того времени взывало къ жалости.

Вотъ что доносилъ главнокомандующему доблестный маіоръ Гангардтъ, имѣвшій по тому времени большое гражданское мужество—говорить правду:

„Татары Евпаторійскаго уѣзда, безъ сомнѣнія, сами навлекли на себя тѣ бѣдствія, которыя теперь испытываютъ. Но, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія быстрое подчиненіе цѣлаго уѣзда власти непріятеля, нельзя не сознаться, что мы сами виноваты, бросивъ внезапно это племя—которое, по религіи и происхожденію, не можетъ имѣть къ намъ симпатіи—безъ всякой военной и гражданской защиты отъ вліянія образовавшейся шайки фанатиковъ. Надобно удивляться, что врожденная склонность татаръ къ грабежамъ не увлекла толпу въ

убійства и къ дальнѣйшему возмущенію въ прочихъ мѣстахъ Крыма, долго остававшихся безъ войскъ. Я убѣжденъ, что изысканія серьезнаго слѣдствія докажутъ, что въ татарскомъ народѣ далеко нѣтъ того духа измѣны, какой въ немъ предполагаютъ, и потому слѣдовало-бы принять рѣшительныя мѣры, чтобы жалкое населеніе многихъ деревень Евпаторійскаго уѣзда, разбѣжавшееся отъ страха, что казаки ихъ перерѣжутъ, и лишившееся черезъ то всего своего имущества, не погибло отъ голода и стужи съ приближеніемъ суровой зимы“ *)

II.

Въ первую ночь на новосельѣ у дяденьки Маркушка спалъ отлично. И ему снились тѣ чудныя сновидѣнія, которыя часто балуютъ людей, испытывающихъ на-яву тяжелое горе.

Мать Маркушки, веселая, здоровая, съ добрыми глазами, была около. Она говорила ласковыя слова своему любимцу и гладила его кудрявую голову.

И Маркушка во снѣ счастливо улыбался.

Бугай, по обыкновенію рано вставшій, уже выходилъ на улицу, полюбовался чуднымъ раннимъ утромъ, еще дышавшимъ свѣжестью, посмотрѣлъ на любимый имъ Севастополь съ его глубокими бухтами, надъ которымъ солнце тихо поднималось по бирюзовому небу, помолился и пошелъ за бубликами къ старому своему пріятелю, татарину булочнику Ахмету.

— Что, братъ, Ахметка?—промолвилъ Бугай, пожимая руку татарина.

---

*) «Исторія Крымской войны».

— Думалъ: *они* ночью придутъ!

— Видно, Богъ лишилъ разсудка француза и гличанина. Не пришли.

— Придутъ, Бугай.

— Встрѣтимъ, Ахметка!

— Аллаху все извѣстно.

— А ты, Ахметка, чего не уходишь?

— Куда уходить?

— Къ туркѣ... Сказываютъ, ваши бунтуютъ...

— Испугались русскихъ и бунтуютъ. Русскій не понимаетъ татаръ, какіе они народъ... А мнѣ зачѣмъ уходить?.. Привыкъ здѣсь. Въ Байдаръ отцы жили, и я умру тамъ, если Аллахъ дозволитъ... Подъ султаномъ земли не дадутъ... Тамъ скорѣй человѣку секимъ-башка.

— То-то оно и есть... Живи, братецъ ты мой, на своемъ мѣстѣ. Ты, Ахметка, съ разсудкомъ. А у Бога всѣ люди равны!—неожиданно прибавилъ Бугай.

— На сколько тебѣ бубликовъ, Бугай?

— Давай на двѣ. У меня постоялецъ—Маркушка.

— Хорошій Маркушка!—сказалъ татаринъ.

Бугай взялъ бублики и пошелъ домой.

Съ кораблей и съ ближайшихъ батарей донесся звонъ колоколовъ, отбивавшихъ двѣ склянки—пять часовъ утра. Городъ еще спалъ, но вокругъ слышался гулъ работы. Слободка поднималась. Изъ хатъ выходили мужчины и женщины, направляясь къ окраинѣ города. У многихъ были ломы и лопаты. У бабъ мѣшки. Всѣ торопились.

Старикъ-яличникъ спросилъ знакомаго, отставного матроса:

— Гдѣ батареи работаешь?

— Около четвертаго „баксіона“. Отсюда „ближае“!—на ходу отвѣтилъ старый матросъ, слегка прихрамывая на одну ногу, давно переломленную на кораблѣ, когда сорвался съ реи и упалъ на палубу.

— Какъ *онъ* придетъ—увидитъ, какъ встрѣтимъ!—хвастливо проговорилъ какой-то подростокъ.

— И матроски пригодятся, дѣдушка. Подсыпемъ земли!—смѣясь проговорила молодая женщина.

— И Севастополя, дѣдушка, не отдадимъ!—возбужденно воскликнула другая.

— Молодецкія внучки и есть!—отвѣтилъ Бугай.

Онъ вошелъ къ себѣ, заварилъ чай и только тогда разбудилъ своего маленькаго пріятеля.

Маркушка быстро одѣлся и вмѣстѣ съ „дяденькой“ сталъ пить чай.

Мимо открытаго окна проходили люди.

И Маркушка спросилъ:

— Это куда наши идутъ, дяденька?..

— На работу... Помогать строить батареи, Маркушка...

— Пустите, дяденька, и меня къ тятькѣ на бакcіонъ... Приказалъ провѣдать...

— Сходи...

— Можетъ, дозволите и подсобить на стройкѣ батарей... А вечеромъ на яликъ, дяденька...

Бугай ласково посмотрѣлъ на мальчика и сказалъ:

— Вмѣстѣ пойдемъ.

— Куда?

— Туда, куда люди пошли...

— А какъ-же съ яликомъ?

— Ты молодца... Сердце-то подсказало, что тамъ,—и старый матросъ указалъ пальцемъ по направленію къ бульвару,—мы съ тобой нужнѣе, чѣмъ на яликѣ... Не торопись... выпей еще стаканъ... Бублики ѣшь...

Черезъ пять минутъ яличникъ и его маленькій подручный уже шли на пристань, и Бугай предложилъ нанятому имъ на ночь человѣку остаться на день, а то и на два или три...

— А ты?

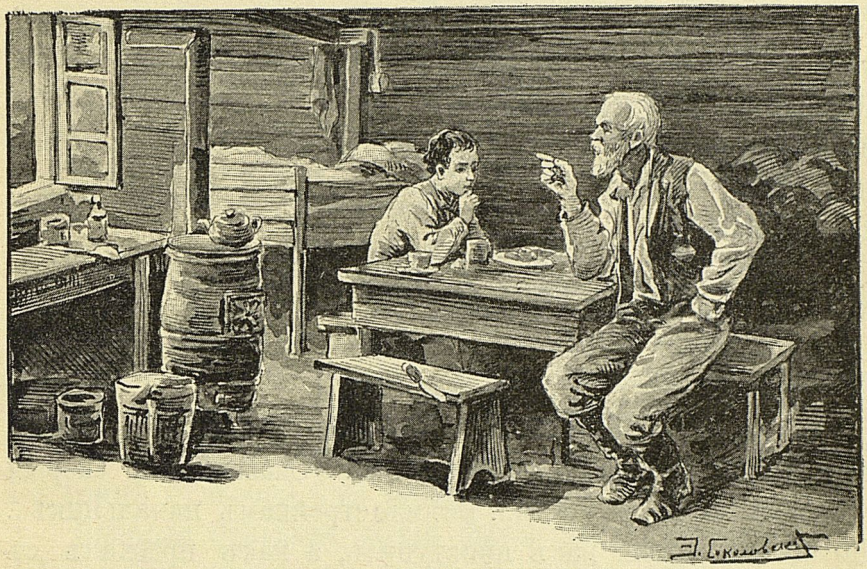
— Мы съ Маркушкой землю копать... А у тебя ноги

больныя... Сиди на шлюпкѣ да греби, пока мы не придемъ... Такъ, что ли?..

Дѣло было слажено, и Бугай съ Маркушкой пошли.

— На рынокъ зайдемъ, Маркушка. Какъ зашабашатъ на работѣ—будемъ съ обѣдомъ.

Рынокъ, расположенный у артиллерійской бухты, былъ менѣе оживленъ, чѣмъ бывалъ обыкновенно въ ранніе часы утра. Но все-таки толкалась толпа покупателей и



Маркушка вмѣстѣ съ дяденькой сталъ пить чай...

покупательницъ; среди говора выдѣлялись громкіе голоса торговокъ.

На небольшой площади рынка стояли маленькія лавченки, палатки, ларьки и столики. Висѣли туши быковъ, свиней и барановъ. Повсюду кучи овощей; высились горы арбузовъ, дынь, и стояли корзины съ фруктами. У самаго берега продавали свѣжую камбалу, султанку и бычковъ. Тамъ-же можно было купить устрицы и мидіи. А въ сторонѣ валялась любимая народомъ вяленая тарань.

Бугай купилъ хлѣба и соли, огурцовъ, кусокъ вет-

чины, нѣсколько арбузовъ, двѣ бутылки квасу и на копѣйку леденцовъ, все уложилъ въ кулекъ и сказалъ:

— Ловко пообѣдаемъ, Маркушка... Валимъ!

Они свернули на Екатерининскую (большую) улицу. Середина ея была запружена матросами, которые тащили большія орудія. То и дѣло на тротуарахъ попадались раненые солдаты. Изрѣдка проѣзжали татары верхами.

Окна большей части домовъ были закрыты ставнями.

— Нахимовъ, не бойсь, всталъ!—промолвилъ Бугай, указывая на раскрытыя окна въ квартирѣ адмирала...—И Корниловъ можетъ и ночь не спалъ... въ заботахъ... А есть которые начальники и дрыхнутъ... Ну, да Корниловъ ихъ разбудитъ... Онъ сонь и лодырей обезкуражитъ... Не таковскій!

Мимо проѣхалъ шибкой рысью высокій молодой полковникъ въ бѣлой фуражкѣ, съ перекинутымъ черезъ плечо тонкимъ ремнемъ, на которомъ болтались длинный круглый футляръ и подзорная труба.

— А это „анжинеръ“ Тотлебевъ! — сказалъ Бугай, переиначивая фамилію Тотлебена...—Сказываютъ: скорый и башка по своей части... Всѣмъ стройкамъ начальникъ... До его не знали, какъ приступить, а какъ пріѣхалъ съ Дуная—закипѣла работа... Поѣдетъ за городъ, оглядитъ кругомъ и тую-жъ минуту: „Здѣсь, молъ, стройте баксіонъ. Здѣсь батарея. Здѣсь, молъ, насыпай потолще валъ“... И такъ, Маркушка, вокругъ города объѣзжалъ... А на эти дѣла Тотлебевъ, я тебѣ скажу, собака и глазъ... Наскрозь видитъ...

— А что у него сзади болтается, дяденька?—спросилъ любознательный мальчикъ.

— Труба подзорная... Знаешь?

— Знаю.

— „И планты“

— Какіе „планты“?

— Нарисовано, значитъ, какъ строить. Данъ плантъ офицеру и... понимай. А прекословить не смѣй... Сказывали люди, что въ емъ большая амбиція... Ему одному, значитъ, чтобы все уваженіе. И безъ его, чтобы никто не касался...

— И строгій, дяденька?

— Строгій... Однако не зудитъ, даромъ что изъ нѣмцевъ... Нѣмецъ, Маркушка, завсегда донимаетъ словами... На то и нѣмецъ... Любитъ, чтобы по порядку вымотать душу... Былъ у насъ на „Тартарарахахъ“ (корабль „Три Іерарха“) старшимъ офицеромъ одинъ такой нѣмецъ... Въ тоску ввелъ... Спасибо Нахимову... бригаднымъ тогда былъ... Ослобонилъ матросовъ... „Переводись, говоритъ, нѣмецъ, въ Кронштадтъ... А у насъ, говоритъ, въ Черномъ морѣ, нѣмцу не водъ“.

Скоро Бугай и Маркушка вошли на большой бульваръ, на окраинѣ города, на горкѣ, заканчивающейся обрывомъ... Внизу синѣлась корабельная бухта... На другой сторонѣ бухты высились доки, слободки и за ними бѣлѣла башня надъ Малаховымъ курганомъ.

Бульваръ лишился деревьевъ. Они были срублены. На концѣ бульвара уже стояла батарея...

Впереди бульвара почти былъ готовъ четвертый бастіонъ; изъ амбразуръ чернѣли орудія. Вся мѣстность вокругъ была полна рабочими, рывшими и насыпавшими новыя укрѣпленія...

Бугай и Маркушка вошли въ бастіонъ.

Занятые работой матросы не обратили на пришедшихъ вниманія. Офицеры были тутъ-же и наблюдали за работами.

Всѣ работали быстро и возбужденно, видимо стараясь скорѣй привести свой бастіонъ въ боевую готовность и въ такой порядокъ, къ какому привыкли на своихъ корабляхъ. И чувствовалось, что у всѣхъ уже есть что-то любовное къ своему бастіону, какое бываетъ у хозяй-

ственныхъ людей, устраивающихъ свои жилища на долгое время.

— Гляди, Маркушка!—проговорилъ Бугай, указывая на большія корабельныя пушки, дула которыхъ смотрѣли въ амбразуры, прорѣзанныя въ валѣ, за которымъ могъ скрываться человѣкъ отъ пуль.—Изъ эстихъ самыхъ и будемъ встрѣчать гостей орѣхами.—А гдѣ, братцы, тутъ Игнатъ Ткаченко?—обратился Бугай къ ближнимъ матросамъ.

Маркушка уже увидалъ отца у послѣдняго орудія, въ концѣ бастіона и подбѣжалъ къ нему.

Онъ обкладывалъ фашинникомъ „щеки“ амбразуры, вполголоса мурлыкая какую-то пѣсенку.

— Здравствуйте, тятенька!—проговорилъ мальчикъ.

Отецъ поднялъ голову, и по его лицу пробѣжала радостная улыбка.

— Здравствуй, Маркушка... И дуракъ же ты... Въ шабашъ приходи!—воркнулъ Ткаченко.

Однако бросилъ работу, пожалъ руку сына и торопливо промолвилъ:

— Видишь, спѣшка... Гдѣ живешь?

— У дяденьки Бугая... Въ рулевыхъ...

— Въ кису не накладывалъ тебѣ?.. — съ ласковой шутливостью спросилъ матросъ.

— Не накладывалъ...

— Не за что... Твой Маркушка молодца!—промолвилъ подошедшій Бугай.

— Зачѣмъ, Бугай, не на яликѣ?

— Сюда работать пришли... И Маркушка пожелалъ...

— Правильно, Маркушка. Потрудись за Севастополь!.. А пока лясничать некогда... Не похвалятъ и меня и тебя, дѣдушку съ внукомъ... Начститъ зубы батарейный... У насъ и на баксіонѣ, какъ на кораблѣ...

Съ этими словами Ткаченко принялся за работу у амбразуры.

— А ты, Игнашка, комендоромъ?—спросилъ Бугай.

— Комендоръ.

— Смотри, шигани *его!*

— Шигану... Только приходи!

— Пообѣдаемъ съ Маркушкой и зайдемъ...

— То-то зайди, братцы... А за Маркушку спасибо, Бугай... Сирота вѣдь!

— Форменный рулевой... Ну, валимъ, Маркушка. Тятьку повидалъ и на работу!

Черезъ нѣсколько минутъ наши добровольцы были уже за бастіономъ, гдѣ шла работа.

Каждый изъ нихъ получилъ по лопатѣ, встали въ длинный рядъ рабочихъ и принялись рыть землю.

Бугай и Маркушка работали изо всѣхъ силъ, сосредоточенно и молча. Маркушка увидѣлъ, что не одинъ онъ былъ такой мальчишка. Онъ замѣтилъ, что среди вольныхъ рабочихъ были и пріятели-мальчишки, и знакомыя дѣвочки, и матроски изъ слободки.

И Маркушка ожесточеннѣе рылъ каменистую землю.

Вдругъ въ первыхъ рядахъ раздалось „ура“ и подхватилось слѣдующими рядами. Закричали „ура“ Маркушка и Бугай и сняли шапки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ остановился на лошади высокій, сухощавый, слегка сгорбленный Корниловъ.

Еще громче кричали „ура“.

Серьезное и умное лицо Корнилова, блѣдное и утомленное, дышало энергіей и рѣшимостью. Усмѣшка играла на его тонкихъ губахъ.

Онъ махнулъ рукой. Всѣ смолкли.

— Спасибо, братцы!—проговорилъ онъ, возвышая голосъ,—къ вечеру вы и батарею поставите.

— Увѣренъ... И врага не пустимъ въ Севастополь!—прибавилъ адмиралъ.

— Не пустимъ!—раздалось въ отвѣтъ.

— Еще бы пустить съ такими молодцами!—крикнулъ Корниловъ.

Онъ хотѣлъ, было, ѣхать дальше, какъ замѣтилъ старика Бугая.

И припомнилъ лихого марсоваго и отчаяннаго пьяницу на кораблѣ „Двѣнадцать Апостоловъ“, которымъ Корниловъ прежде командовалъ.

— Кажется, старый знакомый... Бугай? — спросилъ адмиралъ.

— Точно такъ, Владиміръ Алексѣичъ! — отвѣчалъ старикъ, обрадованный, что Корниловъ не забылъ прежняго форъ-марсоваго.

— Чѣмъ занимаешься?

— Яличникъ, Владиміръ Алексѣичъ.

— Вижу — прежній молодецъ. Спасибо, что здѣсь, Бугай!

И адмиралъ кивнулъ головой и поѣхалъ шагомъ дальше, сопровождаемый адъютантомъ.

„Ура“ пронеслось еще раскатистѣе. И словно бы стараясь оправдать увѣренность Корнилова, рабочіе, казалось, еще ретивѣе и быстрѣе продолжали работу... И насыпи батарей поднимались все выше и выше.

— Не бойсь, вспомнилъ марсоваго! — промолвилъ про себя Бугай, наваливаясь со всѣхъ силъ на лопату.

А послѣ словъ Корнилова Маркушка, казалось, чувствовалъ себя необыкновенно сильнымъ и увѣреннымъ, что врага не пустимъ.

— Вѣдь не пустимъ, дяденька?

— Не пустимъ, Маркушка!.. Да не наваливайся такъ... Полегче... Надорвешься, Маркушка!..

Палящее солнце уже было высоко. Жара была отчаянная. Рабочіе обливались потомъ, но, казалось, не обращали на это вниманія и почти никто не дѣлалъ передышки.

Въ одиннадцать часовъ прозвонили шабашъ на цѣлый часъ.

И много бабъ и дѣтей, только-что пришедшихъ изъ города, уже раскладывали на черной землѣ принесенныя ими мужьямъ, отцамъ и родственникамъ посуду и баклаги съ обѣдомъ.

— Давай, Маркушка, и мы пообѣдаемъ. Кулекъ-то у насъ съ важнымъ харчемъ... Проголодался?—спрашивалъ Бугай, вынимая съѣстное и раскладывая его на своемъ пальтецѣ.

— Не дюже, дяденька...

— Видно, уморился? Ишь весь мокрый, какъ мышь изъ воды.

— Маленько уморился... Но только передохну и шабашъ... Не оконфузю Корнилова.— А главная причина—жарко!

— А ты ѣшь, и не будетъ жарко... Ветчина то скусная съ булкой... Ѣшь, мальченка... И огурцы „кантуй“... Очень даже хорошо съ сольцей...

Маркушка ѣлъ торопливо, разсчитывая воспользоваться шабашемъ, чтобъ сбѣгать на бастіонъ—посмотрѣть на него и провѣдать отца. Не отставалъ и Бугай и промолвилъ:

— Даромъ, что седьмой десятокъ, а зубы всѣ цѣлы!— Отпей и кваску, Маркушка... Отлично!

И ветчину, и огурцы они быстро прикончили...

— Теперь давай кавуны ѣсть.

Но Маркушка деликатно отказался. Однако арбузъ взялъ.

— Да ты что же, Маркушка?

— Тятькѣ бы снесъ...

— Доберъ же ты, Маркушка. Однако ѣшь... Мы тятькѣ и два принесемъ... Хватитъ и на насъ...

Послѣ того, какъ Маркушка съѣлъ арбузъ, старый яличникъ подалъ мальчику свертокъ съ леденцами.

— Это ты одинъ ѣшь... А мы съ твоимъ тятькой этимъ не занимаемся. А ты любишь?

— Очень даже... Спасибо вамъ, дяденька.

— Завтра опять будетъ тебѣ такая прикуска... А теперь пойдемъ на баксіонъ...

Когда Бугай съ Маркушкой пришли на бастіонъ, матросы, разбившись артелями, еще сидѣли, поджавши ноги на землѣ, за баками и только-что, прикончивъ щи, выпрастывали мясо, разрѣзанное на куски. Всѣ ѣли молча и истово, не обгоняя другъ друга, чтобы каждому досталось крошево поровну.

— Чего раньше не пришли?— спросилъ Ткаченко.— Скусныя были шти... А теперь присаживайся, Бугай и Маркушка... Хватитъ и на васъ.

— Присаживайся!—поддержали и другіе обѣдавшіе.

— Сыты, матросики... Обѣдали... Можетъ, Маркушка хочетъ...

Не захотѣлъ и Маркушка и, подавая отцу два арбуза, промолвилъ:

— Это вамъ... Дяденька позволилъ.

— А надоумилъ принести тебѣ, Ткаченко, твой Маркушка,—вставилъ Бугай.

— Ты?—спросилъ Ткаченко.

— Я, тятенька!—отвѣтилъ мальчикъ.

— Молодца... Отца угостилъ...

И всѣ похвалили Маркушку.

— У меня карбованецъ есть для васъ!—неожиданно произнесъ Маркушка, обращаясь къ отцу.

И, доставши изъ кармана штановъ серебряный рубль, подалъ его отцу.

— Откуда карбованецъ?—строго спросилъ черномазый матросъ и нахмурилъ брови.

— Самъ Нахимовъ далъ!—горделиво объявилъ Маркушка.

— Павелъ Степанычъ!—воскликнулъ Ткаченко—Да какъ-же ты съ Павломъ Степанычемъ говорилъ?

Маркушка разсказалъ, какъ онъ „доходилъ“ до На-

химова, и отецъ, видимо довольный своимъ сыномъ, сказалъ:

— Провористый же ты, Маркушка... Мальченко, а отчаянный... Никого не боится... А ежели къ Менщику... дойдешь?—шутилъ Ткаченко...

— Дойду...

— А если Менщикъ велитъ тебя сказнить?

— За что?

— А такъ. Велитъ сказнить и... шабашъ!

— Сбѣгу отъ него и прямо къ Нахимову... Такъ, молъ, и такъ... Какъ онъ рѣшитъ...

Матросы смѣялись.

Когда убрали бакъ, Ткаченко разрѣзалъ два арбуза на десять частей, и вся артель съѣла по куску; затѣмъ всѣ разошлись и кое-гдѣ прилегли заснуть до боцманскаго свистка.

Ткаченко поговорилъ нѣсколько минутъ со своимъ пріятелемъ Бугаемъ и съ Маркушкой, и скоро матроса потянуло ко сну.

И онъ прилегъ около орудія.

Захотѣлось соснуть послѣ обѣда и Бугаю.

И онъ сказалъ Маркушкѣ:

— Валимъ домой... на стройку батареи... Тамъ я сосну и ты отдохни... И твой тятька хочетъ спать...

— Это, Бугай, вѣрно говоришь. Черезъ склянку разбудятъ...

Маркушка просилъ остаться. Онъ не помѣшаетъ отцу. Онъ походитъ здѣсь и посмотритъ какъ на „баксіонѣ“.

— Очень занятно. Дозвольте, тятенька!

— Ну что-жъ... Погляди... Ишь любопытная егоза! Да, смотри, не опоздай на работу, землекопъ!.. Пока прощай, Маркушка! А завтра приходи къ обѣду.

— Не опоздаю... завтра прибѣгу въ обѣдъ!—проговорилъ Маркушка.

И, засунувъ въ ротъ два послѣдніе леденца, пошелъ по бастіону и разглядывалъ все, что его интересовало.

А смышленаго мальчика интересовало все.

Когда Маркушка отошелъ, Ткаченко остановилъ Бугая и сказалъ:

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ... Придетъ *онъ*, пойдетъ на штурмъ, можетъ и убьетъ, а то „бондировкой“ убьетъ.

— Къ чему ты гнешь, Игнатъ?

— А къ тому, чтобы поберегъ сироту... Маркушку, пока онъ войдетъ въ понятіе.

— Онъ и теперь въ понятіи... И будь спокоенъ... Маркушку поберегу.

— Спасибо, Бугай!

— Пока прощай, Игнашка.

Бугай вернулся на стройку. Тамъ царила тишина. Усталые, всѣ послѣ обѣда крѣпко спали на землѣ.

А Маркушка тѣмъ временемъ спустился внизъ, обошелъ бастіонъ, прошелъ по рву, увидалъ, гдѣ пороховой погребъ и гдѣ лежатъ бомбы.

Кто-то указалъ на маленькія землянки, гдѣ жили офицеры.

Маркушка хотѣлъ уже идти на стройку, какъ изъ одной землянки вышелъ знакомый мичманъ, Михаилъ Михайловичъ Илимовъ.

Онъ весело окликнулъ Маркушку и спросилъ: „зачѣмъ ты здѣсь?“

Маркушка объяснилъ, что „строитъ батарею“, а въ шабашъ заходилъ къ отцу, а теперь баксіонъ обглядывалъ.

— Любопытно?

— Очень даже, Михайла Михайлычъ! — отвѣтилъ Маркушка.

И послѣ нѣсколькихъ мгновеній прибавилъ:

— Дозвольте просить васъ, Михайла Михайлычъ!

— Что тебѣ?

— Разрѣшите мнѣ поступить на баксіонъ!

Молодой мичманъ вытаращилъ глаза.

— Да ты съ ума сошелъ, Маркушка? Видно не понимаешь о чемъ просишь?..

— Очень даже понимаю, ваше благородіе.

— Вѣдь тутъ, Маркушка, только теперь любопытно, а какъ придутъ союзники... да какъ начнутъ бомбардировать, могутъ убить тебя...

— Да что-жъ...

— Ты еще мальчикъ... Тебѣ рано воевать.

— Я заслужилъ бы, Михайла Михайлычъ... Въ какую должность пристроете—буду стараться... Будьте добреньки...

— Не смѣй и думать... Лучше уѣзжай изъ Севастополя.

— Не поѣду... Пока я рулевымъ... А ежели вы не опредѣлите на баксіонъ, буду просить Нахимова. Онъ меня знаетъ... Видитъ, что я, слава Богу, не маленькій...

Мичманъ смотрѣлъ на маленькаго, худенькаго, востроглазаго мальчика съ серьезнымъ умнымъ лицомъ и расхохотался.

— Что-жъ, просись... Только и Павелъ Степанычъ не назначитъ... Повѣрь, Маркушка. Мальчиковъ на смерть не посылаютъ... Вотъ услышишь, какъ будетъ бомбардировка, тогда и самъ не захочешь сюда...

— Что-жъ, подожду бондировку и ежели не испугаюсь... буду проситься...

— Какое-же думаешь мѣсто?

— Какое угодно... Только, чтобы былъ въ защитникахъ... Не оконфузю васъ... Мало-ли какое дѣло найдется и для мальчика.

— Хвалю за твою отвагу... Но мальчикамъ еще рано сражаться... Выбрось это изъ головы, пока малъ... А какъ

выростешь... тогда другое дѣло... И ни у кого не просись... Ну, до свиданія, Маркушка. Пока непріятеля нѣтъ, зайди ко мнѣ... Я покажу всѣмъ такого мальчика!

Маркушка ушелъ съ бастіона. Во всю дорогу онъ мечталъ о томъ, какъ будетъ защищать Севастополь, и рѣшилъ послѣ первой-же бомбардировки проситься на бастіонъ.

Бугай спалъ и только дѣлалъ гримасы, когда злыя мухи бѣгали по его лицу, щекотали губы и носъ.

Тогда Маркушка присѣлъ около „дяденьки“ и, найдя камышевку, сталъ обмахивать ею лицо своего пѣстуна и друга, раздумывая о томъ, какъ рѣшитъ „дяденька“ насчетъ „баксіона“.

Пробилъ колоколъ, и всѣ поднялись. Черезъ минуту принялись за работу.

Къ вечеру зашабашили.

На смѣну дневныхъ рабочихъ на работу пришли ночные. Были зажжены смоляные факелы, разгонявшіе мракъ ночи, и рабочіе рыли землю и насыпали ее. А матросы уже привезли орудія на сооружаемую батарею.

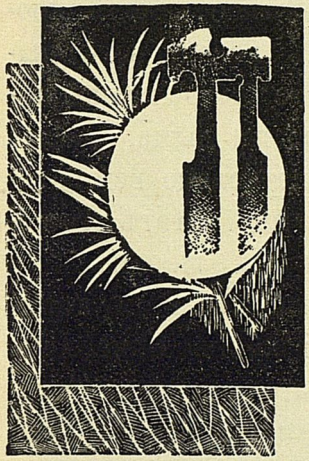
Усталые вернулись Бугай и Маркушка домой, напились чаю и легли спать.

Но прежде, чѣмъ заснуть, Маркушка разсказалъ Бугаю объ отказѣ мичмана и его намѣреніи проситься у Нахимова.

— Не просись, Маркушка... Не будь глупымъ, не твое это дѣло! Вотъ ежели-бы—взрослыхъ людей не было, потребуютъ и насъ стариковъ... А мальченковъ грѣшно звать на войну... И напрашиваться нечего безъ нужды на смерть... Форцу своего не показывай зря, Маркушка... И ничего хорошаго нѣтъ, коли приходится людей убивать... Я съ черкесами дрался... Видѣлъ, какъ люди другъ друга убиваютъ... И самъ двухъ пристрѣлилъ... Ты думаешь, пріятно?.. Небойсь, собаку зря не убьешь, Маркушка!.. Не просись туда, куда тебя не зовутъ!.. А теперь спи, Маркушка!

ГЛАВА V.

I.



ЕРВОЕ бомбардированіе Севастополя было тѣмъ ужаснымъ крещеніемъ людей страданіями и смертью, которое словно бы предупреждало о томъ, каковы будутъ послѣдующія бомбардированія, когда осадныя укрѣпленія подвинутся еще ближе къ нашимъ, станутъ вырывать по тысячамъ человѣкъ въ день и дадутъ полуразрушенному Севастополю кличку „многострадальнаго“.

Четвертаго октября союзныя батареи, обложившія кольцомъ наши, были готовы, и все предвѣщало, что на другой день будетъ бомбардировка.

Армія Меншикова по прежнему стояла на Сѣверной сторонѣ. Гарнизонъ Севастополя былъ достаточенъ для

прикрытія бастіоновъ и батарей. Но солдаты были безъ всякой защиты отъ ядеръ и бомбъ, „такъ какъ въ первую бомбардировку еще не было сдѣлано ни блиндажей, ни закрытыхъ путей для сообщенія между бастіонами".

Раннее утро пятаго октября было пасмурное, и стоялъ такой туманъ, что не было видно въ нѣсколькихъ шагахъ.

Но въ шестомъ часу утра стало проясняться. Туманъ таялъ.

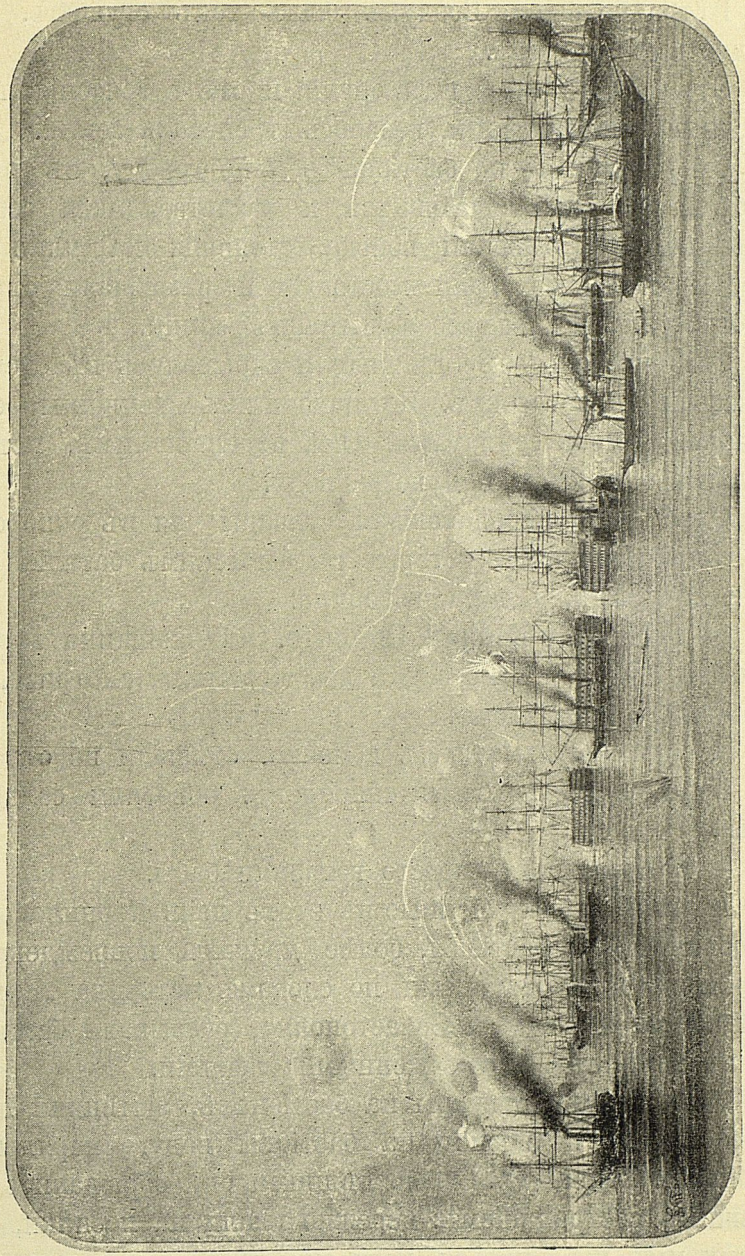
Загрохотали выстрѣлы съ 120 орудій союзниковъ, и въ ту же минуту стали отвѣчать наши бастіоны и батареи. Снаряды осыпали наши; всѣ, кромѣ прислуги при орудіяхъ и офицеровъ, старались скрыться отъ ядеръ и бомбъ, а скрыться было некуда.

По счастью, начальство догадалось отвести солдатъ прикрытія въ ближайшія улицы города. Тамъ опасность сравнительно меньшая.

„Стрѣльба по городу и окружающимъ его укрѣпленіямъ съ каждымъ часомъ усиливалась, и въ самое короткое время все пространство, раздѣляющее двухъ противниковъ, покрылось такимъ густымъ пороховымъ дымомъ, что и на близкомъ разстояніи не было возможности видѣть предмета. Облака порохового дыма, несясь надъ городомъ, скрывали отъ глазъ не только всѣ батареи и всю окрестность, но и самое солнце. Свѣтъ его померкнулъ, и оно казалось раскаленнымъ шаромъ или кровавымъ кругомъ, медленно опускавшимся надъ горизонтомъ. Были такія минуты, когда вокругъ ничего не было видно, кромѣ дыма, прорѣзываемаго огненными языками, вырывавшимися изъ орудій. О правильномъ прицѣливаніи не могло быть и рѣчи; приходилось наводить орудія по сверкавшимъ огонькамъ непріятельскихъ выстрѣловъ".

„Тучи снарядовъ скрещивались въ воздухѣ; одни летѣли къ намъ, другіе къ непріятелю. Ядра, бомбы, гра-

Мичманъ смотрѣлъ на маленькаго, худенькаго, востроглазаго мальчика... (стр. 100).



Бомбардированіе Севастополя турецко-англо-французскимъ флотомъ 5-го октября 1854 г.

наты, камни, щебень, земля и пыль—все завертѣлось и закружилось въ воздухѣ“.

Вѣтра не было. Воздухъ былъ такъ сгущенъ, что трудно было дышать.

Отъ непрерывнаго гула орудій и отъ сотрясенія, производимаго выстрѣлами, казалось, трепетала земля.

Смерть летала по бастіонамъ и по городу, въ видѣ бомбъ и гранатъ, лопающихся и разлетающихся осколками, которые осыпали войска, стоявшія на улицахъ. Ядра и бомбы взрывали мостовую и разрушали стѣны домовъ, ближнихъ къ оборонительной линіи.

Оставшіеся въ городѣ жители скрывались въ своихъ домахъ и въ погребахъ. Но находились женщины, старавшіяся помочь солдатамъ. Онѣ подавали имъ, истомленнымъ отъ жары и духоты, воду.

Одна дама, передававшая стаканы чая въ окно своего дома офицерамъ, которые съ флотскимъ баталіономъ были на улицѣ, у дома, говорила:

— Господа офицеры! Помните, что женщина присоединила Крымъ къ Россіи, а вы, мужчины, смотрите, не отдайте его непріятелю!

И офицеры и матросы, конечно, обѣщали не отдать.

Бабы, подъ градомъ снарядовъ, обносили солдатъ водой.

— Жалко васъ!—просто говорили бабы.

Арестанты, выпущенные въ этотъ день Корниловымъ и посланные на бастіоны, болѣе другихъ поврежденные непріятельскими снарядами, по словамъ историка „Крымской войны и обороны Севастополя“, оказывали безстрашіе наравнѣ съ „неотверженными“ людьми.

„Они тушили пожары на бастіонахъ, замѣняли подбитыя орудія, подносили на бастіоны воду, снаряды и подбирали раненыхъ. Съ послѣдними они обращались съ большимъ состраданіемъ: бережно клали на носилки, помогали имъ повернуться, какъ удобнѣе, поили водой и несли осторожно, чтобы сотрясеніемъ не вызывать страданій. Арестанты отличались особенною предупредитель-

ностью ко всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ, они угощали ихъ водкою, приносили закуску, отдавали послѣднюю копѣйку".

Послѣ перваго бомбардированія одна артиллерійская батарея была поставлена въ Севастополѣ.

По словамъ одного изъ служившихъ на батареѣ, „погода въ то время стояла скверная; моросилъ непрерывный дождь, сопровождаемый холоднымъ вѣтромъ, пронизывающимъ до костей. Мѣстность обратилась въ грязь: негдѣ было спрятаться отъ дождя. Видя, что солдаты валялись подъ дождемъ, ничѣмъ не прикрытые, арестанты принесли на батарею нѣсколько лодокъ, лежавшихъ на берегу бухты, укладывали солдатъ и покрывали ихъ лодками. Такимъ образомъ, наши солдаты, защищенные отъ дождя, могли спать „эту ночь".

А арестанты, разумѣется, мокли, и не догадывались, какими истинно добрыми людьми были эти „отверженные".

И большая часть ихъ была убита въ Севастополѣ.

Къ часу дня бомбардированіе стало еще ужаснѣе, когда англо-французскій флотъ подошелъ на близкое разстояніе и сталъ громить прибрежныя батареи и городъ.

Одинъ изъ бойцовъ на прибрежной батареѣ пишетъ: „Воздухъ, пропитанный исключительно дымомъ, не совмѣщалъ уже въ себѣ звуковъ. Хотя одновременно стрѣляли около 1500 орудій, но звукъ ихъ не былъ громоподобенъ — онъ превратился въ глухой рокотъ, какъ бы въ клокотаніе, покрываемое свистомъ и визгомъ снарядовъ въ несчетномъ множествѣ проносившихся надъ нами. Только ревъ собственнаго орудія, при выстрѣлѣ, рѣзко отдѣлялся въ этомъ морѣ несвязныхъ звуковъ и царилъ надъ нами, до своего повторенія".

II.

ПРИ первыхъ же выстрѣлахъ Корниловъ и Нахимовъ поскакали на оборонительную линію.

Нахимовъ самъ распоряжался стрѣльбой на 5 бастіонѣ и, по обыкновенію, былъ въ эполетахъ. По обыкновенію, онъ не обращалъ вниманія на опасность. А на бастіонахъ было очень жутко. Достаточно сказать, что въ этотъ день на одномъ бастіонѣ три раза перемѣнили прислугу у орудій.

Въ началѣ бомбардировки Нахимовъ былъ слегка раненъ въ голову, но, когда одинъ офицеръ замѣтилъ, что адмиралъ раненъ, Нахимовъ сердито отвѣтилъ:

— Не правда-съ!

И, потрогавъ рукой окровавленный лобъ, прибавилъ:

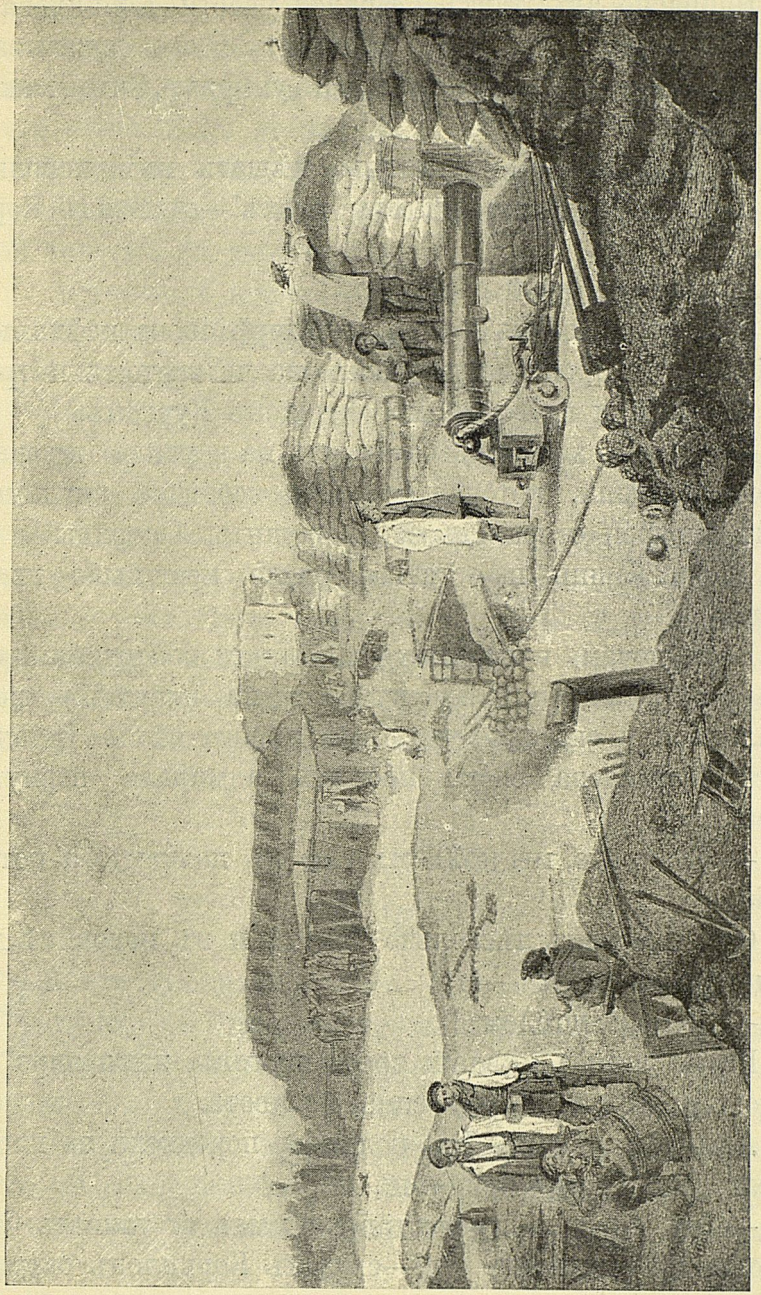
— Слишкомъ мало-съ, чтобъ объ этомъ заботиться. Слишкомъ мало-съ!

Скоро на 5 бастіонъ пріѣхалъ и Корниловъ, объѣзжавшій всю оборонительную линію.

Разговаривая съ Павломъ Степановичемъ, Корниловъ долго слѣдилъ вмѣстѣ съ нимъ за тѣмъ разрушеніемъ, которое производили снаряды въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ. Оба они стояли открыто подъ самымъ сильнымъ огнемъ союзниковъ; ядра свистѣли около, обдавая ихъ землею и кровью убитыхъ; бомбы лопались вокругъ, поражая своими осколками прислугу у орудій.

„Трудно себѣ представить,—говоритъ авторъ цитируемой мною книги, — что-либо ужаснѣе этой борьбы. Громъ выстрѣловъ слился въ одинъ гулъ надъ головами сражающихся. Тысячи снарядовъ бороздили укрѣпленія и разносили смерть и увѣчья повсюду“.

Нѣтъ сомнѣнія, что оба адмирала понимали неудобство этого разговора подъ ядрами и не сомнѣвались, что ихъ храбрость извѣстна всѣмъ, что сохраненіе жизни



Внутренность одной изъ батарей Корниловскаго (Малахова Кургана), на которой убитъ вице-адмиралъ В. А. Корниловъ 5-го октября 1854 года въ Севастополѣ.

важно для самаго дѣла. Но они хотѣли показать примѣръ безстрашія всѣмъ.

Напрасно адъютантъ старался увести Корнилова съ бастіона, докладывая, что присутствіе его доказываетъ недовѣріе къ подчиненнымъ, и увѣрялъ, что каждый исполняетъ свой долгъ.

— А зачѣмъ-же вы хотите мѣшать мнѣ исполнять мой долгъ? Мой долгъ видѣть всѣхъ!—отвѣчалъ Корниловъ.

И поѣхалъ на 6 бастіонъ.

Онъ вернулся въ городъ и вскорѣ снова поѣхалъ на бастіоны. Адмиралъ опять былъ на четвертомъ и третьемъ бастіонѣ и пріѣхалъ на Малаховъ Курганъ.

Корниловъ хотѣлъ было взойти на верхнюю площадку каменной башни, которая особенно заботила англичанъ, и ихъ батареи старались ее разрушить. Снаряды ложились около башни и остаться около нея было крайне опасно.

Вотъ почему начальникъ дистанціи контръ-адмиралъ Истоминъ рѣшительно не пустилъ на площадку своего начальника и сказалъ, что тамъ никого нѣтъ. И адъютантъ Корнилова снова просилъ адмирала вернуться домой.

— Постойте, мы поѣдемъ еще къ полкамъ, а потомъ домой.

Онъ постоялъ нѣсколько минутъ и въ половинѣ двѣнадцатаго сказалъ:

— Теперь поѣдемъ!

Но не успѣлъ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ ядро оторвало ему лѣвую ногу у самаго живота.

Адмиралъ упалъ. Его подняли, перенесли за насыпь и положили между орудіями.

— Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь. Не отдавайте его!—сказалъ Корниловъ окружавшимъ и скоро потерялъ память, не проронивъ ни одного стона.

Онъ пришелъ въ себя только на перевязочномъ пунктѣ.

Замѣтивъ, что его хотятъ переложить на носилки, но затрудняются, чтобы не повредить рану, Корниловъ самъ черезъ раздробленную ногу перекатился въ носилки, и его отнесли въ госпиталь.

Врачи не сомнѣвались, что смерть близка.

Чувствовалъ и Корниловъ ея приближеніе и ждалъ этой минуты со спокойствіемъ.

— Скажите всѣмъ,—говорилъ онъ окружающимъ,—какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна.

И скоро въ безпамятствѣ умеръ.

„Послѣ него у насъ не оказалось ни одного человѣка въ уровень съ событіями того времени“ — пишетъ одинъ изъ участниковъ.

И многія записки и словесные отзывы севастопольцевъ единогласно говорятъ, что „Корниловъ былъ единственный человѣкъ, который могъ-бы дать совершенно иной исходъ крымскимъ событіямъ: такъ много выказалъ въ эти немногіе дни ума, способности, энергіи и вліянія на своеобразнаго князя Меншикова“.

III.

Въ это туманное раннее утро пятаго октября Маркушка съ Бугаемъ пришли на пристань къ своему ялику. Улицы были полны солдатами, шедшими къ оборонительной линіи. Скакали верховые офицеры и казаки. Встрѣчались бѣгущіе мужчины и женщины съ пожитками, направляющіеся къ пристанямъ... Въ туманѣ всѣ казались какими-то силуэтами, внезапно скрывающимися.

Маркушка чувствовалъ что-то жуткое на душѣ. Бугай уже сказалъ ему, что сегодня ждутъ „бондировки“ и пожалуй *онъ* пойдетъ на штурмъ.

— Большая будетъ драка, Маркушка! — прибавилъ Бугай.

— А мы перевозить людей будемъ, дяденька?—спросилъ, видимо недовольный, Маркушка.

— Всякій при своемъ дѣлѣ. И яличники требуются. А ты, умникъ, думаешь нужны мы, старый да малый, на „баксіонѣ“? Вовсе пока не нужны. А понадобится—пойду...

— И я съ вами, дяденька!

— Не егози, Маркушка!

Яликъ возвращался съ перваго рейса, когда вдругъ зарокотала бомбардировка.

Казалось, сразу все измѣнилось вокругъ. И городъ, и бухта, и небо. Съ каждой минутой громъ становился сильнѣй и безпрерывнѣй. Черные шарики летали въ воздухѣ съ обѣихъ сторонъ со свистомъ и какимъ-то шипѣніемъ, и надъ городомъ повисла туча дыма.

И невольный ужасъ охватилъ мальчика. И ужасъ, и въ то же время какое-то любопытное и задорное чувство, которое влекло Маркушку туда, гдѣ, казалось ему, и онъ что-нибудь да сдѣлаетъ въ отместку этимъ „дьяволамъ“, пришедшимъ въ Севастополь.

Но въ эти первыя минуты страхъ пересиливалъ другія чувства.

И мальчикъ, широко раскрывъ глаза, слушалъ грохотъ и взглядывалъ на стараго яличника, словно-бы удостовѣряясь, что дяденька здѣсь, около.

Бугай былъ спокоенъ и проникновенно серьезенъ.

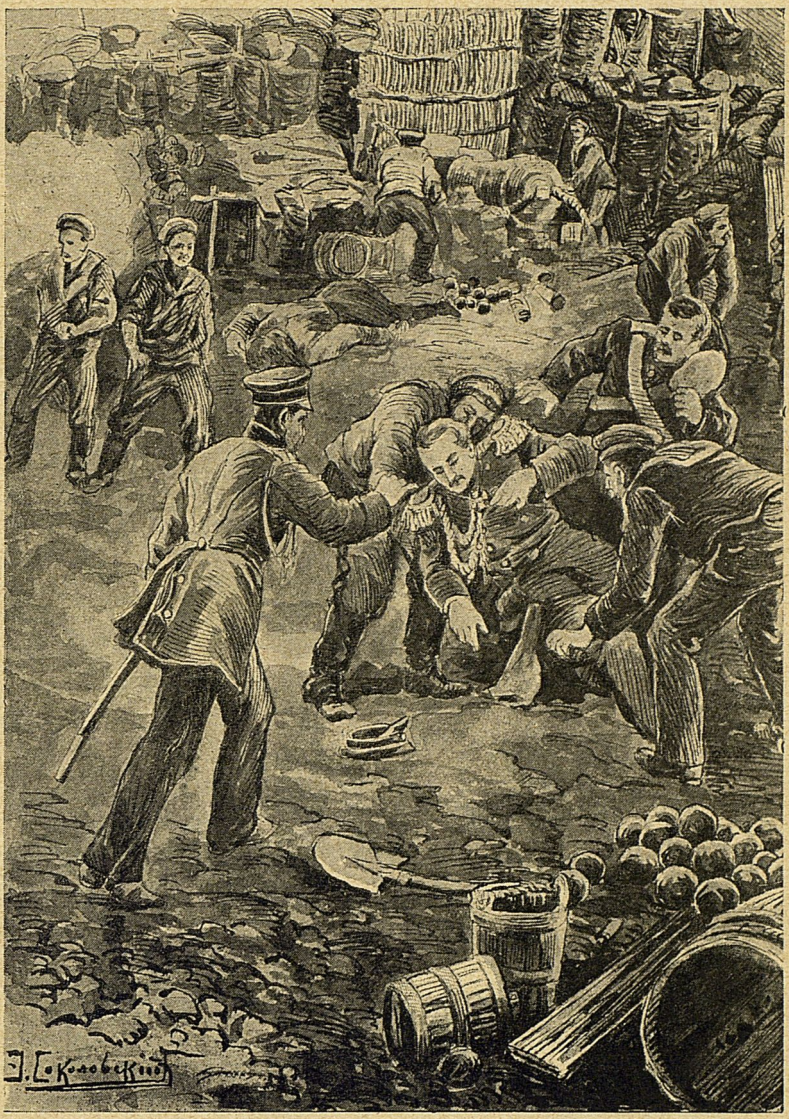
Онъ пересталъ грести, снялъ свою обмызганную шапку, поднялся и, глядя на городъ, медленно и истово перекрестился и горячо промолвилъ:

— Помоги нашимъ, Господи!

И еще тише прибавилъ, принимаясь за весла:

— Много пропадетъ нынче народу!

— Дяденька!—окликнулъ Маркушка.



Адмиралъ упалъ, его подняли, перенесли за насыпь и положили между орудіями... (стр. 110).

— Ну?

— Вы говорите много пропадетъ отъ этихъ самыхъ?— спросилъ онъ, указывая вздрагивающей рукой на летящіе снаряды.

— Много... И отъ ядеръ и отъ бомбъ... Разорветъ, осколки разлетятся и... смерть... либо ногу или руку оторветъ...

Маркушка примолкъ и слушалъ. И впечатлительному мальчику представлялось, что каждый этотъ шарикъ убиваетъ людей, и среди адскаго грохота падаютъ окровавленные люди.

„Много пропадетъ народа!“ — мысленно повторилъ Маркушка слова стараго матроса.

И, охваченный вдругъ миролюбивымъ чувствомъ, онъ спросилъ:

— И зачѣмъ, дяденька, убиваютъ другъ друга?

— Война.

— А зачѣмъ война?

— А зачѣмъ ты дерешься съ мальчишками?.. Значитъ, разстройка... Такъ, братецъ ты мой, разстройка и между императорами.—Нашъ одинъ противъ императора, султана и королевны...

— Нашего, значитъ, зацѣпили?..

— Изъ-за турки... Обидно, что Нахимовъ подъ Синопомъ турку ожогъ... И пошла разстройка... Ну и французскаго императора нашъ государь оконфузилъ... Опять онъ въ амбицію...

— А какъ оконфузилъ?

— Очень просто. Французскій императоръ не изъ настоящихъ... А такъ изъ бродягъ... Однако какъ ни какъ, а потребовалъ, чтобы всѣ ему оказали уваженіе... И всѣ уважили... Стали называть, по положенію, братцомъ... А нашъ Николай Павловичъ императоръ не согласился. „Какой, говоритъ, мнѣ братецъ изъ бродягъ“... И назвалъ его для форменности, чтобы не связываться, другомъ... Понялъ, Маркушка?

— Понялъ...

— Вотъ и дошло до войны... Французскій императоръ подбилъ аглицкую королеву и пишутъ нашему: „Не тронь турку“. А нашъ отвѣтилъ въ родѣ какъ: „выкуси, а я не согласенъ!“

— Ну, разумѣется, надѣялся на свою армію и флотъ!— прибавилъ Бугай.

— А у *его,* дьяволовъ, стуцеръ, дяденька!

— Что-жъ, по правдѣ говоря, и флотъ съ машинами.— Эка *онъ* палитъ!!—вдругъ оборвалъ Бугай.

На пристани стояла встревоженная толпа. Преимущественно были женщины съ дѣтьми и съ пожитками. Среди мужчинъ—большей частью хилые, больные и старики. Всѣ торопились переѣзжать на Сѣверную сторону.

Всѣ суетились, и въ толпѣ раздавались восклицанія:

— Голубушки... И въ слободку *онъ* жаритъ... И нѣсколько хатъ разметало...

— Въ улицахъ ядра и бомбы... Солдатъ такъ и бьютъ... И двухъ матросокъ убило. Показались матроски на Театральной улицѣ... И на повалъ...

— Ребенка убили... Махонькій... Въ кусочки!..

— Не приведи Господи... Адъ кромѣшный!..

— Нашимъ матросамъ то какъ на „баксіонахъ“!.. Голубчики!..

— Сказываютъ, будетъ штурма...

— Пропали наши домишки... Разорилъ насъ *онъ*.

— А Менщикъ не показывается...

— Корниловъ и Нахимовъ тамъ.. Подбадриваютъ!..

— О Господи!!.

— А дурачокъ Костя... не боится. Пошелъ на баксіоны... Бормочетъ себѣ подъ носъ...

— Дѣдушка, родненькій! Возьми и меня!—крикнула одна дѣвочка, подбѣгая къ Бугаю.

— Садись, дѣвочка, около меня. А ты чья?—спросилъ Бугай, отваливая отъ пристани.

Худенькая черноглазая дѣвочка заплакала и сквозь слезы отвѣчала:

— Сирота! Матросская дочь.

— У кого жила?

— У тетеньки. А тетенька ушла... А меня оставила...

— Къ кому же ты?

— Ни къ кому, дѣдушка... Никого у меня нѣтъ.

— Ишь ты!

— Въ улицахъ ядра и бомбы... Солдатъ такъ и бьютъ...

Но тутъ-же на шлюпкѣ нашлась добрая женщина, которая обѣщала пріютить дѣвочку въ Симферополѣ.

А Бугай далъ дѣвочкѣ двѣ серебряныя монетки и ласково сказалъ:—Пригодятся, дѣвочка!

Послѣ нѣсколькихъ рейсовъ пассажировъ уже не было. Бугай съ Маркушкой закусили, и лодочникъ заснулъ въ шлюпкѣ, не обращая вниманія на адскій рокотъ.

Привыкъ къ нему и Маркушка, и онъ уже не приводилъ его въ ужасъ.

Не ужасали его и носилки съ мертвыми тѣлами, которыя, какъ грузъ, складывали на барказъ на Графской пристани... И какъ много этихъ мертвецовъ, окровавленныхъ и изуродованныхъ, съ черными отъ пороха лицами, съ закрытыми глазами, въ ситцевыхъ и холщевыхъ рубахахъ и исподняхъ. Почти на всѣхъ покойникахъ не было шинелей, мундировъ и сапогъ.

Маркушка заглядывалъ въ носилки, заглядывалъ въ барказъ и невольно искалъ отца.

И онъ спросилъ одного солдата-носильщика:

— Ткаченко, комендоръ на четвертомъ баксіонѣ, живъ?

— Не знаю, малецъ... Слышно тамъ сильно бьютъ... Оттуда къ корабельной бухтѣ выносятъ... А мы солдатиковъ носимъ... Коихъ на улицѣ убило.

Маркушка вернулся къ ялику.

По прежнему кругомъ грохотало. Бугай спалъ, а другіе яличники ловили рыбу

Мальчикъ опять отошелъ отъ ялика и вышелъ на улицу.

У пристани и Морского клуба сидѣли солдаты, поставивъ ружья въ козлы. Офицеры курили и о чемъ то болтали. Здѣсь не было видно ни ядеръ, ни бомбъ.

Маркушкѣ очень хотѣлось вблизи увидать ихъ.

Онъ пробѣжалъ между солдатами, добѣжалъ до собора... Опять ни ядра, ни бомбы... И онъ побѣжалъ дальше...

Мимо то и дѣло проносились носилки, передъ которыми солдаты разступались и крестились...

Несмолкаемый рокотъ казался оглушительнѣй. Но Маркушка не обращалъ на него вниманія и побѣжалъ по большой улицѣ...

И вдругъ остановился... Онъ услышалъ совсѣмъ близко рѣзкій свистъ; нѣсколько ядеръ шлепались о мостовую. И вслѣдъ затѣмъ шипѣніе... Что-то упало, казалось, рядомъ что-то вертѣлось и горѣло...

— Падай, чертенокъ!.. раздался чей-то повелительный голосъ.

И вслѣдъ затѣмъ, чьи-то руки схватили мальчика за шиворотъ и пригнули къ землѣ.

Въ ту-же минуту раздался трескъ, и Маркушка увидалъ, какъ осколки разлетѣлись среди солдатъ, и раздались стоны.

Маркушка поднялся. Около него стоялъ морякъ — штабъ-офицеръ въ солдатской шинели.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—сердито спросилъ морякъ.

— Поглядѣть.

— На что?

— На ядра...

— Глупый. Хочешь быть убитымъ? Пошелъ назадъ. Брысь!—крикнулъ морякъ.

Маркушка не заставилъ повторять и побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

А морякъ, улыбнувшись, проводилъ глазами Маркушку и пошелъ къ оборонительной линіи, то и дѣло прислушиваясь къ свисту ядеръ и невольно наклоняя голову.

У дома командира порта проносили носилки. Маркушка заглянулъ и увидѣлъ знакомаго мичмана Михаила Михайловича. Блѣдный, онъ слегка стоналъ.

— Михайла Михайлычъ!—воскликнулъ Маркушка.

— Маркушка!—ласково сказалъ раненый мичманъ.— И не смѣй проситься на бастіонъ... Вотъ видишь, какъ тамъ... Понесли меня...

— Поправитесь, Михайла Михайлычъ!

— Надѣюсь... Легко раненъ...

— А тятька, Ткаченко... живъ?

— Живъ былъ...

Маркушка проводилъ нѣсколько минутъ раненаго и, простившись, побѣжалъ на пристань.

По дорогѣ онъ услышалъ, что убитъ Корниловъ, и принесъ это извѣстіе Бугаю.

Бугай нахмурился, перекрестился и проговорилъ:

— Другого такого не найдемъ!—А ты куда бѣгалъ?

Маркушка разсказалъ, и старый яличникъ сердито сказалъ:

— Ой, накладу тебѣ въ кису, если пойдешь... смотрѣть бомбы!.. Раскровяню твою харю!

Къ вечеру все стихло. Рокотъ прекратился. Люди облегченно вздохнули и дышали вечерней прохладой.

Вечеръ былъ прелестный. На небѣ занялись звѣзды, и море такъ ласково шептало.

И только огненные хвосты ракетъ, по временамъ горѣвшіе въ темномъ небѣ, да шипѣніе бомбъ говорили, что смерть еще витаетъ надъ городомъ.

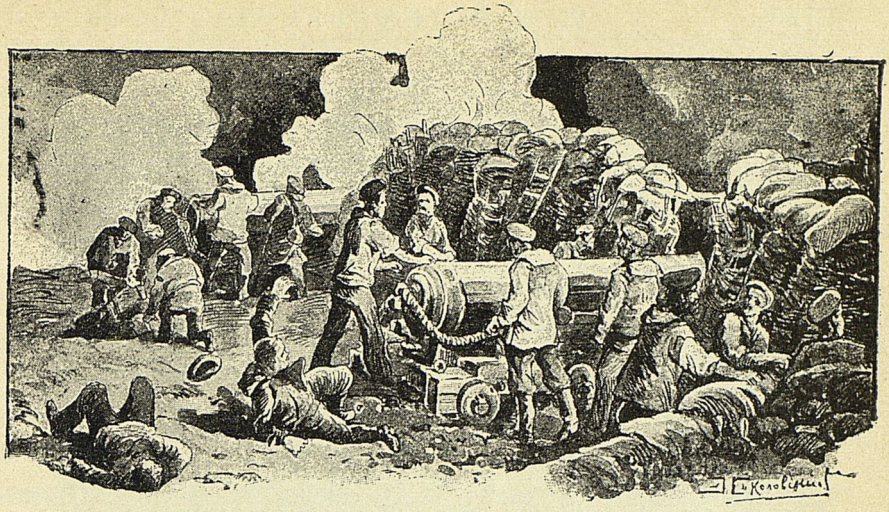
Но скоро смолкли и англійскія батареи.

Маркушка и Бугай пошли домой. Но дома ужъ не было. Хибарка, въ которой они жили, представляла собой развалины, и пріятели нашли на ночь пріютъ въ одномъ изъ цѣлыхъ домиковъ слободки и рѣшили на другой день перебраться внизъ.

„А на баксіонъ къ тятькѣ все-таки сбѣгаю“,—подумалъ Маркушка передъ тѣмъ, что заснулъ.

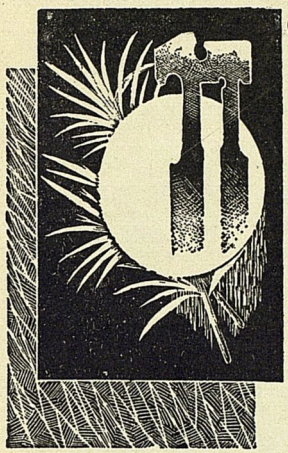
На слѣдующее утро грохотъ пальбы разбудилъ Маркушку.

— Ишь, черти! Опять „бондировка“! — промолвилъ мальчикъ, поднимаясь съ соломенной подстилки на полу.



ГЛАВА VI.

I.



ОСЛѢ перваго ужаснаго бомбардированія—защитники всю ночь исправляли поврежденія бастіоновъ и батарей.

Нѣкоторые сильно пострадали. Особенно — третій бастіонъ, почти сравненный съ землей.

На немъ три раза была перемѣнена орудійная прислуга, убитая или раненая. Ничѣмъ не прикрытые, подъ градомъ ядеръ, бомбъ и гранатъ, матросы продолжали стрѣлять по непріятельскимъ батареямъ, какъ вдругъ непріятельская бомба пробила пороховой погребъ, и страшный взрывъ поднялъ на воздухъ часть третьяго бастіона и свалилъ его въ ровъ вмѣстѣ съ орудіями и матросами-артиллеристами.

Бастіонъ буквально обратился въ груду земли; изъ числа 22 орудій осталось не подбитыми только два, но и при нихъ было лишь пять человѣкъ.

Почти всѣ офицеры были убиты или ранены. Сто матросовъ погибли при взрывѣ.

Обезображенные и обгорѣлые трупы ихъ валялись во рву и между орудіями: тамъ груда рукъ, тутъ однѣ головы безъ туловища, а вдали, среди грохота выстрѣловъ, слышались крики торжествующаго врага. Бастіонъ представлялъ картину полнаго разрушенія, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могъ производить выстрѣловъ изъ своихъ двухъ орудій.

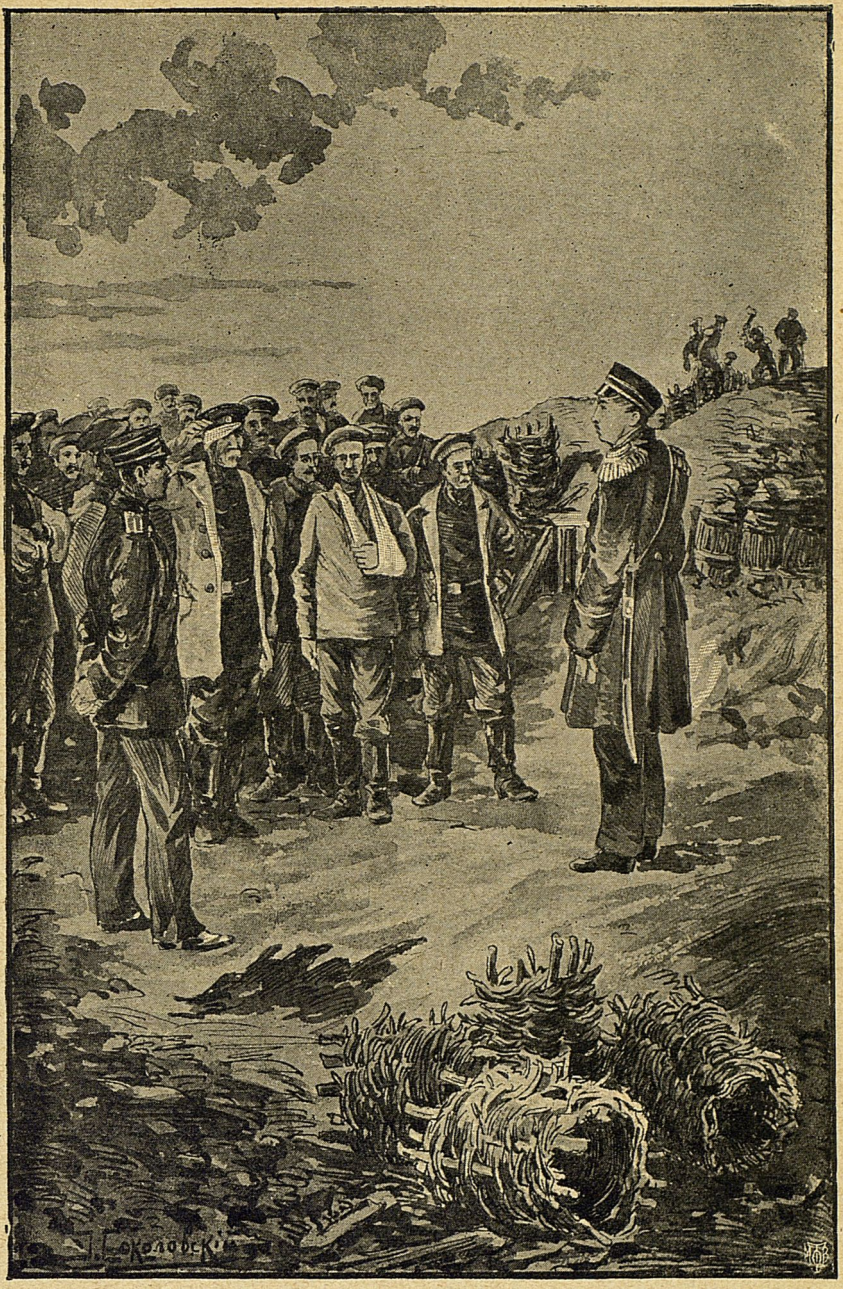
Казалось, исчезла уже „всякая возможность противодѣйствовать артиллеріи непріятеля. Оборона на этомъ пунктѣ была совершенно уничтожена, и на Корабельной сторонѣ (гдѣ находится 3 бастіонъ) ожидали, что непріятель, пользуясь достигнутымъ имъ результатомъ, немедленно пойдетъ на штурмъ“ — пишетъ авторъ „Исторіи обороны Севастополя“.

Но офицеры и матросы 41-го экипажа, стоявшаго близъ бастіона, бросились на помощь третьему бастіону. Скоро загремѣли выстрѣлы изъ двухъ орудій и на сосѣдней батареѣ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ третьяго бастіона, стали кричать „ура“ и открыли частый огонь противъ чужихъ батарей.

За ночь надо было возстановить третій бастіонъ и исправить другіе. Пришлось насыпать брустверы и очищать рвы, устраивать траншеи, замѣнить подбитыя орудія.

Къ утру всѣ бастіоны были готовы.

Севастополь, послѣ вчерашней бомбардировки, казалось, сталъ еще грознѣе, и союзники увидали, что взять Севастополь не такъ легко, какъ казалось. Его укрѣпленія словно бы снова выростали. Поднимался и духъ защитниковъ послѣ ужасной бомбардировки, не сгубившей Севастополя.



Нахимовъ приказалъ собрать матросовъ и сказалъ... (стр. 121).

Нахимовъ, посѣтившій на другой день прибрежную батарею № 10, отбивавшуюся отъ орудій цѣлаго флота, за потерю которой опасались тѣмъ болѣе, что она могла быть сбита и занята десантомъ, — Нахимовъ приказалъ собрать матросовъ и сказалъ:

— Вы защищались, какъ герои,—вами гордится, вамъ завидуетъ Севастополь. Благодарю васъ. Если мы будемъ дѣйствовать такимъ образомъ, то непремѣнно побѣдимъ непріятеля. Благодарю, отъ всей души благодарю!

„Крѣпость—доносилъ князь Меншиковъ—которая выдержала такую страшную бомбардировку и успѣла потомъ въ одну ночь исправить поврежденія и замѣнить всѣ подбитыя свои орудія—не можетъ, кажется, не внушить нѣкотораго сомнѣнія въ надеждѣ овладѣть крѣпостью дешево и скоро“.

II.

Это осторожное донесеніе главнокомандующаго, питавшаго только „нѣкоторое сомнѣніе“ въ возможности потерять Севастополь,—было, казалось, однимъ изъ рѣдкихъ обнадеживающихъ донесеній императору Николаю I и своихъ не мрачныхъ взглядовъ на положеніе Севастополя.

Самъ главнокомандующій, одинъ изъ любимыхъ императоромъ дѣятелей того времени, признавалъ то, что казалось невѣроятнымъ. Начальники, офицеры—и даже сами войска, словомъ все то, что считалось нашей гордостью и главнымъ козыремъ, поддерживающимъ могущество Россіи и внушающимъ страхъ Европѣ,—все это, по мнѣнію князя Меншикова, безспорно умнаго человѣка—было самоувѣренное заблужденіе.

Князь не разъ предупреждалъ еще до объявленія войны, что необходимо болѣе войскъ, чѣмъ у него есть:

„небо помогаетъ большимъ войскамъ“—острилъ онъ и прибавлялъ, что необходимо укрѣпить Севастополь съ южной стороны. Но его донесенія вначалѣ не исполнялись, и десантъ большой союзной арміи засталъ насъ врасплохъ не по винѣ одного Меншикова.

И затѣмъ онъ уже не разъ жаловался и государю, и министру, и князю М. Д. Горчакову о недостаткѣ способныхъ генераловъ и особенно офицеровъ.

Впрочемъ, и князь Меншиковъ, понявшій въ Севастополѣ наши заблужденія насчетъ многаго, казалось, понялъ, что и самъ онъ, на котораго было возложено такое трудное дѣло, — тоже одно изъ заблужденій — считаясь даровитымъ и энергичнымъ полководцемъ.

И мрачный, одинокій, недовѣрчивый, не сообщавшій никому своихъ плановъ, вдобавокъ больной и знающій, какъ нелюбимъ онъ въ войскахъ и во флотѣ, — онъ не вѣрилъ въ дѣло, которому служилъ, и скоро ужь доносилъ государю, что едва-ли Севастополь долго продержится и не лучше ли сжечь его и вывести армію.

Меншиковъ жилъ на Сѣверной сторонѣ, въ скромномъ помѣщеніи, устроенномъ въ фортѣ. Онъ почти не показывался на оборонительную линію, не показывался и войскамъ, и, видимо удрученный тяжелыми думами, хотя и работалъ, не покладая рукъ, но видѣлъ и чувствовалъ, что не можетъ поправить дѣла—не можетъ выгнать непріятеля. Онъ не скрывалъ отъ себя, что дороги ужасны, что продовольствіе войскъ отвратительно, злоупотребленія неисчислимы, раненые и больные мрутъ какъ мухи безъ призора, подвозъ пороха и снарядовъ затруднителенъ. Броситься же на „авось“ съ арміей на непріятельскую—для этого князь Меншиковъ былъ слишкомъ уменъ и недостаточно беззавѣтенъ и пылокъ, чтобъ рисковать всей арміей и, въ случаѣ пораженія, отдать непріятелю весь Крымъ.

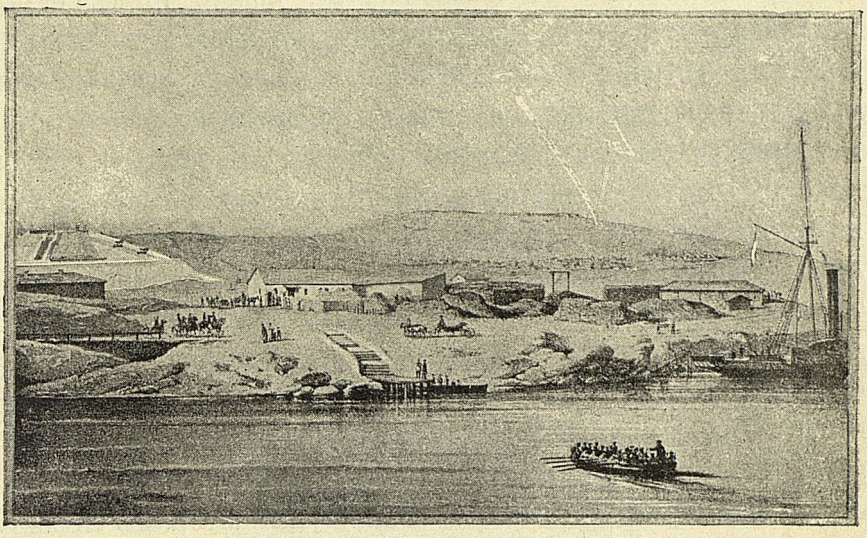
И, несмотря на понуканія изъ Петербурга на рѣши-

тельныя дѣйствія, Меншиковъ имѣлъ храбрость не соглашаться съ совѣтами изъ Петербурга и медлилъ, ожидая новыхъ подкрѣпленій.

Во многихъ письмахъ Меншиковъ писалъ:

„Я изнемогаю отъ усталости и заботъ и не вижу выхода изъ своего положенія. Утѣшительнаго ничего, а за то сплетенъ—гибель".

Несомнѣнно умный человѣкъ, онъ понималъ, что нуженъ геній военачальника и организатора, чтобы при та-



Домикъ, въ которомъ жилъ въ 1854 г. князь А. С. Меншиковъ.

кихъ безпорядкахъ, какіе обнаружило наше безсиліе, несмотря на самоувѣренность въ свою силу и вѣру въ безукоризненный порядокъ въ военномъ управленіи,—возможно было надѣяться на успѣхъ.

И Меншиковъ, казалось, не имѣлъ никакой надежды и не скрывалъ этого отъ императора. Онъ ждалъ скорой потери Севастополя.

Въ Петербургѣ, послѣ пораженія нашего подъ Алмой, боялись потери всего Крыма.

Только бездарность полководцевъ союзниковъ и во-

истину необыкновенная выносливость и мужество солдата и матроса, которые одиннадцать мѣсяцевъ защищали Севастополь, нѣсколько ободрили насъ и спасли отъ несравненно тяжелыхъ условій мира.

Въ какихъ условіяхъ жили защитники поздней осенью и зимой, читатель можетъ понять хотя бы изъ слѣдующихъ строкъ, которыя я беру изъ „Исторіи Севастопольской обороны“.

„Защитники Севастополя положительно валялись въ грязи, на открытомъ воздухѣ, въ дождь и въ бурю, въ морозъ и метель. Единственною защитою ихъ отъ холодныхъ вѣтровъ были сложенныя на-сухо изъ камней стѣнки, ямы или рвы, кое-какъ прикрытые сверху. Командиры бастіоновъ помѣщались въ землянкахъ столь малыхъ, что едва можно было вытянуться во весь ростъ человѣка. Если на батареѣ бывала еще одна такая землянка для нѣсколькихъ офицеровъ, то такая батарея считалась съ роскошнымъ помѣщеніемъ. Никто не могъ раздѣться. Ноги прѣли, потому что по мѣсяцу и болѣе никто не снималъ сапогъ. Иной пробовалъ прилечь на голой землѣ, но холодъ и сырость гнали его прочь. Хорошо, кому удавалось пристроиться подъ навѣсомъ насыпи, или прислониться къ станку, на которомъ лежало орудіе—положенію такого счастливца всѣ завидовали“.

Но солдатамъ едва-ли было лучше.

„Находившіяся на укрѣпленіяхъ войска не имѣли ни крова, ни теплой одежды. Съ самаго начала осады солдаты принуждены были сами изобрѣтать средства для защиты отъ дождя и стужи. Въ то время солдаты не имѣли еще полушубковъ *) и довольствовались мундиромъ и шинелью. Въ дождливую погоду они мастерили себѣ такіе башлыки изъ рогожи, смотря на которые дивова-

*) Посылавшіеся часто не доставлялись и гдѣ-нибудь на пути сгнивали.

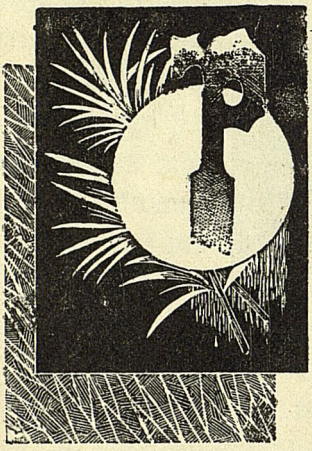
лись и свои и французы. Рогожи эти выдавались для того, чтобы солдаты подстилали подъ себя въ землянкахъ или сараяхъ, гдѣ имъ случалось ночевать. Обыкновенно одинъ куль выдавался на двоихъ; его рѣзали вдоль на двѣ части, такъ что каждому доставалось по готовому, сшитому углу. Отправляясь въ цѣпь или на часы, солдатъ захватывалъ съ собою принадлежащую ему половину куля. Надѣвъ его на голову, онъ защищалъ себя отъ дождя и непогоды.

„Жизнь, которую не выноситъ ни одинъ каторжникъ, была обыкновенною жизнью каждаго изъ защитниковъ“,— прибавляетъ историкъ.

Сильное бомбардированіе продолжалось нѣсколько дней подрядъ и затѣмъ продолжалось ежедневно, но нѣсколько легче и не общимъ, а имѣющимъ цѣлью разрушить укрѣпленія въ нѣкоторыхъ пунктахъ обороны.

ГЛАВА VII.

I.



РАНО утромъ, черезъ три дня послѣ первой ужасной бомбардировки, какъ и въ предыдущіе дни, загрохотали орудія. Но стрѣляли сразу не всѣ непріятельскія батареи, и наши отвѣчали только изъ тѣхъ бастіоновъ, на которые былъ направленъ огонь непріятеля.

Старикъ Бугай, только-что молча окончившій пить чай въ подвалѣ одного изъ домовъ внизу, около рынка, на берегу артиллерійской бухты, вдругъ неожиданно сердито произнесъ, обращаясь къ Маркушкѣ:

— А ты какъ думалъ, Маркушка?

И, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:

— Не бойсь, слышишь, чертенокъ?

— Слышу, дяденька. Бондировка!

— То-то и есть!—нѣсколько остывая промолвилъ Бугай.—Здѣсь внизу что, пока намъ слава Богу... И выспались на новосельѣ... И чаю попили. Сюда еще не дохватываютъ... А напредки что будетъ... Выкуси-ка!

— Прогонимъ дьяволовъ—вотъ что будетъ.

— Не бреши, Маркушка. Не форси по своему разсудку. За форцъ знаешь ли что? Учатъ!.. И тебя слѣдовало бы съѣздить по уху... Не хвастай!.. *Онъ*, братецъ ты мой, свою линію шельма ведетъ...

— Какую, дяденька? — нетерпѣливо спросилъ Маркушка, увѣренный, что Бугай не съѣздитъ по уху, а только пугаетъ.

— Прежде проворонилъ штурму, не посмѣли ихъ начальники, когда Менщикъ пропадалъ, и мы одни пропали-бы... Понялъ, что обмишурился... Такъ теперь думаетъ обезкуражить насъ бондировкой, разорить наши бастіоны и на штурму... Но только еще погодить надо... Прежде вовсе разори да и перебей людей, тогда и бери Севастополь, ежели Менщикъ не войдетъ въ полный свой умъ... Сказывали: лукавъ. А гдѣ же твое лукавство скажи на милость?—спросилъ Бугай, словно бы обращаясь къ самому главнокомандующему.

И такъ какъ главнокомандующій не могъ отвѣтить старому отставному матросу, то онъ самъ же за него отвѣтилъ:

— Вы, молъ, братцы, пропадай на баксіонахъ съ Павломъ Степанычемъ *), а я не согласенъ пропадать. Сижу себѣ на Сѣверной, на хорошемъ харчѣ, пью вино шипучее за обѣдомъ по старости лѣтъ. А къ французу съ солдатиками не сунусь. А вы, севастопольцы, какъ „вгодно“... Отбивайтесь и помирайте!..

---

*) Нахимовъ.

— А отчего, дяденька, Менщикъ не сунется? — спросилъ опять Маркушка.

— Оттого, дьяволенокъ. Чего присталъ!? — сердито окрикнулъ Бугай и даже взглянулъ въ упоръ на мальчика строгими глазами, казавшимися совсѣмъ суровыми отъ нахмуренныхъ клочковатыхъ бровей,—точно именно Маркушка и виноватъ въ томъ, что Меншиковъ, по мнѣнію Бугая, не обнаруживаетъ никакого лукавства и не желаетъ „сунуться“ къ „французу“.

— Валимъ на яликъ... Не бойсь, какъ огрѣлъ его французъ подъ Алмой, такъ никакой смѣлости въ немъ нѣтъ. Вовсе обезкураженный... Видѣлъ вчера Менщика, когда садился въ катеръ?.. Будь замѣсто его покойный Корниловъ или Нахимовъ, совсѣмъ другой вышелъ бы военный оборотъ. Не бойсь, не оконфузили бы себя и солдатика... Валимъ на яликъ, Маркушка!

— Дозвольте, дяденька, прежде на баксіонъ сбѣгать... тятьку провѣдать... Еще живъ-ли?

— Я тебѣ дозволю... Не форси, говорятъ!.. На яликъ!— грозно крикнулъ Бугай и погрозилъ кулакомъ.

И ужь дорогой Бугай, видимо не сердитый, проговорилъ:

— Вечеромъ сходимъ... Отчего не провѣдать. А зря лѣзть на убой—одинъ форцъ. Живи, пока Богъ тебя терпитъ! Вырастешь, поймешь Бугая...

II.

Молодой, совсѣмъ блѣдный офицеръ въ солдатской шинели, поддерживаемый статскимъ господиномъ, сѣлъ въ яликъ. Солдатикъ-денщикъ уложилъ два чемоданчика, господскій мѣшокъ и—поменьше—свой и сѣлъ на носу ялика.

— На Сѣверную!—нетерпѣливо и взволнованно проговорилъ офицеръ, задыхаясь.

— Не волнуйся, Витя! Не говори громко. Тебѣ вредно, голубчикъ. Что говорилъ старшій врачъ?

И хоть статскій, совсѣмъ юноша, походившій на офицера и повидимому братъ, и старался казаться молодцомъ и подбадривалъ брата, но голосъ его былъ встревоженный и испуганный, и мягкіе лучистые глаза свѣтились грустью.

Ничего молодеческаго не было въ этомъ здоровомъ, дышавшемъ свѣжестью лицѣ и въ крѣпкой сильной фигурѣ.

Напротивъ, въ юношѣ было что-то мѣшковатое и необыкновенно милое, доброе и тоскливое.

Какъ только яликъ отвалилъ, офицеръ встрепенулся, какъ птица, выпущенная изъ клѣтки. Къ блѣдному, почти мертвенному лицу съ красивыми заострившимися чертами и ввалившимися глазами, большими и лихорадочно блестѣвшими, прилила кровь.

Не безъ усилія поднялъ онъ болѣзненно бѣлую и точно прозрачную исхудалую руку съ голубыми жилками и, глядя на Севастополь, крестился.

И, полный благодарнаго счастья, промолвилъ:

— О, скорѣй бы только домой... Дома поправлюсь. Ты увидалъ-бы, братъ... Неужели ты нарочно пріѣхалъ сюда, чтобы поступить въ юнкера?

— И тебя повидать... И въ юнкера.

— О, не оставайся, Шура... Не оставайся... Но я, офицеръ, долженъ былъ драться... И двѣ пули. Видишь, на что я похожъ...

— Поправишься, Витя... Не говори.

— Мнѣ лучше... Ничего... Не мѣшай... Не поступай въ юнкера. Умоляю! Ты не знаешь, что за ужасъ война. Это бойня... Смерть... смерть вездѣ... И ради чего убивать другъ друга?.. Довольно съ меня... Слава Богу, что подальше отсюда... И не вернусь сюда... О, нѣтъ... нѣтъ...

Окончится же война, и я въ отставку... Называй меня трусомъ, Шура... Но я дѣлалъ то, что и другіе... Стоялъ въ прикрытіи на четвертомъ бастіонѣ и смотрѣлъ какъ люди падали съ оторванными головами, безъ рукъ... безъ ногъ... Стонъ... крикъ... Я не прятался... Было жутко, но стыдно передъ солдатами, а то-бы убѣжалъ... А на ночной вылазкѣ... Я хуже звѣря, когда, бросившись въ непріятельскую траншею, убилъ француза... Вѣдь онъ просилъ не убивать. А я, какъ опьяненный кровью, еще пырнулъ штыкомъ въ человѣка, и кровь брызнула... „Бей, руби!“—кричалъ я... пока не упалъ, и подумалъ, что смерть... Вынесли солдаты—вотъ и этотъ Прошка мой денщикъ... Милый... славный! — говорилъ офицеръ, показывая головой на бѣлобрысаго солдатика.

А солдатикъ то поглядывалъ на воду, то прислушивался къ грохотанію бомбардировки. Но дымъ и бомбы были далеко, и онъ видимо былъ такъ-же счастливъ, какъ и офицеръ.

— Не волнуйся, Витя...

— Не оставайся, Шура... Или получить крестъ хочешь?.. О, милый... Когда съ вылазки меня перенесли на бастіонъ, и я открылъ глаза, многіе офицеры подходили и говорили, что я молодецъ... Полковой тоже... Обѣщалъ представить къ Аннѣ съ мечами... А я, какъ вспомнилъ вылазку и какъ убивалъ—мнѣ было ужасно стыдно... невыносимо стыдно... И я плакалъ... плакалъ,—и за себя и за людей... Я вѣдь не смѣлъ думать, что буду такимъ звѣремъ... И ты, милый, добрый Шура, станешь такимъ-же звѣремъ... Уѣдемъ вмѣстѣ... Подумай... Ты только вчера пріѣхалъ... Мы не наговорились даже... Какъ позволилъ тебѣ папенька, Шура?.. И бѣдная маменька...

Юноша и самъ начиналъ колебаться, а главное, онъ вспомнилъ предостереженіе врача о томъ, что братъ опасенъ. И раны, и злая лихорадка... То и дѣло можетъ умереть на дорогѣ...

— Ну хорошо, Витя. Я отвезу тебя домой...

— И останешься?..

— Поѣду, Витя... Потомъ... позже...

— Я уговорю тебя... Прежде раздумай... Будь на службѣ—иди, если призовутъ.. это понятно... Убьютъ или ранятъ... Чѣмъ мы лучше солдатъ... Вѣдь нашъ бригадный называетъ ихъ пушечнымъ мясомъ, какъ и Наполеонъ ихъ зоветъ... А вѣдь Наполеонъ—геніальный разбойникъ, вотъ и все... Я много читалъ о немъ... Онъ просто... одного себя любилъ... И знаешь что, Шура?

— Что?

— Будетъ же время, когда не будетъ войнъ... Навѣрное не будетъ!— возбужденно проговорилъ офицеръ.

Онъ утомился, примолкъ и сконфуженно улыбнулся, взглядывая на яличника словно бы виноватыми глазами и почти испуганный, что вызоветъ въ старомъ Бугаѣ осуждающій взглядъ.

Бугай и Маркушка, жадно слушавшіе офицера, были подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чего-то диковиннаго и въ то-же время обаятельнаго.

Этотъ офицеръ возбуждалъ и жалость и какое-то невольное восхищеніе, и признаніями и самообвиненіями и доселѣ неслыханными словами объ отвращеніи къ войнѣ, и просьбами брата не идти на войну, и самымъ его необыкновенно милымъ, открытымъ лицомъ, надъ которымъ, казалось, уже витала смерть, которой онъ не чувствовалъ, а напротивъ, ѣхалъ полный надежды и счастья.

И онъ, и все, что онъ говорилъ, дышало искренностью и правдой.

Это-то и почувствовалось старымъ и малымъ: Бугаемъ и Маркушкой.

Старикъ ни на мгновеніе не осудилъ мысленно молодого офицера. Напротивъ, внутренно просіялъ и словно бы умилился и смотрѣлъ на офицера проникновеннымъ взглядомъ. Въ немъ было и удивленіе и ласка, и жалость.

— А ты отставной матросъ? — спросилъ молодой офицеръ, успокоенный и обрадованный ласковымъ взглядомъ Бугая.

— Точно такъ, ваше благородіе...

Послѣ секунды возбужденно прибавилъ:

— А вы душевно обсказывали, ваше благородіе... Лестно слушать, ваше благородіе... Не по Божьи люди живутъ... То-то оно и есть...

Бугай навалился на весла.

— Вотъ видишь, Шурка,—радостно сказалъ офицеръ брату...

И прибавилъ, обращаясь къ Бугаю:

— Это ты отлично... Не по Божьи люди живутъ... Не хорошо! О, скоро люди будутъ жить лучше. Непремѣнно...

Черезъ четверть часа яликъ присталъ къ Сѣверной сторонѣ.

Офицеръ остался на яликѣ, а братъ его пошелъ на почту добывать лошадей.

Денщикъ-солдатикъ пересѣлъ къ офицеру.

— А ты, Маркушка, сбѣгай за свѣжей водой! Можетъ барину испить угодно!—сказалъ Бугай.

— Спасибо, голубчикъ... А мальчикъ славный!—промолвилъ офицеръ, когда Маркушка побѣжалъ.

— То-то, башковатый, ваше благородіе. Не бойсь, поймете, что вы на счетъ войны обсказывали. А то на баксіонъ просится... Отецъ матросъ у него на четвертомъ... Мать его недавно умерла... Такъ сирота со мной... Гоню его въ Симферополь... А то, того и гляди, убьютъ, а онъ... не согласенъ... Ну, да я его не пущу на убой, ваше благородіе.

— Еще бы...

Бугай нѣсколько времени молчалъ и, наконецъ, таинственно проговорилъ:

— Вотъ вы сказывали, что лучше будетъ жить людямъ... И прошелъ слухъ, будто и у насъ насчетъ про-

стого человѣка скоро войдутъ въ понятіе и пойдетъ новая линія... И бытто передъ самой войной было предсказаніе Императору Николаю Павловичу. Слышали, ваше благородіе?

— Нѣтъ. Разскажи, пожалуйста...

И Бугай началъ:

— Сказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ, ваше благородіе, что какъ только французъ пошелъ на Севастополь, отколѣ ни возьмись, вдругъ объявился во дворецъ старый, престарый и ровно лунь, въ родѣ бытто монаха. И никто его не видалъ: ни часовые, ни царскіе адъютанты, какъ монахъ прямо въ царскій кабинетъ Императора Николая Павловича. „Такъ молъ и такъ, Ваше Императорское Величество, дозвольте слово сказать!“ Дозволилъ. „Говори, молъ, свое слово!“ А монахъ лепортуетъ: „Хотя, — говоритъ,— Ваше Величество, матросики и солдатики присягу исполнятъ по совѣсти, и во всемъ своемъ повиновеніи пойдутъ, куда велитъ начальство, и будутъ умирать, но только, говоритъ, Севастополю не удержаться“. „По какой причинѣ?“ — спросилъ Императръ. „А по той самой причинѣ, Ваше Величество, что Господь очень сердитъ, что всѣ Его, Батюшку, забыли...

— А вѣдь это правда... Забыли! — перебилъ офицеръ.

— И вовсе забыли, ваше благородіе! — отвѣтилъ Бугай и продолжалъ:—„И для примѣра извольте припомнить мое слово: французъ и гличанинъ побѣдитъ. И тогда безпремѣнно объявите свое царское повелѣніе, чтобы солдатамъ и матросамъ была ослабка, и чтобы хрестьянамъ объявить волю, а не то, говоритъ, вовсе матушка Россія ослабнетъ, французъ и всякій будетъ имѣть надъ ней одолѣніе“.

— А Императоръ, ваше благородіе, все слушалъ, какъ монахъ дерзничалъ, да вдругъ крикнулъ, чтобы монаха допросили, кто онъ такой есть... Прибѣжали генералы, а монаха и слѣдъ простылъ... Нѣтъ его... Точно „скрозь“ землю провалился...

— Тебѣ разсказывали, голубчикъ, вздоръ... Какъ могъ явиться и пропасть монахъ? Это сказка... Сказка, которой повѣрили тѣ, которые ждутъ и хотятъ, чтобы сказка была правдой. Но она будетъ, будетъ послѣ войны!... Вѣрь, Бугай!...

Бугай перекрестился.

Въ эту минуту прибѣжалъ Маркушка и принесъ воду.

Офицеръ съ жадностью выпилъ воду, поблагодарилъ Маркушку и, раздумчиво взглядывая на него, вдругъ сказалъ:

— Маркушка! Поѣзжай со мной въ деревню!

— Зачѣмъ?—изумленно спросилъ мальчикъ.

— Будешъ жить у меня... Я буду учить тебя, потомъ отдамъ въ училище... Тебѣ будетъ хорошо. Поѣдемъ!

— Что-жъ, Маркушка... Поблагодари добраго барина и поѣзжай... Тебѣ новый оборотъ жизни будетъ... А то что здѣсь околачиваться!—говорилъ Бугай.

— Еще ни за что убьютъ!—вставилъ солдатикъ.

— Спасибо вамъ, добрый баринъ. И дай вамъ Богъ и здоровья, и всего, всего, что пожелаете! — горячо сказалъ Маркушка.—Но только я останусь въ Севастополѣ!—рѣшительно и не безъ горделивости прибавилъ Маркушка.

— И дуракъ!—сказалъ Бугай и самъ, втайнѣ довольный, любовно взглядывалъ на своего мальчика-пріятеля.

— Пусть и дуракъ, а не поѣду. Никуда не поѣду. Что-жъ я такъ брошу и тятьку, и васъ, дяденька!... А вы еще гоните!—обиженно вымолвилъ мальчикъ.

Никакія убѣжденія офицера не подѣйствовали.

Пріѣхала, наконецъ, почтовая телѣга, запряженная тощей тройкой.

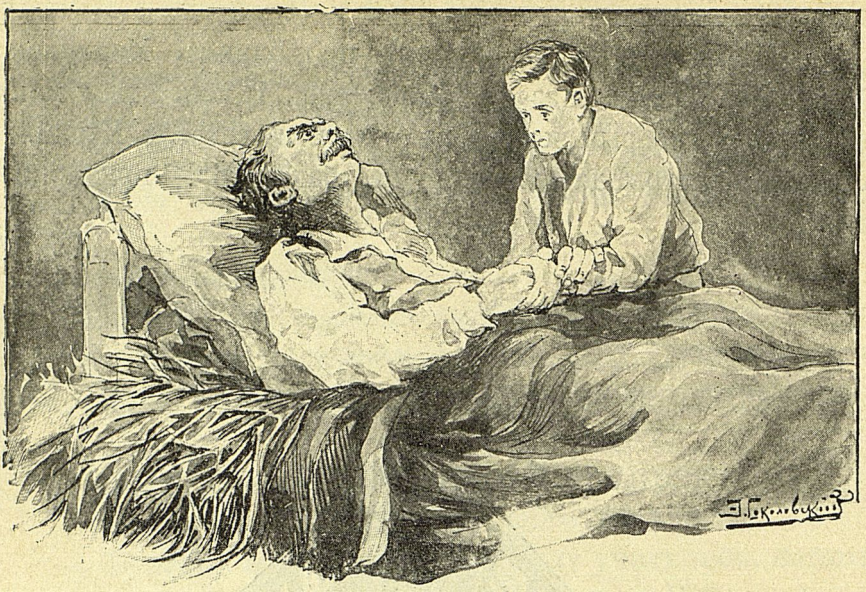
Молодой офицеръ и братъ-юноша простились съ Бугаемъ и Маркушкой, оставили ему адресъ, чтобъ онъ пріѣхалъ, если раздумаетъ, и скоро телѣга поплелась.

Бугай перекрестился и промолвилъ:

— Живи, голубчикъ! Спаси его Господь!

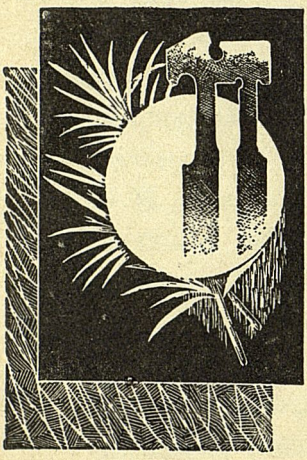
— Богъ дастъ выживетъ!—промолвилъ Маркушка.

— Ну, валимъ назадъ, Маркушка... И какой ты у меня правильный, добрый чертенокъ!—ласково сказалъ Бугай.—А вечеромъ провѣдаемъ тятьку на „баксіонѣ“!—прибавилъ онъ.



ГЛАВА VIII.

I.

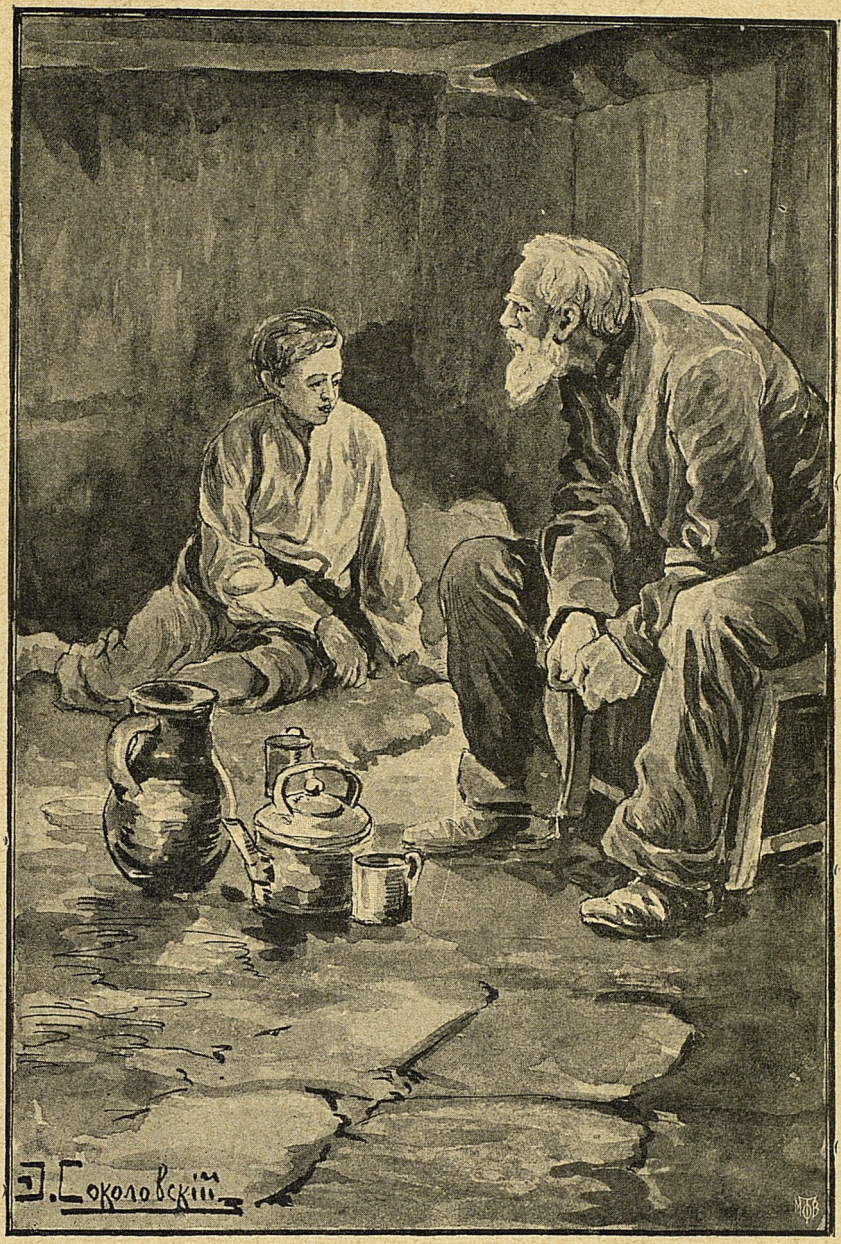


ОСЛѢ жаркаго осенняго дня—такіе дни въ Крыму не рѣдкость—почти безъ сумерокъ, наступилъ вечеръ.

Онъ былъ ласково-тихъ и дышалъ нѣжной прохладой.

Плавно, медленно и торжественно поднимался по небосклону полный мѣсяцъ, Красивый, холодный и безстрастный ко всему, что творится на землѣ, онъ обливалъ ее своимъ таинственнымъ, серебристымъ, мягкимъ свѣтомъ, полнымъ чаръ.

И недвижные въ мертвомъ штилѣ рейды и бухты, и бѣлые дома и домишки Севастополя, и притихшіе бастіоны и батареи, и окрестныя возвышенности, словомъ все это казалось на лунномъ свѣтѣ какой-то волшебной декораціей.



Бугай началъ разсказывать... (стр. 153).

А звѣзды и звѣздочки, сверкающія словно-бы брилліанты, засыпавшіе бархатистое темное небо, трепетно и ласково мигали сверху.

— О, Господи!—невольно вырывался изъ груди не то восторгъ, не то вздохъ.

И люди еще сильнѣе чувствовали прелесть этого вечера.

Вѣдь онъ могъ быть каждому и послѣднимъ!

Но пока вечеръ свой. Стрѣльба прекратилась съ обѣихъ сторонъ. Люди устали убивать другъ друга и хотѣли отдыха.

Словно бы утомилась и насытилась за день и сама смерть.

Она притаилась и не показывалась на людяхъ даже рѣдкими свѣтящимися точками бомбъ, съ тихимъ свистомъ взлетающихъ на воздухъ, чтобы шлепнуться среди людей и разорваться.

Смерть сводила теперь послѣдніе счеты не публично.

Она витала въ переполненныхъ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ, гдѣ тяжело раненые и тяжело больные, уже обреченные, должны были разстаться съ жизнью въ этотъ чудный вечеръ.

И немногія сестры милосердія, эти самоотверженныя подвижницы любви къ ближнему, въ первый разъ появившіяся въ русскихъ госпиталяхъ, едва успѣвали, чтобъ обезпечить послѣднія минуты умирающихъ, выслушать послѣднія просьбы о поклонахъ далекимъ близкимъ и трогательную благодарность за ласковый уходъ доброй сестры.

Это были первыя ласточки милосердія.

И какъ же полюбили солдаты и матросы этихъ сестеръ, бывшихъ для страждущихъ въ полномъ смыслѣ пѣстуньями. Онѣ и давали лѣкарство, перевязывали раны, говорили ободряющія слова, читали книги, писали письма,

духовныя завѣщанія и умиляли не привыкшаго къ ласкѣ солдата терпѣніемъ и кротостью.

— Хоть потолкайся, матушка, около меня, такъ мнѣ ужь будетъ легче!—говорилъ одинъ тяжело раненый солдатъ.

Вотъ что писалъ въ своемъ „Историческомъ обзорѣ дѣйствій Крестовоздвиженской Общины сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ“ знаменитый хирургъ Пироговъ, благодаря энергіи котораго положеніе раненыхъ значительно улучшилось со времени его пріѣзда въ Севастополь.

„Для всѣхъ очевидцевъ памятно будетъ, — пишетъ нашъ знаменитый хирургъ,—время, проведенное съ 28-го марта по іюнь мѣсяцъ 1855 года, въ морскомъ собраніи. Во все это время, около входа въ собраніе, на улицѣ, гдѣ такъ не рѣдко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдатъ подъ командою дѣятельнаго и распорядительнаго подпоручика Яни; койки и окровавленныя носилки были въ готовности принять раненыхъ; въ теченіе 9-ти дней мартовской бомбардировки, безпрестанно тянулись къ этому входу ряды носильщиковъ; вопли носимыхъ смѣшивались съ трескомъ бомбъ; кровавый слѣдъ указывалъ дорогу къ парадному входу собранія. Эти 9-ть дней огромная танцовальная зала безпрестанно наполнялась и опоражнивалась; приносимые раненые складывались, вмѣстѣ съ носилками, цѣлыми рядами, на паркетномъ полу, пропитанномъ на цѣлые полвершка запекшейся кровью; стоны и крики страдальцевъ, послѣдніе вздохи умирающихъ, приказанія распоряжающихся—громко раздавались въ залѣ. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, безпрестанно двигавшіяся между рядами раненыхъ, лежавшихъ съ оторванными и раздробленными членами, блѣдныхъ какъ полотно отъ потери крови и отъ сотрясеній, производимыхъ громадными снарядами; между солдат-

скими шинелями мелькали вездѣ бѣлые капюшоны сестеръ, разносившихъ вино и чай, помогавшихъ при перевязкѣ и отбиравшихъ на сохраненіе деньги и вещи страдальцевъ. Двери зала ежеминутно отворялись: вносили и выносили по командѣ: „на столъ“, „на койку“, „въ домъ Гущина“ *), „въ Инженерный“, „въ Николаевскую“. Въ боковой, довольно обширной комнатѣ (операціонной), на трехъ столахъ, кровь лилась при производствѣ операцій; отнятые члены лежали грудами, сваленные въ ушатъ; матросъ Пашкевичъ—живой турникетъ морского собранія (отличавшійся искусствомъ прижимать артеріи при ампутаціяхъ) едва успѣвалъ слѣдовать призыву врачей, переходя отъ одного стола къ другому; съ неподвижнымъ лицомъ, молча, онъ исполнялъ въ точности данныя ему приказанія, зная, что неутомимой рукѣ его поручалась жизнь собратовъ. Бакунина постоянно присутствовала въ этой комнатѣ, съ пучкомъ лигатуръ въ рукѣ, готовая слѣдовать на призывъ врачей. За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители готовились переносить ихъ на столы для операцій; возлѣ порожнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ. Воздухъ комнаты, несмотря на безпрестанное провѣтриваніе, былъ наполненъ испареніями крови, хлороформа; часто примѣшивался и запахъ сѣры—это значило, что есть раненые, которымъ врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшеръ Никитинъ накладывалъ имъ гипсовыя повязки.

„Ночью, при свѣтѣ стеарина, тѣ же самыя кровавыя сцены, и нерѣдко еще въ большихъ размѣрахъ, представлялись въ залѣ морского собранія. Въ это тяжкое время, безъ неутомимости врачей, безъ ревностнаго содѣйствія сестеръ, безъ распорядительности начальниковъ транспортныхъ командъ: Яни (опредѣленнаго къ перевязоч-

*) Сюда сносились всѣ безнадежные и тяжело раненые.

ному пункту начальникомъ штаба гарнизона княземъ Васильчиковымъ) и Коперницкаго (опредѣленнаго сюда незабвеннымъ Нахимовымъ), не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшимъ за отечество. Чтобы имѣть понятіе о всѣхъ трудностяхъ этого положенія, нужно себѣ живо представить темную южную ночь, ряды носильщиковъ при тускломъ свѣтѣ фонарей, направленныхъ ко входу въ собранія и едва прокладывавшихъ себѣ путь сквозь толпы раненыхъ пѣшеходовъ, сомкнувшихся въ дверяхъ его. Всѣ стремятся за помощью и на помощь, каждый хочетъ скораго пособія; раненый громко требуетъ перевязки или операціи; умирающій—послѣдняго отдыха; всѣ—облегченія страданій".

II.

Въ первый періодъ осады, Севастополь еще не представлялъ собою груды развалинъ.

Непріятельскія укрѣпленія еще не приблизились къ нашимъ, и снаряды не долетали, какъ позже, во всѣ концы города, и дома, въ дальнихъ отъ оборонительной линіи улицахъ, были обитаемы.

Во многихъ частныхъ домахъ были помѣщены раненые. Большой казенный домъ командира порта, съ огромнымъ садомъ, былъ цѣлъ. Еще красовался Петропавловскій соборъ, построенный въ древне-греческомъ стилѣ, съ красивой колоннадой, хотя нѣсколько колоннъ уже были разбиты бомбами. Въ казенныхъ и частныхъ домахъ квартировали адмиралы, генералы, штабные офицеры гарнизона и оставшіяся семьи офицеровъ моряковъ. Раненые офицеры-моряки оставались дома, чтобъ пользоваться уходомъ немногихъ женъ или матерей, не покидавшихъ Севастополя и послѣ жестокихъ бомбардированій.

Не уѣзжала конечно изъ города и большая часть матросокъ, торговокъ и обитательницъ слободокъ. Онѣ только выбрались изъ нихъ подальше отъ снарядовъ и устраивались на новыхъ квартирахъ, но многія и оставались въ своихъ домишкахъ, скрываясь въ погребахъ днемъ и не теряя надежды, что не лишатся своего достоянія.

„Прогонятъ же наконецъ француза! Получитъ Меншикъ подкрѣпленія, пойдетъ на непріятеля и городъ останется цѣлъ!„

Оставались въ городѣ и нѣкоторые лавочники, и торговцы, и многій бѣдный людъ, привыкшій къ насиженному мѣсту. Появились съ разныхъ концовъ и люди, хотѣвшіе воспользоваться случаемъ скоро нажиться.

И, вдали отъ бастіоновъ, Севастополь былъ полонъ той обычной мирной жизни, которая по временамъ напоминала прежній оживленный городъ черноморскихъ моряковъ.

Рынокъ, по прежнему, былъ оживленъ. Онъ служилъ центромъ всѣхъ новостей, слуховъ, судаченія, перебранокъ торговокъ, умѣвшихъ ругаться не хуже боцмановъ, и критическихъ замѣчаній отставныхъ старыхъ матросовъ, не стѣснявшихся и бранить и высмѣивать Меншикова.

На большой Екатерининской улицѣ по прежнему многіе магазины и лавки не закрывались, и нерѣдко днемъ, подъ грохотъ орудій, женщины заходили въ лавки. Приказчики такъ-же клялись, и дамы такъ-же торговались, какъ и прежде, покупая ленточки, прошивки или новую шляпку, чтобъ, вечеромъ, послѣ бомбардировки, показаться въ люди, на Графскую пристань или на бульваръ Казарскаго наряднѣе и авантажнѣе.

Даже на бастіонахъ, гдѣ ядра и бомбы чуть-ли не ежеминутно приносили увѣчья и смерть, появлялись и бойкіе ярославцы, умѣвшіе „заговаривать зубы“ своими

веселыми и остроумными присказками, и офени-владимірцы, и хохлы, и греки, и евреи—всѣ эти „маркитанты“ съ жестянками разныхъ закусокъ, ящиками сигаръ, табакомъ, спичками, бутылками винъ и даже сластями, раскупаемыми, не торгуясь, офицерами. Появлялись и торговки съ рынка съ булками, бубликами, колбасой и квасомъ для продажи солдатамъ и матросамъ. Похаживалъ и сбитенщикъ, выкрикивая въ блиндажахъ о горячемъ сбитнѣ. Заходилъ и старый татаринъ Ахметка съ корзинами, полными винограда. Забѣгали и прачки, стиравшія на господъ на бастіонахъ.

Всѣ они рисковали жизнью ради хорошей наживы и надежды на Бога и на „авось“.

Но многія неустрашимыя матроски, приносившія на бастіоны своимъ матросамъ кое-что съѣстное, булку, выстиранную рубаху и доброе ласковое слово, рисковали жизнью только ради любви.

И напрасно матросы приказывали матроскамъ не ходить и казались сердитыми, въ тайнѣ необыкновенно счастливые этими посѣщеніями,—быть можетъ, въ послѣдній разъ

Эти счастливцы особенно наказывали этимъ „глупымъ“ съ „опаской“ возвращаться, подъ пулями, въ городъ.

Забѣгали и дѣти-подростки.

Матросы грозили „форменно проучить“ ихъ, если еще осмѣлятся придти сюда.

А сами, тронутые своими неустрашимими дѣтьми, горячо цѣловали ихъ, словно бы прощаясь навсегда, и удерживали тоскливыя слезы, стараясь не показать ихъ своему мальчику, товарищамъ и начальству.

„И у другихъ останутся сироты, и сколько ужь осталось!“—невольно думали защитники на бастіонахъ.

Не даромъ же матросы говорили въ послѣднее время осады:

— Хоть по три матроса на пушку останется, еще можно драться, а какъ и по три не останется, ну, тогда шабашъ.

А одинъ солдатъ на вопросъ главнокомандующаго князя Горчакова, обращенный къ солдатамъ на второмъ разрушенномъ бастіонѣ:—„много-ли васъ здѣсь на бастіонѣ?“—отвѣтилъ:

— Дня на три хватитъ, ваше сіятельство!

И Нахимовъ, не задолго до своей смертельной раны, однажды сказалъ начальнику бастіона, доложившему своему адмиралу, что англичане заложили батарею, которая будетъ поражать его бастіонъ въ тылъ:

— Что-жъ такое? Не безпокойтесь... Всѣ мы здѣсь останемся!

III.

Въ этотъ прелестный октябрьскій вечеръ рестораны двухъ лучшихъ гостиницъ Севастополя были полны офицерами. Моряки, пришедшіе съ бастіоновъ, шутя говорили, что отпущены со своихъ кораблей „на берегъ“ и „на берегу“ можно поѣсть и посидѣть по-человѣчески. Что на своихъ „корабляхъ“ опасно—не говорили, но за то разсказывалось много о томъ, на какомъ бастіонѣ лучше блиндажи и лучше кормятъ, гдѣ удачно стрѣляли и подбили пушки на непріятельскихъ укрѣпленіяхъ, кто проигрался въ карты, кто выигралъ прошлую ночь. Ѣли, пили, шутили. Передавались слухи о томъ, что Меншиковъ рѣшился послать большой отрядъ на рекогносцировку. Генералъ Липранди нѣсколько разъ ѣздилъ къ главнокомандующему со своимъ планомъ и на-дняхъ будетъ дѣло. Конечно, подсмѣивались надъ старымъ княземъ, который не показывается съ Сѣверной, и войска не знаютъ его въ лицо. Анекдотовъ ходило въ то время много

и про князя Меншикова, и про генераловъ, и молодежь смѣялась.

Артиллеристы и пѣхотные офицеры, пріѣхавшіе съ позицій, сидѣли отдѣльными кучками и съ невольнымъ уваженіемъ посматривали на тѣхъ, которые приходили съ бастіоновъ. Особенно съ 3 и 4-го, на которыхъ было очень жутко.

И молодой пѣхотинецъ, пришедшій съ оборонительной линіи, гдѣ стоялъ полкъ для прикрытія, не безъ гордости сказалъ, что во время бомбардировки много перебило и въ полку...

— Не сообразителенъ полковой командиръ... Оттого и били солдатъ. Не догадался отвести людей подальше и скрыться въ ложбинкѣ... А говорилъ ему командиръ бастіона!..—рѣзко замѣтилъ пожилой штабъ-офицеръ морякъ, съ перевязанной головой, сидѣвшій за бутылкой портера вблизи пѣхотинцевъ, среди которыхъ ораторствовалъ молодой прапорщикъ.

— Позвольте объяснить, что полковому было приказано, гдѣ стоять... И онъ не смѣлъ не исполнить приказанія!—обиженно замѣтилъ прапорщикъ.

— То-то и дуракъ! Такого полкового Павелъ Степанычъ Нахимовъ давно бы турнулъ... А вы, молодой человѣкъ, не пѣтушитесь... Лучше выпейте со мной портерку... Прошу, господа,—обратился штабъ-офицеръ къ кучкѣ офицеровъ и крикнулъ: — Карла Иванычъ, спроворьте дюжину портерку! За это англичанъ хвалю... Выдумали отличный напитокъ.

Къ штабъ-офицеру подошло и нѣсколько мичмановъ.

— Позвольте и намъ присоединиться, Иванъ Иванычъ.

— А то какъ-же? Карла Иванычъ! Еще дюжину.

— А вы вѣрно ранены?—спрашивалъ юнецъ-артиллеристъ, только-что пріѣхавшій въ Севастополь.

— Пустяки... Перевязалъ фершалъ...

— И вы на бастіонѣ?

— А гдѣ-жъ? Я служу на четвертомъ!

— Счастливый!—восторженно проговорилъ юнецъ.

Штабъ-офицеръ усмѣхнулся.

— Счастья мало, молодой человѣкъ, быть убитымъ или искалѣченнымъ... Не завидуйте такому счастью и не напрашивайтесь на него...

Ресторанъ гостиницы нѣмца Шнейдера былъ биткомъ набитъ. Одни уходили, другіе приходили.

На бульварѣ Казарскаго *) играла музыка. Теперь севастопольцы выходили по вечерамъ гулять на этотъ маленькій бульваръ, прежде обыкновенно не посѣщаемый публикой.

До войны „весь Севастополь“ выходилъ вечеромъ гулять въ большой, густой садъ, на бульваръ „Грибокъ“, гдѣ ежедневно играла музыка. Теперь на „Грибкѣ“ стояла батарея, садъ былъ вырубленъ. Подъ обрывомъ „Грибка“ чернѣлъ четвертый бастіонъ.

Маленькій бульваръ Казарскаго былъ полонъ.

На главной аллеѣ ходили взадъ и впередъ принарядившіяся немногія севастопольскія дамы, большей частью жены и родственницы моряковъ, и двѣ-три дамы, оставшіяся, чтобъ ходить за ранеными. Всѣ онѣ вышли подышать воздухомъ и взглянуть на людей въ мирномъ настроеніи и гуляли по большой аллеѣ въ обществѣ мужей и знакомыхъ, отпущенныхъ съ бастіоновъ, пока непріятель замолкъ на ночь.

Болтали, шутили, смѣялись. Разговаривали обо всемъ, кромѣ того, что ежедневно было на глазахъ и о чемъ какъ-то невольно избѣгали говорить,—о смерти.

Штабные адъютанты, и особенно пріѣхавшіе изъ Пе-

*) Такъ называется небольшой бульваръ, на которомъ стоитъ памятникъ Казарскому, моряку, отбившемуся въ войну 1829 г. на своемъ бригѣ отъ трехъ турецкихъ кораблей.

тербурга блестящіе молодые люди, франтовато одѣтые, точно въ Петербургѣ, они держались своего кружка, словно бы чуждаясь плохо одѣтыхъ армейцевъ и громко говорившихъ моряковъ, не особенно заботящихся о свѣжести своихъ костюмовъ и свѣжести „лиселей“—воротничковъ, которые черноморскіе моряки всегда носили, несмотря на правила формы, запрещающія показывать воротнички.

Пріѣзжіе, казалось, интересовались болѣе всего петербургскими дѣлами, служебными и свѣтскими сплетнями и воспоминаніями и если говорили о войнѣ, то по большей части повторяли мнѣнія своихъ генераловъ и, разумѣется, снисходительно-ядовито бранили главнокомандующаго, князя Меншикова, который далеко не особенно любезно принималъ пріѣзжихъ изъ Петербурга съ рекомендательными письмами тетушекъ или вліятельныхъ генераловъ. Онъ не удерживалъ пріѣзжихъ въ своемъ штабѣ, не предлагалъ никакихъ занятій, совѣтовалъ возвращаться въ Петербургъ, не давая случая отличиться и получить крестъ, или посылалъ въ адъютанты къ своимъ генераламъ.

Особенно не долюбливалъ Меншиковъ флигель-адъютантовъ, подозрительно думая, что они пріѣзжали, чтобъ быть соглядатаями и распространять еще большія сплетни въ Петербургѣ. И съ саркастической усмѣшкой стараго Мефистофеля, онъ любезно предлагалъ имъ посмотрѣть, какъ дѣйствуютъ бастіоны.

— Нахимовъ возьметъ васъ съ собой... Онъ любезный адмиралъ и каждый день во время бомбардированій объѣзжаетъ всѣ бастіоны. Осмотрите все и доложите государю, что видѣли! Впрочемъ, я попросилъ-бы васъ отвезти письмо къ Его Величеству, очень важное и спѣшное. Завтра оно будетъ готово. А сегодня отдохните. Дороги вѣдь отчаянныя. Вѣрно устали, полковникъ!—говорилъ старый князь и иногда приглашалъ къ себѣ обѣдать, „чѣмъ Богъ послалъ“—прибавлялъ главнокоман-

дующій, скупость котораго и болѣе чѣмъ скромные обѣды были давно всѣмъ извѣстны, какъ и обычныя его замѣчанія за обѣдами о вредѣ объяденія и особенно опьяненія. Не даромъ же на столъ ставились только двѣ бутылки дешеваго вина.

— Какъ угодно, ваша свѣтлость!—съ почтительной афектаціей отвѣчалъ одинъ пріѣзжій, скрывая далеко не пріятныя чувства къ этому холодному и злому старику, который даже не спросилъ о томъ, что думаютъ о Севастополѣ въ Петербургѣ, и ехидно предложилъ человѣку съ блестящей карьерой немедленно быть раненымъ или убитымъ. Не для того же онъ пріѣхалъ!

„Не всѣ такіе счастливцы, какъ Нахимовъ!“—подумалъ пріѣзжій, которому эти ежедневные объѣзды бастіоновъ показались въ эту минуту даже ни къ чему ненужной бравадой чудака-адмирала. И, наконецъ, можно разспросить у него о томъ, что дѣлается на бастіонахъ, и потомъ разсказать въ Петербургѣ объ ужасахъ войны и о неспособности выжившаго изъ ума главнокомандующаго, такъ встрѣтившаго полковника, посланнаго военнымъ министромъ съ секретными письмами къ князю Меншикову.

Отвѣтъ пріѣзжаго, видимо, понравился старику, и онъ гораздо любезнѣе промолвилъ:

— Большое спасибо... Отдохни и къ шести обѣдать... Поговоримъ... А теперь видишь...

И старикъ указалъ на письменный столъ, заваленный бумагами, и съ горькой усмѣшкой прибавилъ:

— Все это надо прочесть и подписать... И сейчасъ пріѣдутъ съ докладами... До свиданія, любезный полковникъ!

IV.

ТЕПЕРЬ этотъ полковникъ, побывавшій у Нахимова, пообѣдавшій у князя Меншикова и день отдыхавшій, подъ ревъ и грохотъ бомбардировки, на квартирѣ, вблизи Графской пристани, своего прежняго товарища по полку, капитана генеральнаго штаба,—послѣ объѣзда притихшихъ бастіоновъ,—былъ на бульварѣ.

Красивый, изящный и элегантный молодой блондинъ, недовольный, нѣсколько свысока глядѣлъ на севастопольскихъ защитниковъ. Онъ былъ разочарованъ ими—до того они мало говорили о войнѣ, такъ мало, по его мнѣнію, понимали общую идею ея, не знали высшей политики Петербурга и были, особенно моряки, хоть и гостепріимны, но слишкомъ фамиліарны съ гостемъ, точно онъ не флигель-адъютантъ, а заурядный товарищъ, и не интересовались: зачѣмъ онъ пріѣхалъ и зачѣмъ ѣздитъ по бастіонамъ. И кто-то даже простодушно-грубовато замѣтилъ, что теперь нѣтъ ничего интереснаго.

— Днемъ куда интереснѣе!—прибавилъ какой-то мичманъ.

Брезгливо удивлялся полковникъ и грязи въ блиндажахъ, и равнодушію къ платью и бѣлью, и отсутствію дисциплины моряковъ, разговаривающихъ со своими начальниками точно съ товарищами. Даже къ Нахимову, какъ передавали моряки, въ это утро одинъ матросъ обратился съ фамиліарнымъ вопросомъ:

— Все ли здорово, Павелъ Степанычъ?

И Нахимовъ добродушно отвѣтилъ:

— Здорово, Грядко, какъ видишь!

Удивлялся полковникъ, что матросы не вставали и не снимали шапокъ передъ начальствомъ. Таково было приказаніе Нахимова.

И полковникъ, расхаживая подъ руку съ капитаномъ генеральнаго штаба по аллеѣ и горделиво осаниваясь,

подъ любопытными взглядами дамъ, продолжалъ передавать пріятелю свои севастопольскія впечатлѣнія.

— Я разсчитывалъ послужить отечеству — дѣлать здѣсь дѣло. Думалъ, что главнокомандующій воспользуется мною... оставитъ при себѣ, а онъ... гонитъ въ Петербургъ... Завтра-же я долженъ ѣхать съ какими-то особенно важными письмами... Накормилъ меня отвратительнымъ обѣдомъ, угостилъ рюмкой кислятины и послѣ обѣда пять минутъ поговорилъ со мной о томъ, что онъ похварываетъ и что у него нѣтъ способныхъ людей... Вотъ и все напутствіе. Передайте, говоритъ, въ Петербургѣ все, что видѣли. Отдохните и утромъ... съ Богомъ... Хорошъ то-же и вашъ прославленный Нахимовъ... Я думалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательный человѣкъ, и счелъ долгомъ представиться ему въ полной парадной формѣ... какъ слѣдовало... А онъ, какъ-бы ты думалъ, встрѣтилъ меня?..

— Развѣ не любезно?..

— Очень даже просто и оригинально... Пожалъ руку, просилъ садиться и удивлялся, что я въ такомъ парадѣ. „Мы не въ Петербургѣ-съ. На долго ли въ Севастополь?...“ Я доложилъ, что главнокомандующій посылаетъ меня завтра-же обратно съ важными бумагами и что счелъ долгомъ представиться такому знаменитому адмиралу. Онъ только крякнулъ, сконфузился и молчалъ... И наконецъ сказалъ: — „Хорошій сегодня день, а какъ погода въ Петербургѣ?“ — Скверная, ваше превосходительство. — А онъ: „Извините, молодой человѣкъ, меня зовутъ Павломъ Степанычемъ“! Опять молчитъ. Я спросилъ, что думаютъ въ Севастополѣ о своемъ положеніи? Полагалъ, что объяснитъ мнѣ. Есть же у него соображенія?.. И вмѣсто того обрѣзалъ: „У насъ не думаютъ-съ, а отстаиваютъ Севастополь-съ! Сегодня у англичанъ два орудія подбили-съ съ третьяго бастіона, а съ четвертаго-съ взорвали пороховой погребъ-съ.“ Черезъ минуту вошелъ въ кабинетъ адъютантъ

Нахимова. „Идите, говоритъ, Павелъ Степанычъ, обѣдать, а потомъ отдохните и вѣрно опять поѣдете на бастіоны". „А какъ-же-съ!" И, вставая, адмиралъ привѣтливо сказалъ мнѣ: „Пообѣдайте съ нами. Мундиръ свой разстегните"... Былъ второй часъ, я только позавтракалъ, поблагодарилъ, прибавилъ, что очень счастливъ познакомиться съ такимъ героемъ, и сталъ откланиваться. Онъ даже вспыхнулъ и, пожимая руку, сказалъ: „Всѣ здѣсь исполняютъ свое дѣло-съ... Какое тутъ геройство-съ... И какое тутъ счастье видѣть меня-съ... Вотъ убитый Владиміръ Алексѣичъ Корниловъ былъ герой-съ... Онъ организовалъ защиту-съ... Благодаря ему, мы вотъ-съ еще защищаемъ Севастополь... Счастливаго пути-съ! Мирошка! Подай барину шинель!"— крикнулъ адмиралъ...

Полковникъ примолкъ на минуту и проговорилъ:

— Знаешь, какого я мнѣнія о Нахимовѣ?

— Какого?

— Храбрый адмиралъ, но корчитъ оригинала и не очень то далекій человѣкъ... Репутація его раздута...

Но капитанъ генеральнаго штаба не раздѣлялъ мнѣнія флигель-адъютанта и горячо возразилъ:

— Нахимовъ застѣнчивъ и скроменъ... Но онъ истинно герой и необыкновенно добрый человѣкъ... Онъ никого не корчитъ... и всегда простъ... Если-бъ ты зналъ, какъ любятъ его матросы...

— И какъ уважаютъ его всѣ офицеры!—неожиданно прибавилъ взволнованнымъ голосомъ какой-то морякъ— лейтенантъ, обратившись къ капитану.

И прибавилъ, протягивая руку:

— Позвольте, капитанъ, горячо пожать вашу руку... На бастіонахъ не раздуваются репутаціи... Это не въ Петербургѣ и не на парадахъ!—значительно подчеркнулъ лейтенантъ и, пожавши руку капитана и не обращая ни малѣйшаго вниманія на пріѣзжаго, отошелъ къ своему товарищу.

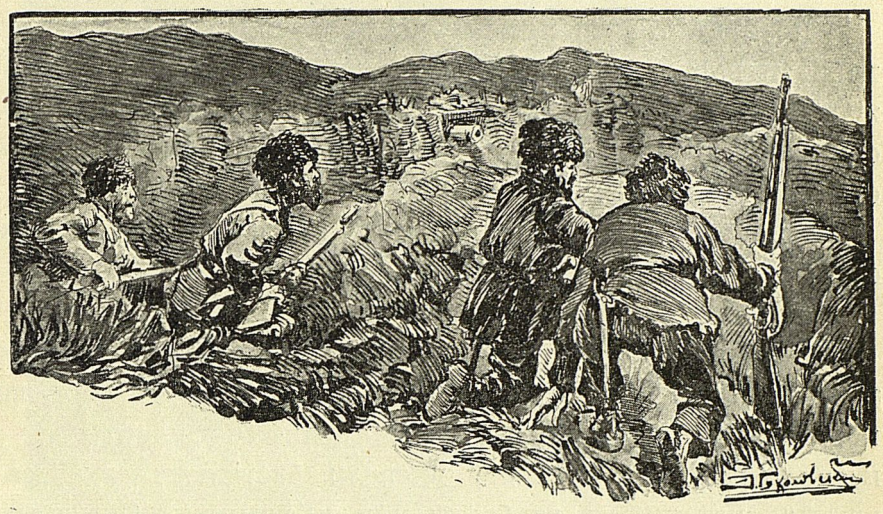
Полковникъ поблѣднѣлъ.

Онъ только презрительно скосилъ глаза на лейтенанта и, брезгливо пожимая плечами, благоразумно тихо промолвилъ:

— Какъ распущены моряки! Вѣрно пьяницы!

— Ты ошибаешься... Некогда имъ пить!—возразилъ капитанъ.

А лейтенантъ негодующе и громко проговорилъ, обращаясь къ нѣсколькимъ морякамъ:



И, нерѣдко словно кошки, пластуны подползали къ «секретамъ»...

— Ну, господа, хорошъ „фруктъ!“

Черезъ пять минутъ на бульварѣ уже прозвали пріѣзжаго полковника: „петербургской цацой“.

И онъ ушелъ съ бульвара обозленный и негодующій.

— Не вызвать же этого наглеца на дуэль!—сказалъ онъ.

Въ боковыхъ аллеяхъ было люднѣе. Тамъ публика была попроще. Матроски, мѣщанки, торговки и горничныя, принаряженныя, въ яркихъ платочкахъ на головахъ, щелкали сѣмячками и „стрекотали“ между собой и съ

знакомыми франтоватыми писарями, мелкими торговцами и приказчиками. Отставные матросы и подростки окружали музыкантовъ, когда они играли, и похваливали и музыкантовъ и Павла Степановича, благодаря которому каждый вечеръ играла музыка.

— Обо всемъ подумаетъ нашъ Павелъ Степанычъ!— говорили старики.

Въ боковыхъ, болѣе густыхъ аллеяхъ бульвара было оживленнѣе, чѣмъ на большой аллеѣ. Было болѣе шутокъ, смѣха и болтовни во время антрактовъ.

Но какъ только музыка начиналась, разговоры стихали, и всѣ слушали... Всѣ, казалось, еще болѣе наслаждались чуднымъ вечеромъ. И лица, залитыя серебристымъ свѣтомъ мѣсяца, казалось, были вдумчивѣе и восторженнѣе подъ вліяніемъ музыки.

Въ десять часовъ, когда музыканты ушли, бульваръ опустѣлъ. Скоро городъ затихъ.

Затихла и оборонительная линія.

На бастіонахъ и батареяхъ крѣпко спали уставшіе за день люди. Бодрствовали только „вахтенные“, какъ по морскому звали часовыхъ, да знаменитые „пластуны“— кубанцы-казаки, залегшіе впереди бастіоновъ въ „секретѣ“, гдѣ-нибудь въ балкѣ или за камнемъ. Они зорко смотрѣли и чутко слушали, что дѣлается въ непріятельскихъ траншеяхъ и „секретахъ“, совсѣмъ близкихъ отъ притаившихся и, казалось, невидимыхъ пластуновъ... Ни звука, ни шороха съ ихъ стороны. Казалось, они не дышали, эти ловкіе развѣдчики, одѣтые въ какое-то оборванное тряпье съ мягкими бродняками на ногахъ, съ кинжаломъ за поясомъ и винтовкой, обернутой чѣмъ-то, чтобъ она не блеснула на лунѣ или не звякнула.

И, нерѣдко словно кошки, пластуны подползали къ „секретамъ“ вплотную и схватывали врасплохъ французовъ или англичанъ, завязывали имъ рты и тащили съ тою-же предосторожностью на наши бастіоны и доклады-

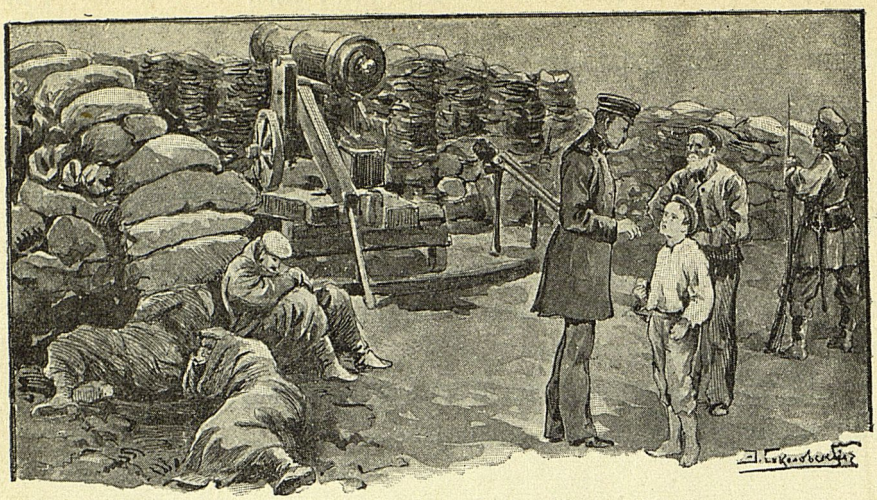
Матроски, мѣщанки, «стрекотали» между собой съ франтоватыми писарями, мелкими торговцами... (стр. 151).

вали: „языка добыли“. А захваченныя ружья продавали офицерамъ.

Только на двухъ батареяхъ за оборонительной линіей шла работа. Солдаты исправляли поврежденія, сдѣланныя бомбардированіемъ за этотъ день.

А хозяева этихъ батарей—матросы, завѣдующіе пушками, отдыхали по-вахтенно. Часть наблюдала за работой, а другая—крѣпко спала.

Надъ Севастополемъ и окрестностями стояла красивая ночь. Становилось холоднѣе.



ГЛАВА IX.

I.

БЫЛЪ восьмой часъ вечера, когда Бугай съ Маркушкой, минуя „Грибокъ“, подошли къ четвертому бастіону.

— Вамъ чего? — спросилъ часовой у входа въ бастіонъ.

— Повидать одного матросика знакомаго. А мальченку отецъ!—невольно понижая голосъ, проговорилъ Бугай.

— Что-жъ, иди. Только спятъ всѣ... Вахтенныхъ спроси...

На площадкѣ бастіона, залитаго мѣсяцемъ, подъ заряженными пушками и у пушекъ лежали матросы, покрытые буршлатами, съ шапками на головахъ. Среди тишины раздавался храпъ спящихъ.

Только нѣсколько „вахтенныхъ“ стояли у банкета и по угламъ бастіона и взглядывали „впередъ“ на чужія батареи. А „вахтенный“ офицеръ—молодой мичманъ,

сидя верхомъ на пушкѣ, поглядывалъ то впередъ, то на звѣзды и тихо напѣвалъ какой-то романсъ.

Старикъ и мальчикъ торопливо подошли къ тому углу бастіона, гдѣ стояло орудіе, изъ котораго Ткаченко обѣщалъ „шугануть“ француза.

Они жадно заглядывали въ лица спавшихъ у орудія. Пересмотрѣли всѣхъ.

Не было черномазаго, какъ жукъ, заросшаго волосами Игната. Не было ни одного изъ тѣхъ матросовъ, которыхъ видѣли за обѣдомъ Бугай и Маркушка, когда были на бастіонѣ въ гостяхъ у Ткаченко, за нѣсколько дней до первой бомбардировки.

Все незнакомыя лица.

— Дяденька! Гдѣ же тятька?—надрывающимся тихимъ голосомъ спросилъ Маркушка, испуганно заглядывая въ глаза Бугая.

— Можетъ у другой „орудіи!“—еще тише промолвилъ Бугай, отводя въ сторону взглядъ, точно чѣмъ-то виноватый передъ мальчикомъ, который сейчасъ узнаетъ, что отца нѣтъ въ живыхъ.

И спросилъ подошедшаго вахтеннаго матроса:

— Гдѣ тутъ у васъ Ткаченко?...

— Такого не знаю. Я на „баксіонѣ“ со вчерашняго дня... Вотъ мичмана спроси... Тотъ давно здѣсь... И хоть бы царапнуло... Онъ счастливый!—отвѣтилъ матросъ.— Ничего не подѣлаешь!—неожиданно прибавилъ онъ, словно бы отвѣчая себѣ на какой-то вопросъ, появившійся въ его умѣ.

Молодой мичманъ, чему-то улыбающійся, быть можетъ лунѣ, звѣздамъ и радости жизни, спрыгнулъ съ орудія и, подбѣгая къ нежданнымъ гостямъ, ласково спросилъ:

— Да вы, братцы, кого ищете?

— Комендора Игната Ткаченко, ваше благородіе...

— Мой тятька, ваше благородіе! А мамка на-дняхъ

умерла!—почему-то счелъ нужнымъ прибавить Маркушка, словно бы инстинктивно желая отдалить ужасъ отвѣта.

И мичманъ это понялъ. И веселая улыбка внезапно сбѣжала съ его пригожаго, жизнерадостнаго лица.

— Твой отецъ живъ, голубчикъ... Сегодня днемъ осколкомъ ранило... Кажется, въ ноги... Именно въ ноги... Онъ въ морскомъ госпиталѣ. Тамъ поправятъ... Непремѣнно поправятъ!—возбужденно и искренно говорилъ мичманъ.

Добрый, безхитростный и необыкновенно простой въ отношеніяхъ къ людямъ всякихъ положеній, этотъ жизнерадостный и всегда веселый мичманъ пользовался общей симпатіей и начальства, и товарищей, и матросовъ, и севастопольскихъ дамъ, и севастопольскихъ торговокъ.

Недаромъ же почти всѣ офицеры звали его „Володенькой“, матросы — „Ласковымъ“ и „Счастливымъ“, дамы—„милымъ мичманомъ“, торговки—„Голубкомъ“, а *самъ* Павелъ Степановичъ на-дняхъ на бастіонѣ сказалъ ему: „Лихой вы мичманъ-съ!“

Впечатлительный мичманъ въ эти минуты старался увѣрить и себя и—главное—ради мальчика—и его въ томъ, что Ткаченко, унесенный съ бастіона безъ ногъ, оторванныхъ осколками бомбы,—будетъ живъ.

Чѣмъ болѣе жалѣлъ онъ Маркушку съ его испуганными темными глазами, тѣмъ болѣе и самъ вѣрилъ, что мальчикъ не останется круглой сиротой.

И мичманъ еще возбужденнѣе и увѣреннѣе сказалъ:

— И не такихъ раненыхъ починяютъ. А твой отецъ крѣпкій, здоровый матросъ. Его легче поправить... Повѣрь, голубчикъ...

— То-то и есть, Маркушка!—поддакнулъ Бугай, повѣрившій словамъ мичмана.—Валимъ въ госпиталь, Маркушка. Пустятъ, ваше благородіе?

— Отчего не пустить? Скажи тамъ: „сынишка, молъ, раненаго на четвертомъ бастіонѣ“. Пустятъ. А то вотъ записку дамъ... знакомому доктору...

Мичманъ подалъ Бугаю клочекъ бумаги. Потомъ подалъ Маркушкѣ рубль и велѣлъ купить бутылку бѣлаго вина въ лавкѣ Соферо.

— Знаешь?

— Знаю.

— Отнеси вино отцу. Рюмку выпить полезно. Вѣрно докторъ позволитъ. Съ Богомъ, братцы... Кланяйся отцу, Маркушка.

— Какъ назвать васъ, ваше благородіе?

— Скажи отъ „Счастливаго мичмана“.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе!—промолвилъ Бугай.

Маркушка поблагодарилъ.

Они пошли въ городъ.

Мичманъ вскочилъ на орудіе. Онъ то посматривалъ въ подзорную трубу на чернѣющіяся французскія батареи, то снова любовался звѣзднымъ небомъ и подпѣвалъ.

Среди безмолвія ночи надъ городомъ и степью, насыщенными кровью, мягкій, необыкновенно чарующій баритонъ мичмана звучалъ не скорбью, а прелестью и счастьемъ жизни.

Словно бы ея неудержимая, стихійная мощная сила, полная вѣры въ себя, отгоняла и мысль о возможности умереть.

„Счастливый“ мичманъ, казалось, и не подумалъ, что завтра, рано утромъ, смерть снова налетитъ, какъ ураганъ, на бастіонъ за людьми, осыпая ихъ бомбами, гранатами и ядрами.

И пѣлъ себѣ да пѣлъ романсъ за романсомъ.

II.

БУГАЙ и Маркушка молча и скорыми шагами спустились въ городъ. Они купили бутылку вина, пошли къ пристани и отвалили на своемъ яликѣ, направляясь въ Южную бухту, чтобъ переправиться черезъ нее и пристать къ госпиталю.

Музыка съ бульвара долетала до нашихъ пріятелей.

На рейдѣ царила тишина. Но въ Южной бухтѣ чаще раздавалась мѣрная гребля военныхъ баркасовъ, полныхъ раненыхъ.

Скоро яликъ присталъ къ пристани. Черезъ нѣсколько минутъ Бугай съ Маркушкой вошли въ главный подъѣздъ госпиталя, вошли въ большія сѣни и не могли двинуться—такая толпа людей, ожидающихъ помощи, была здѣсь. Стоялъ стонъ. Раздавались крики и мольбы о помощи.

Маркушка ахнулъ и схватился за штанину Бугая.

— Народу-то, Господи! И какъ найти тятьку!— промолвилъ Маркушка.

— Найдемъ!..

Сѣни были биткомъ набиты. Въ ожиданіи пріема и осмотра, раненые стояли, сидѣли на подоконникахъ, на полу. Многіе лежали безъ сознанія и, казалось, умирали. Два госпитальные служителя повторяли: „повремените, братцы!“ Писаря записывали фамиліи. Въ толпѣ ходили двѣ женщины. Онѣ поили виномъ, освѣжающими напитками и то и дѣло ласково говорили:

— Подождите... Потерпите, братцы. Доктора заняты болѣе трудными ранеными. Сейчасъ и васъ осмотрятъ и всѣхъ уложатъ въ палатахъ.

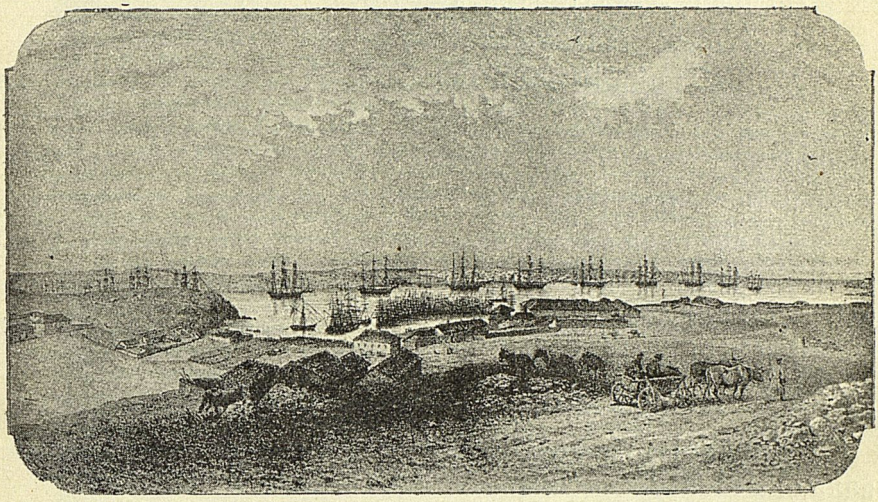
Одна—пожилая женщина была въ форменномъ коричневомъ платьѣ съ бѣлымъ капюшономъ на головѣ, съ крестомъ на шеѣ, другая—молодая—была въ легкомъ

темномъ платьѣ, гладко зачесанная, съ обручальнымъ кольцомъ на маленькой рукѣ.

Обѣ, сопровождаемыя госпитальными матросами съ ковшами и мисками, никого не обходили и каждому находили ободряющее ласковое слово.

— Это какія же барыни?—спрашивалъ Маркушка.

— Одна „милосердная“ въ родѣ какъ бы казенная изъ Петербурга прибыла... призрѣвать людей... Видишь—заботливая, еле ходитъ—устала, а обнадеживаетъ... И хоть



Видъ Севастопольскаго порта.

бы прикрикнуть... Другой зря кричитъ... А другая, Маркушка, вольная „милосердная“. Знакомая барыня, Анна Ивановна Вергежина, супружница капитанъ-лейтенанта... Онъ на „баксіонѣ“, а она вонъ гдѣ... Осталась по доброму сердцу въ Севастополѣ... Жалостливая...

— Ее и спроси насчетъ тятьки...

— Какъ подойдетъ... Видишь, за дѣломъ... И всякому отвѣть...

Кто-то спрашивалъ „милосердную“:

— Матушка! А не убьютъ бомбой въ госпиталѣ? Отъ баксіоновъ близко...

— Скоро переведутъ госпиталь въ морское собраніе... Павелъ Степанычъ уже распорядился на счетъ этого... А пока слава Богу!—успокоивала пожилая „милосердная“, какъ звали матросы и солдаты сестеръ.

Анна Ивановна, поблѣднѣвшая отъ усталости, подошла къ одному раненому, вблизи отъ Бугая и Маркушки. И когда она подала ему стаканъ воды съ виномъ, старый яличникъ окликнулъ ее:

— Барыня!... Вашескородіе!... Дозвольте обезпокоить...

Молодая дама узнала Бугая.

— Ты здѣсь зачѣмъ?

— По причинѣ Маркушки... Вотъ онъ самый. Отца пришелъ провѣдать... Раненъ въ ноги на четвертомъ „баксіонѣ“. Ткаченко... Допустите къ нему, Анна Ивановна. Вотъ и письмо отъ ласковаго мичмана къ доктору...

Анна Ивановна грустно, грустно взглянула на Маркушку, погладила его всклокоченную голову и сказала:

— Идите въ третью палату. Онъ тамъ... Обратитесь къ сестрѣ. Она покажетъ...

— А какъ тятька?—нетерпѣливо спросилъ Маркушка...

Молодая женщина ничего не отвѣтила и только указала, какъ пройти въ палаты.

Черезъ пять минутъ Бугай и Маркушка протолкались и осторожно вошли въ третью палату.

Застылъ въ угрюмомъ молчаніи и Бугай при видѣ... (стр. 162).

ГЛАВА X.

I.

В палатѣ тяжело раненыхъ, заставленной тѣсными рядами коекъ, было невыносимо душно. Въ ней пахло удушливымъ, смраднымъ запахомъ гніющаго тѣла, крови и пота.

Въ полусвѣтѣ отъ нѣсколькихъ оплывшихъ сальныхъ свѣчей и серебристыхъ, блѣдныхъ лунныхъ полосъ, льющихся въ раскрытыя окна палаты, видны были мертвенныя лица людей, лежавшихъ на койкахъ, покрытыхъ соломой. Многіе раненые не были прикрыты и вмѣсто ноги бросался въ глаза какой-то толстый, обмотанный бинтами обрубокъ. Вмѣсто рукъ,—тѣ-же обрубки въ бинтахъ. Повсюду люди въ перевязкахъ.

Можно было-бы подумать, что здѣсь лежатъ мертвецы,

если бы въ разныхъ концахъ палаты не раздавались стоны и тихіе голоса, полные просящей тоски:

— Пить!.. Ради Христа, пить!

— Помоги, сестрица. Родимая, помоги!

— Подойди, милосердная...

— Скорѣй бы пришла смерть... Возьми меня, Господи!

Кто-то, казалось въ бреду, звалъ свою матроску. Кто-то возбужденно говорилъ о подбитомъ орудіи у „француза“. Кто-то упорно повторялъ все одни и тѣ-же слова уже коснѣющимъ языкомъ:

— Врешь, бомба, не убила! Врешь, подлая, не убила!

Еще минута, другая, и на словѣ „врешь“ голосъ затихалъ навѣки.

Пожилая сестра милосердія безшумно ходила между койками, останавливаясь у зовущихъ и подавала пить, утѣшая ласковымъ словомъ, гладила воспаленныя головы, засматривала въ блѣдныя лица и, казалось, ласкала ихъ своими большими, вдумчивыми и необыкновенно добрыми глазами. Два фельдшера разносили питье, поправляли повязки и по-временамъ приказывали служителямъ выносить изъ палаты только-что переставшаго жить. На очистившуюся койку сейчасъ-же вносили другого тяжко раненаго, только-что ампутированнаго въ операціонной залѣ, гдѣ безустанно работали морскіе врачи.

Маркушка былъ потрясенъ отъ того, что увидалъ.

И онъ забился въ уголъ у дверей. Онъ весь съежился и вздрагивалъ. Въ расширенныхъ зрачкахъ его темныхъ глазъ стояло выраженіе ужаса, тоски и жалости.

Застылъ въ угрюмомъ молчаніи и Бугай при видѣ этихъ непереносимыхъ страданій людей, ожидающихъ смерти.

„Ужь лучше бы наповалъ убивало людей!“—подумалъ старикъ, невольно протестуя своимъ добрымъ сердцемъ.

И, повернувши окаменѣвшее лицо къ Маркушкѣ, по-

гладилъ своей шершавой рукой понуренную, всклокоченную голову мальчика—круглаго сироту, какъ не сомнѣвался уже больше старый яличникъ.

Эта неожиданная ласка вызвала на глаза Маркушки крупныя, тихія слезы. Но онъ съ рѣшительной торопливостью вытеръ ихъ своей грязной рукой и голосомъ, полнымъ сдержаннаго рыданія, проговорилъ:

— Найдемъ тятьку, дяденька! Быть-можетъ, еще мучается. Пусть не одинъ помретъ! И вина выпьетъ.

И чуть слышно прибавилъ:

— Мичманъ напрасно обнадежилъ насчетъ тятьки, ежели двѣ ноги оторвало!

— Много, братецъ ты мой, пропадаетъ народа на войнѣ. Надо умирать, ежели смерть придетъ. Всѣмъ будетъ крышка... Господинъ ѳершалъ!—вдругъ остановилъ Бугай вошедшаго въ двери уставшаго фельдшера.

— Что тебѣ?..

Старикъ объяснилъ свою просьбу: дозволить провѣдать матроса Игната Ткаченко, у котораго оторваны обѣ ноги на четвертомъ бастіонѣ.

И тихо спросилъ:

— Живъ еще?..

— Черномазый такой?..

— Онъ самый...

— Перевязывалъ, какъ отрѣзали обѣ ноги. Молодцомъ терпѣлъ перевязку. Вонъ, у послѣдняго окна вправо этотъ самый черномазый матросъ. Кажется, живъ.

— Выживетъ?

— Какое! Безнадежный! Антоновъ огонь ужь забралъ ходу. До утра врядъ-ли доживетъ. Сынишка?—махнулъ головой фельдшеръ на Маркушку.

— Сынишка.

— Такъ ступай съ нимъ и объявись старшей милосердной. Пуститъ и виномъ угости матроса. Теперь все ему можно!

Съ этими, казалось, равнодушно-торопливыми словами человѣка, уже привыкшаго къ крови ужасныхъ ранъ, искалѣченій и операцій, къ страданіямъ и смерти, молодой и истомленный фельдшеръ, съ чахоточными пятнами на обтянутыхъ щекахъ и съ лихорадочными, ввалившимися большими глазами, пошелъ къ койкамъ осматривать, нѣтъ ли покойниковъ, очистившихъ койку.

— Пойдемъ, Маркушка!

И словно-бы Бугаю пришлось вести мальчика среди опасности, старикъ взялъ его за руку.

Сосредоточенный, серьезный, осторожно ступалъ онъ между койками, деликатно не глядѣлъ по сторонамъ на раненыхъ, словно бы чувствуя, что одно уже любопытство здороваго человѣка могло обидѣть людей, большая часть которыхъ обречена на смерть.

Такъ-же, опустивъ свои испуганные глазенки, точно виноватые передъ великостью людского страданія, шелъ, не выпуская своей руки изъ широкой руки Бугая, Маркушка, поблѣднѣвшій, полный жуткаго чувства тоскливаго страха и едва выносившій этотъ ужасный, смрадный воздухъ.

— Вамъ кого?—тихо спросила пожилая сестра милосердія съ усталымъ лицомъ, отходя отъ одной изъ коекъ.

И, взглянувъ на Маркушку, привѣтно и участливо потрепала своей длинной, бѣлой рукой щеку мальчика.

— Тятьку!—порывисто сказалъ Маркушка.

Бугай поторопился назвать отца мальчика и указалъ мѣсто, гдѣ койка Игната Ткаченко.

— Фершалъ обѣщалъ... Вы, молъ, дозволите мальчонкѣ навѣстить отца. Мы на „баксіонѣ“ узнали, гдѣ онъ.

Сестра какъ-то значительно грустно повела глазами на мальчика.

— А мать отчего не пришла?

— Недавно померла!—отвѣтилъ Маркушка.

— Кто-жъ у тебя здѣсь родные кромѣ отца?

— Я у дяденьки живу.

— Значитъ, мы съ Маркушкой хоть и не сродственники, а, слава Богу, довольны другъ другомъ!—вступился Бугай.

— Отправилъ бы его изъ города. Мало ли что случится.

— Ужь я отговаривалъ. И одинъ раненый офицеръ звалъ къ себѣ въ деревню. Упрямый мой Маркушка! Не согласенъ.

— Я съ нимъ останусь, барыня!—рѣшительно сказалъ Маркушка и прибавилъ:

— Гдѣ-же тятька?.. Дозвольте, добрая барыня...

— Ишь ты... милый! — сердечно вырвалось у сестры.

— И вотъ вино...

— Можно. Идите за мной.

Сестра, по всему видно женщина изъ общества, словно плывущей походкой, пошла между койками.

Раненые то и дѣло звали сестру... То напиться, то поправить подушку, то подержать голову.

Она участливо-кротко говорила:

— Сію минуту. Приду, матросикъ...

И останавливалась у раненыхъ на ближнихъ койкахъ, поправляла подушки, говорила нѣсколько словъ и шла дальше...

Наконецъ она остановилась у койки, гдѣ лежалъ Игнатъ Ткаченко и, нагнувшись къ его осунувшемуся, землистому и пылающему лицу, тихо сказала:

— Гости пришли...

Глаза матроса оживились радостью, когда онъ увидалъ Маркушку и Бугая.

— Ишь вѣдь Маркушка... Разыскалъ отца... Молодца, мальчонка...

Матросъ говорилъ, стараясь бодриться и не показать,

какъ ему худо. И онъ выпросталъ изъ-подъ одѣяла руку, сжалъ руку Маркушки, и не выпуская ея, жадно, скорбно и любовно смотрѣлъ на сына.

И Маркушкѣ казалось, что отецъ не такъ опасенъ и будетъ жить.

— Счастливый мичманъ приказалъ вамъ кланяться и посылаетъ вина. Хорошо, говоритъ, для поправки...

— Хочешь, Игнатъ? Сестра позволила, — спросилъ Бугай.

Сестра уже поднесла къ спекшимся губамъ матроса рюмку вина.

Онъ отпилъ немного и, любуясь Маркушкой, горделиво сказалъ сестрѣ:

— Какой у меня Маркушка, сестрица!..

— Славный у тебя сынъ, Игнатъ!—промолвила сестра и пошла къ призывавшимъ ее страдальцамъ.

А Игнатъ сказалъ Бугаю:

— Спасибо тебѣ... Береги сироту... У сестры мои три карбованца... Такъ для Маркушки...

— Будь спокоенъ за Маркушку... Сберегу мальчонку...

— Мнѣ не надо... Вамъ пригодятся деньги, тятька.

Игнатъ попробовалъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки на его лицѣ пробѣжала страдальческая гримаса.

— Дюже болитъ?—спросилъ Маркушка.

— Не очень... Пройдетъ... Прощай, Маркушка... Прощай, Бугай... А я, я... Что-то въ глазахъ... Мутится... Гдѣ ты, Маркушка... Маркушка!..

— Я здѣсь, здѣсь, тятька!..

Но тускнѣвшіе глаза, казалось, не видѣли никого. Изъ груди его вырывались стоны.

— Тятька! Я здѣсь!—крикнулъ въ ужасѣ Маркушка.

— Не замай... Онъ заснуть хочетъ!—сказалъ Бугай, утирая слезы.

— Ступай домой, Маркушка!—ласково промолвила подошедшая сестра.—Онъ... скоро перестанетъ мучиться...

Маркушка, казалось, понялъ и припалъ къ холодѣвшей рукѣ отца.

Черезъ минуту Бугай увелъ Маркушку изъ палаты. Они вышли изъ госпиталя и сѣли въ яликъ.

Ночь была прекрасная. Луна безстрастно смотрѣла сверху. Маркушка, вдыхая полной грудью чудный воздухъ, правилъ рулемъ, тоскливый и потрясенный.

II.

ТОЛЬКО забрезжило передъ разсвѣтомъ, какъ Маркушка поднялся, осторожно одѣлся, чтобъ не будить Бугая, и со всѣхъ ногъ бросился на Сѣверную сторону и переправился на яликѣ къ госпиталю.

Опять полная ранеными пріемная. Опять смрадный воздухъ въ полутемной палатѣ. Опять, словно привидѣніе, ходитъ между койками та самая сестра, которую видѣлъ вчера мальчикъ. Только она казалась совсѣмъ старая, осунувшаяся, истомленная послѣ безсонной ночи.

Приходъ Маркушки удивилъ сестру милосердія. Удивилъ и въ то же время умилилъ ее.

Онъ уже былъ у койки, гдѣ вчера лежалъ отецъ, но вмѣсто него лежалъ другой, съ такими-же потухающими глазами на измученномъ, мертвенномъ, обросшемъ волосами лицѣ и такъ же, какъ и отецъ, шептавшій что-то губами и изъ его груди вырывались стоны ужаснаго страданія.

Сестра уже была около Маркушки.

— Умеръ?—спросилъ мальчикъ.

— Умеръ!—отвѣтила сестра и прибавила:

— Скоро послѣ того, какъ ты простился съ нимъ... И умеръ героемъ, мой хорошій мальчикъ.

Но то, что отецъ умеръ героемъ, не особенно утѣшило Маркушку.

— Можно посмотрѣть на тятьку?..—глотая слезы, возбужденно спросилъ онъ.

— Его уже увезли и похоронили на братской могилѣ на Сѣверной сторонѣ...

Мальчикъ на секунду сдержался. И наконецъ у него вырвался крикъ отчаянія:

— И зачѣмъ это люди убиваютъ другъ друга... Зачѣмъ?

— Милый... Уходи скорѣй домой... Свѣтаетъ... Начнется бомбардировка... Здѣсь долетаютъ снаряды...

— Пусть и меня убьетъ!..

— Тебѣ жить надо, мальчикъ. Гдѣ ты живешь?..

— Съ дяденькой Бугаемъ.

— А онъ чѣмъ занимается?

— Яличникъ!—не безъ достоинства произнесъ Маркушка.

— А ты?

— Рулевымъ у дяденьки на яликѣ!—еще горделивѣе сказалъ мальчикъ.

— Ишь вѣдь ты какой молодецъ! Тебѣ сколько лѣтъ?

— Двѣнадцатый!

Рѣшительно Маркушка особенно понравился сестрѣ какъ и вообще многимъ, которые нѣсколько знакомились съ нимъ.

И она раздумчиво проговорила:

— А все-таки тебѣ надо лучше устроиться, Маркуша!

— Ужь чего лучше быть рулевымъ... Я хотѣлъ было на „баксіонъ“, гдѣ убили тятьку, такъ тятька не велѣлъ и дяденька не пущаетъ!

— Еще бы... Зачѣмъ тебѣ идти на смерть... Не надо... Не надо!—взволнованно произнесла сестра.

— Зря убьютъ... А то искалѣчатъ, какъ меня!—раз-

Сестра отыскала свертокъ и передала его Маркушкѣ... (стр. 169).

дался вдругъ раздраженный голосъ съ койки. — Не ходи на баксіонъ...

— То-то... надо жить. Ты грамотный?

— Вовсе мало. Самоучкой...

— А ежели тебя обучить... многое узнаешь... И тебѣ будетъ жить лучше... Я тебя еще повидаю!—рѣшительно сказала сестра, принявшая близко къ своему доброму сердцу судьбу Маркушки.—Гдѣ яликъ Бугая?

— На перевозѣ около Графской.

— А я буду близко... Скоро госпиталь будетъ въ морскомъ собраніи у Графской...

— А я никуда не уѣду отъ дяденьки! — вызывающе отвѣтилъ Маркушка.—И самъ научусь грамотѣ, если захочу... Меня никто не смѣетъ отнимать отъ дяденьки...

— Да я и не думаю... Ну, ступай, Маркушка... Только впередъ возьми у меня вещи отца... Онъ велѣлъ ихъ передать твоему другу Бугаю для тебя... Пойдемъ.

Сестра провела Маркушку въ свою маленькую комнату во дворѣ госпиталя.

Комната была полна разными свертками, мѣшечками и маленькими сундучками послѣднихъ умершихъ въ ея палатѣ и просившихъ сестру исполнить ихъ послѣднюю волю.

Въ углу была кровать, умывальникъ и столъ. Портретъ какого-то красиваго офицера висѣлъ надъ кроватью.

Сестра отыскала свертокъ съ пришпиленной къ нему бумажкой, на которой было написано рукою той-же доброй женщины—отъ кого и кому свертокъ и что въ немъ находится и, прочитавъ списокъ, показала Маркушкѣ три серебряные рубля, старый матросскій ножъ, крестъ покойной жены, шейный платокъ и двѣ ситцевыя рубахи и, снова завернувъ всѣ вещи, передала Маркушкѣ. Передала и бутылку вина и проговорила:

— Бугай выпьетъ. А ты смотри, Маркушка, черезъ бухту къ Графской переѣзжай, а не черезъ корабельную...

Начнется бомбардировка, тамъ опасно. До свиданія, славный мальчикъ!—прибавила сестра и крѣпко пожала руку Маркушкѣ.

— Спасибо вамъ, добрая барыня,—промолвилъ Маркушка.

И, взглянувъ на ея истомленное лицо, прибавилъ:

— А вамъ надо отдохнуть... Изморились-то за ночь...

— Въ восемь уйду съ дежурства и высплюсь...

— То-то. И тяжелая ваша служба, милосердная барыня... Я не пошелъ-бы на такую службу... Тяжко смотрѣть... А ужь на тятьку...

Онъ вдругъ почувствовалъ себя безконечно виноватымъ, что болталъ и словно бы забылъ отца...

И, сдерживая подступавшія слезы, вышелъ изъ комнаты.

Уже разсвѣло, когда Маркушка дошелъ до бухты. И только-что онъ сѣлъ въ яликъ, идущій къ Графской, какъ загрохотали выстрѣлы... Нѣсколько ядеръ упало недалеко отъ ялика...

— Ишь ты... Опять народъ бьютъ!—проворчалъ яличникъ, принаваливаясь на весла...—А ты, Бугайкинъ рулевой, чего ревешь?

— Отца убило!—рѣзко вымолвилъ Маркушка.

— То-то и есть. Много сиротъ останется! — сердито замѣтилъ яличникъ.

Грохотъ выстрѣловъ усиливался. Скоро облака порохового дыма скрывали отъ глазъ часть оборонительной линіи и окрестностей Севастополя.

На пристани яличники еще не собрались, и Маркушка побѣжалъ домой.

III.

ПРИ видѣ Маркушки, съ лица Бугая исчезло тревожное выраженіе, но за то встрѣтилъ онъ своего друга довольно сердито.

— Это какъ-же, Маркушка? Изъ-за тебя, дьяволенка, тревожишься, а ты... бѣгать, въ родѣ арестанта, безъ спроса... Куда бѣгалъ?

— Въ госпиталь...

— Могъ побудить... Вмѣстѣ пошли-бы!.. А то...

Голосъ Бугая уже смягчился. Онъ словно бы нарочно не спрашивалъ объ отцѣ, не сомнѣваясь, что онъ умеръ, и не хотѣлъ разстраивать и безъ того печальнаго Маркушки...

И онъ оборвалъ упрекъ и сказалъ:

— Пей-ка чай... Да кантуй бублики...

— Ужь отвезли на Сѣверную... Зарыли... Вотъ возьмите, дяденька... А вино пейте!—говорилъ Маркушка, отдавая свертокъ и бутылку Бугаю и прибавилъ:

— А вы не серчайте, дяденька... Не сустерпѣлъ... Захотѣлъ взглянуть... Милосердная задержала...

— Какъ ни взглянуть... Это ты правильно... Только меня бы взялъ... Ну а я, Маркушка,—не серчаю... Ты башковатъ. Развѣ не понимаешь, что ты для меня въ родѣ быдто одного на свѣтѣ заботливаго внучка,—необыкновенно ласково проговорилъ старикъ...

И онъ нѣжно погладилъ голову Маркушки и сказалъ:

— Поди прежде помойся... А то въ родѣ цыгана...

Скоро Маркушка нѣсколько отмылъ грязь со своего лица и рукъ.

Безъ Маркушки Бугай и не думалъ пить чай.

Старикъ былъ въ большой тревогѣ, пока не вернулся его пріемышъ. Особенно онъ тревожился, когда началась бомбардировка. А мальчонка „отчаянный“.

Бугай быстро спряталъ въ сундукъ свертокъ, а бутылку поставилъ на маленькій некрашенный самодѣльный столикъ, гдѣ собранъ былъ чай, и сказалъ:

— Нечего его для тебя, Маркушка, беречь... А достальное все будетъ сохранено. И что отъ матери осталось—вонъ въ другомъ сундукѣ... И все здѣсь твое, Маркушка, ежели какъ помру. И яликъ тебѣ... Да ты не кукься... Я, значитъ, для примѣра...

Передъ тѣмъ, что приняться за чай, Бугай для чего-то посмотрѣлъ на бутылку и, откупоривши ее, проговорилъ:

— Надо попробовать какое-такое рублевое вино...

И онъ попробовалъ его изъ горлышка разъ, другой, третій и проговорилъ:

— Большого „скуса“ въ немъ нѣтъ, Маркушка... Такъ въ родѣ быдто кваса...

Бугай опять посмотрѣлъ на бутылку, но ужь съ видомъ нѣкотораго презрѣнія былого пьяницы. Словно бы вынужденный какимъ-то не особенно пріятнымъ долгомъ порядочнаго матроса докончить ее, онъ проговорилъ:

— Не зря-же ему пропадать!

Съ этими словами старикъ выпилъ остальное и сказалъ:

— А вѣдь лакаютъ эту дрянь господа!.. Выдуй ее хоть ведро — только брюхо вспучитъ... Куда водка скуснѣй.

— Можетъ, вино для поправки здоровья...

— Развѣ что для господъ... А для поправки матроса дай ты ему стаканчикъ, другой водки, куда пользительнѣй...

И Бугай прикусилъ своими еще крѣпкими зубами крошечный кусокъ сахару и сталъ пить чай, заѣдая его пополамъ татарскимъ бубликомъ.

Выстрѣлы гремѣли. Слышался свистъ и разрывъ бомбъ.

Но о нихъ ни Бугай, ни Маркушка не сказали ни слова, точно уже не обращали вниманія какъ на самое обыкновенное и привычное явленіе съ разсвѣта.

Бугай въ это утро былъ словоохотливѣе, чѣмъ обыкновенно, видимо, желая отвлечь Маркушку отъ горя. Онъ разсказалъ о томъ, какъ служилъ форъ-марсовымъ на кораблѣ „Двѣнадцать Апостоловъ“ подъ начальствомъ Корнилова и прибавилъ:

— Царство ему небесное!.. Ужь на что былъ необходимый по уму начальникъ, а и то убитъ... Ничего не подѣлаешь, братецъ мой, противъ ядра или бомбы... И, если дѣло разобрать, зачѣмъ мы хорохорились... То-же: ни войска въ „плепорцію“, ни стуцера, ни генераловъ... И какъ-бы растерянный Менщикъ... На мирномъ положеніи оказывался умнымъ, а какъ умъ потребовался... и умъ весь вышелъ... Спрятался отъ всѣхъ и только скулитъ: „Солдаты, молъ, нехорошіе“. Ахъ, ты... безстыжій... Ахъ, ты...

— То-то Измѣнщиковымъ и зовутъ!—поддакнулъ Маркушка.

— На это не посмѣетъ. Тоже императоръ нашъ не простилъ-бы!.. Да Менщикъ и страсть богатый. Однихъ хрестьянъ у него, сказываютъ, до двадцати тысячъ... Такъ на измѣну онъ не польстится. А просто въ родѣ какъ бы меня, матрозню, назначили въ господа... Какой изъ меня баринъ?.. Вотъ такъ и Менщикъ... Ничего въ своемъ дѣлѣ не понимаетъ! И хоть бы понялъ простого человѣка... Обнадежилъ-бы словомъ. Забился на Сѣверную... Оттуда только слышна „бондировка“, а его не касается. Да лепорты получаетъ, что каждый день народъ пропадаетъ... Думаешь, Палъ Степанычъ зачѣмъ какъ каждый день „на баксіоны“ пріѣхалъ, сейчасъ въ „аполетахъ“, да на самое опасное мѣсто?

— Зачѣмъ?

— На смерть лѣзетъ... Видитъ: вовсе нѣтъ намъ

одолѣнія... Одна только оттяжка Севастополя... Какой Менщикъ... и какіе распорядки... Такъ, по своей совѣсти, Нахимовъ ищетъ смерти, чтобъ не видать, какъ насъ разстрѣливаютъ, да подъ конецъ разнесутъ Севастополь. Только ни ядро, ни бомба, ни пуля не берутъ его... Пока Палъ Степанычъ цѣлъ, нѣтъ, нѣтъ и надежда не пропадаетъ... *Онъ*, нашъ праведникъ и матросамъ отецъ, молъ, вызволитъ...

— Сказывали, дяденька, что Нахимовъ заговоренный. Оттого всякая пуля прочь отъ него!—замѣтилъ Маркушка.

— Для матросиковъ видно Богъ его бережетъ... Чтобы народъ не приходилъ въ отчаянность. А Палъ Степанычъ во всякую минуту готовъ принять смерть... Простъ онъ съ нашимъ братомъ... Понимаетъ, что всѣ люди одного шитья... На службѣ ты матросъ, а душа въ немъ такая, какъ и у начальника, будь ты хоть полный адмиралъ... Оттого и смерти не боится... А которые о себѣ полагаютъ и надъ простымъ человѣкомъ звѣрствуютъ, тѣ смерти боятся и при первой царапинкѣ сейчасъ съ баксіона въ укромное мѣсто... „Очень, молъ, непересна „конфузія“,—переиначилъ Бугай„ „контузію“, передразнивая своимъ сиплымъ баскомъ предполагаемаго имъ трусливаго офицера и прибавилъ:

— Ты понимай это, Маркушка.

— Понимаю, дяденька!

— Только на смерть зря лѣзть не годится... Это развѣ Нахимову можно... Слава Богу, оказалъ себя во всю жизнь... И обидно ему за Севастополь... Смекнулъ, Маркушка?

— Смекнулъ...

— А ты про себя все полагалъ: „на баксіонъ да на баксіонъ!“ Выростешь—пойдешь на „баксіонъ“, если понадобится. Жизнь то, братецъ ты мой, ко всему приведетъ... А теперь своему „дяденькѣ“ помогай, пока что, въ рулевыхъ на яликѣ...

— Я всѣмъ доволенъ, дяденька, около васъ...

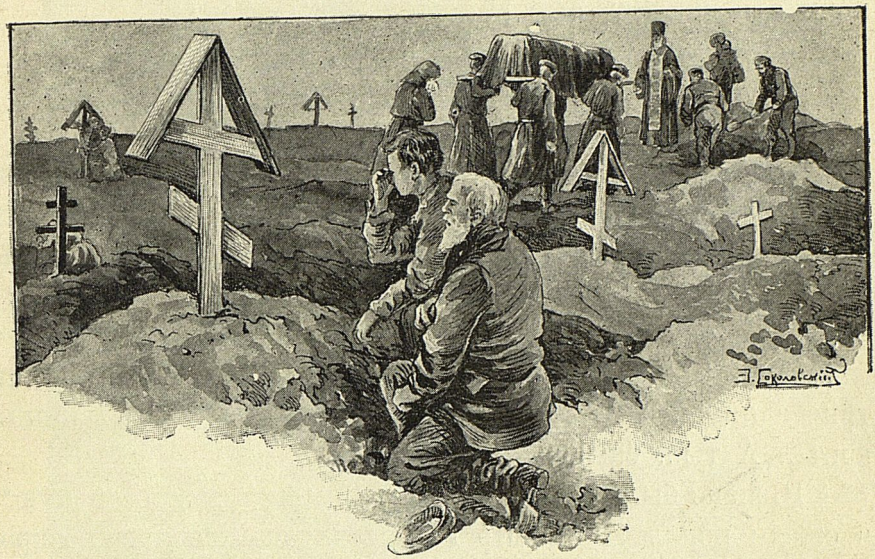
— И я доволенъ, что ты со мной.

— Никуда отъ васъ и не уйду! — вдругъ рѣшительно произнесъ Маркушка.

— Развѣ сманивалъ кто?... Ужь не яличникъ-ли Брынза?

— Я бы ему поднесъ дулю... Милосердная сестра въ госпиталѣ говорила...

— О чемъ?



Бугай и Маркушка истово крестились и становились на колѣни...

— Тебя, говоритъ, Маркушка, надо лучше устроить. И жить, молъ, будешь лучше...

— А ты что?

— Мнѣ, молъ, и при своемъ дѣлѣ хорошо.

— Что же тебѣ совѣтовала милосердная? Человѣкъ-то она, прямо сказать, праведный по своей работѣ... Дурного не присовѣтуетъ мальчонкѣ...

— Обучиться тебѣ, молъ, грамотѣ надо...

— Это, братъ мой, она умно присовѣтовала... Ловко бы тебя обучить и книжку понять и писать... Чего лучше?

И Бугай призадумался.

— Я и самъ обучусь, дяденька... Достать бы только такую книгу.

— Книгу мы спроворимъ, а какъ безъ учителя... Безъ учителя не понять... Пойми-ка... Не хвастай, Маркушка.

Мысль о томъ, что Маркушка будетъ „форменно умный“, очень обрадовала Бугая, и онъ придумывалъ, гдѣ бы найти ему учителя въ безопасномъ мѣстѣ.

А Маркушка, повидимому и самъ желавшій самому почитать книжку, еще рѣшительнѣе сказалъ:

— Я, дяденька, немного умѣю по складамъ...

— Умѣешь?—изумился старый матросъ.

— Вотъ те крестъ, умѣю... Самъ выучился...

— Однако и башковатый же ты, Маркушка!—протянулъ Бугай, проникнутый необыкновеннымъ уваженіемъ къ мальчику, выучившемуся безъ учителя по складамъ. Это казалось ему неимовѣрно труднымъ.

И въ доказательство этой трудности прибавилъ:

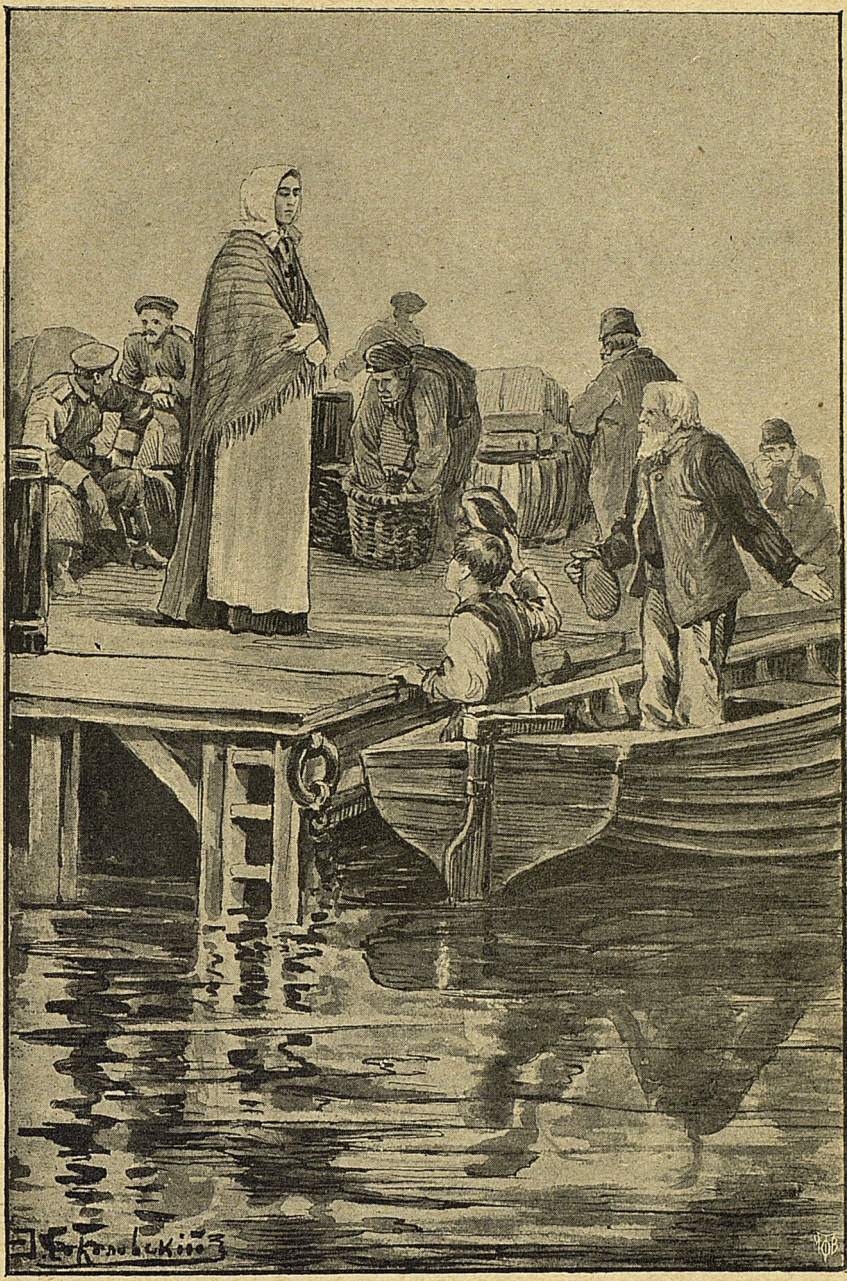
— Скажи мнѣ: „Бугайка! Пойми книжку или получи триста линьковъ“, я въ секундъ принялъ бы порцію линьковъ... А ты... самъ?

Рѣшено было насчетъ книги спросить „милосердную“, а ежели понадобится что показать, такъ Маркушка спроситъ знакомаго писарька... Онъ каждый день шмыгаетъ на Сѣверную... Дорогой и покажетъ...

Этотъ планъ привелъ въ хорошее настроеніе стараго яличника и нѣсколько отвлекъ Маркушку отъ тоскливыхъ мыслей...

Въ шесть часовъ утра они уже были на яликѣ и принялись за обычную свою работу—перевозить пассажировъ изъ Севастополя на Сѣверную сторону и обратно. Одинъ гребъ. Другой правилъ рулемъ.

Въ первый же рейсъ Бугай и Маркушка сходили на большую насыпь надъ общей могилой, постояли нѣсколько минутъ, истово крестились и становились на колѣни. И



Сестра милосердія пришла на пристань и окликнула своихъ друзей... (стр. 177).

мальчикъ, значительно облегченный отъ исполненнаго имъ долга, и Бугай, посѣтившій могилу бывшаго пріятеля, поручившаго сына, и снова пообѣщавшій въ мысленныхъ словахъ беречь мальчика,—оба торопливо и, казалось, спокойнѣе вернулись на шлюпку и, забравши пассажировъ, повезли ихъ въ Севастополь.

— А милосердная придетъ?—спросилъ подъ вечеръ Бугай.

— Безпремѣнно придетъ. Обѣщалась! — увѣренно и довѣрчиво отвѣчалъ Маркушка.

— Какъ только ей оторваться отъ дѣла... Работаетъ, добрая душа, до отвала...

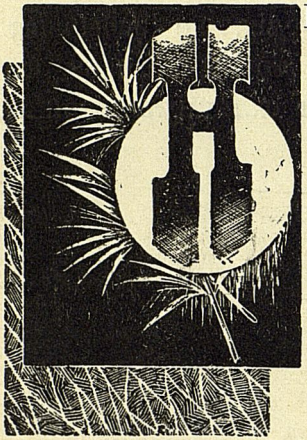
— Переведутъ госпиталь къ Графской, и самъ къ ней сбѣгаю.

— Она вѣдь все знаетъ... И скажетъ, гдѣ достать книжку!—замѣтилъ Бугай.

И дѣйствительно, сестра милосердія, не забывшая понравившагося ей Маркушку, черезъ три дня, часу въ восьмомъ утра, пришла на пристань и окликнула своихъ друзей.

ГЛАВА XI.

I.



ЕБОЙСЬ, пришла! — шепнулъ, полный горделиваго чувства своей правоты, Маркушка, подталкивая Бугая.

И оба, при видѣ сестры милосердія, встали на своемъ яликѣ и сняли шапки.

— Вотъ и пришла провѣдать маленькаго рулевого. Здравствуй, Маркуша! Здравствуй, Бугай... Мы вѣдь сосѣди... Вчера перебрались въ морское собраніе!—говорила сестра спокойно, тихо и тѣмъ грудным мягкимъ голосомъ, который звучалъ проникновенной, охватывающей душу, сердечностью.

Но особенно ласковы были глубокіе глаза, большіе, лучистые и грустные. Они точно свѣтились особеннымъ тихимъ внутреннимъ свѣтомъ, исходящимъ изъ нихъ, и эти глаза дѣлали поблекшее, усталое и худое продолговатое лицо въ бѣломъ коленкоровомъ форменномъ капорѣ

сестры милосердія необыкновенно чарующимъ своей прелестью высшей духовной красоты.

Въ Севастополѣ не знали, кто она и откуда. Объ этомъ сестра милосердія не разсказывала.

Знали и благословляли раненые только „милосердную“ Ольгу.

Одному Нахимову, къ которому она явилась вскорѣ послѣ первой бомбардировки, съ просьбой разрѣшить ей ходить за ранеными, пріѣзжая должна была сообщить, что она княжна Ольга Владиміровна Зарѣчная, и пояснить, что дочь того извѣстнаго богача и опальнаго сановника Зарѣчнаго, который живетъ теперь за границей.

И княжна попросила Нахимова оставить въ секретѣ ея званіе:

— Пусть для всѣхъ я буду сестра Ольга, и если нужно просто Зарѣчная!

Нахимовъ, самъ не знавшій и не терпѣвшій тщеславія, молча, но съ особымъ уваженіемъ пожалъ руку княжнѣ, добровольно пріѣхавшей въ Севастополь на тяжелый подвигъ и, разумѣется, исполнилъ обѣ ея просьбы.

— А я зналъ, барыня, что вы придете!—возбужденно-радостно воскликнулъ Маркушка.

— А почему, Маркуша?

— Обѣщали... И вы...

Маркушка внезапно оборвалъ рѣчь.

— Что-жъ замолчалъ?.. Ну, какая по твоему? — съ вызывающей добротой спросила „сестра Ольга“.

И она почувствовала себя въ особенно хорошемъ настроеніи здѣсь, на берегу моря, съ Маркушкой и Бугаемъ, неожиданно ставшими близкими, хотя и такими далекими по своему положенію, такими грязными и плохо одѣтыми и такими, казалось ей, мужественными и хорошими.

— И скажу, коли хотите! — самолюбиво вспыхивая, отвѣтилъ Маркушка.—Вы не таковская, чтобъ объегорить.

— То-есть, не исполнить обѣщанія?

— Ну да... Обыкновенно: объегорить или „поддедюлить“! — дѣловито пояснялъ Маркушка, видимо щеголяя своимъ умѣньемъ распоряжаться глаголами.

— Спасибо... Ишь вѣдь ты какой довѣрчивый, Маркуша.

Но эта искренняя хвала Маркушки вдругъ, казалось, напомнила сестрѣ милосердія что-нибудь невеселое, потому что она съ грустной раздумчивостью промолвила:

— Не очень то хвали, Маркуша...

— Нешто „объегориваете“?

— Случалось, и мнѣ приходилось лгать...

И, снова отдаваясь хорошему настроенію, именно благодаря этому жизнерадостному, впечатлительному мальчику, сестра Ольга заботливо проговорила:

— Да что вы стоите... И безъ шапокъ... Еще напечетъ солнцемъ. Садитесь и надѣньте ихъ.

Они надѣли свои измызганныя матросскія фуражки. Но Бугай не садился и сказалъ, кивнувъ головой на Маркушку:

— Очень обнадеженъ былъ, что вы придете... Дожидалъ васъ...

И, спохватившись, прибавилъ:

— А я, старый дуракъ, и не предложилъ барынѣ прокатиться... Погода форменная. Можетъ на Сѣверную угодно, въ Голландію, а то въ Ушакову балку... Пожалуйте, барыня! Со всѣмъ удовольствіемъ прокатимъ и... не требуется платить... Милосердная... Чертенокъ - Маркушка! Проси барыню...

— Ловко прокатимъ... Передохнете отъ своей службы, добрая барыня.

Какъ благодарно улыбалось лицо блѣдной женщины! Какъ заманчиво было предложеніе старика-яличника, поддержанное симпатичнымъ маленькимъ рулевымъ!

Утро выдалось безподобное.

Море такъ и манило и своей чарующей таинствен-

ной красотой затишья, и ласковымъ шопотомъ лѣниво набѣгающаго прибоя, и нѣжными, какъ тихіе вздохи, ритмическими переливами замлѣвшей синевы водъ. Оно дышало бодрящей свѣжестью и какимъ-то особымъ ароматомъ морской травы. Солнце такъ нѣжно грѣло съ бирюзовой и, казалось, улыбающейся выси.

А утомленной блѣдной „сестрѣ“ и ея изстрадавшейся изъ-за людскихъ страданій душѣ такъ хочется хоть короткаго отдыха, хочется быть хоть чуть-чуть подальше отъ несмолкаемаго грохота орудій и шипѣнья и свиста бомбъ и ядеръ, такъ до тоски хочется полной грудью надышаться чуднымъ воздухомъ моря послѣ спертаго и смраднаго воздуха палаты.

Но тамъ, въ госпиталѣ, страданія. Тамъ люди ждутъ отъ нея слова, взгляда, даже мановенія участья...

И сестра говоритъ:

— Спасибо, милые... Хотѣлось бы прокатиться, но не могу... Черезъ четверть часа мнѣ на дежурство... Но какъ-нибудь я поѣду съ вами... А ты, Маркуша, отчего меня ждалъ?.. Или надумалъ уѣхать отсюда... Только скажи. Я отправлю тебя въ пріютъ или въ школу...

Маркушка снова энергично замахалъ головой.

— Онъ, барыня, насчетъ книжки хотѣлъ васъ спросить, — осторожно промолвилъ Бугай.—Онъ у меня башковатый... Самъ по складамъ умѣетъ... Вотъ онъ у меня какой Маркушка... И спасибо вамъ, барыня, онъ въ задоръ вошелъ... Хочетъ самъ выучиться. Такъ гдѣ намъ такую книжку достать? А мы деньги заплатимъ... Сколько потребуется...

Сестра Ольга обрадовалась.

— Ай да молодецъ, Маркуша!..

— Только достаньте книжку, а я выучусь.

Сестра обѣщала черезъ нѣсколько дней достать азбуку и склады и предложила Маркушкѣ заходить къ ней на квартиру на четверть часа по утрамъ. Она ему поможетъ.

Но Маркушка деликатно отказался. Онъ и самъ можетъ, и знакомый писарекъ въ случаѣ чего покажетъ.

— А забѣжать — забѣгу... И на яликѣ прокатимъ васъ, добрая барыня. Только прикажите.

Сестра Ольга еще нѣсколько минутъ проговорила съ Маркушкой и его пѣстуномъ, узнала, гдѣ они живутъ, обѣщала заходить на пристань и звала Маркушку къ себѣ.

— Буду угощать тебя чаемъ съ вареньемъ.

Черезъ три дня Ольга Владиміровна принесла Маркушкѣ азбуку.

Онъ сталъ заниматься съ необыкновеннымъ усердіемъ. Выкрикивалъ склады и на яликѣ, и дома.

II.

НАСТУПИЛИ холода. Особенно холодны были ночи. Часто дули жестокіе нордъ-осты.

Непріятельскія батареи подвигались все ближе и ближе, и непріятельскія траншеи были въ очень близкомъ разстояніи отъ нашихъ.

Бомбардировка не прерывалась. Защитники умирали и отъ снарядовъ, и отъ болѣзней... Говорили, что Меншикова смѣнятъ и на его мѣсто назначатъ Горчакова.

— Онъ поправитъ дѣло! — говорили многіе севастопольцы, которымъ хотѣлось вѣрить.

— Онъ разобьетъ французовъ и прогонитъ ихъ домой... Не суйся!

Но пока Меншикова не смѣняли, онъ не воспользовался скверымъ положеніемъ союзниковъ во время холодовъ поздней осени. Подкрѣпленія еще не прибыли, и войско непріятеля значительно уменьшилось, благодаря болѣзнямъ. Запасы, одежда и помѣщеніе ихъ были едва-ли лучше нашихъ.

По словамъ перебѣжчиковъ, положеніе союзниковъ въ это время было такое же тяжкое, какъ и наше. Жили солдаты въ палаткахъ. Бараки еще не были устроены. Равнодушіе союзныхъ главнокомандующихъ къ нуждамъ арміи, пожалуй, походило на равнодушіе князя Меншикова.

Не имѣя теплой одежды и порядочнаго жилья, союзники къ тому же терпѣли недостатокъ въ пищѣ и топливѣ. Въ теченіе многихъ дней они довольствовались корабельными сухарями, очень дурною водою и сушенымъ мясомъ, но послѣднимъ въ весьма маломъ количествѣ. „Исхудалыя лица, небритыя бороды, всевозможныя и всецвѣтныя одежды, покрытыя недѣльною грязью, ежедневно возобновляемою — таковъ нашъ видъ, столь же жалкій, какъ и новый“,—писалъ одинъ французскій офицеръ.

Французы не имѣли топлива и для согрѣванія употребляли все, что только способно было горѣть; корни деревьевъ, не исключая винограда, и всѣ остатки исчезнувшей растительности шли на дрова, если только попадались подъ руку.

Снѣгъ для союзниковъ былъ настоящимъ бѣдствіемъ.

Союзники благословляли бездѣйствіе нашей арміи осенью и зимой, благодаря чему они могли дождаться подкрѣпленій и весны.

— Наши главнокомандующіе умны, — острили французы,— а русскіе еще умнѣе!

Севастопольцы, не понимавшіе поведенія нашего главнокомандующаго въ эти два мѣсяца, ѣдко подсмѣивались надъ нимъ и его штабомъ:

— Два мѣсяца почти совершенное бездѣйствіе. По три раза въ день набожно смотрѣть на термометръ и молиться нордъ-осту!

Матросы, ожидая смерти на своихъ бастіонахъ, повторяли „выдумку“ одного товарища:

— Хотѣлъ, братцы мои, Господь наказать за наши

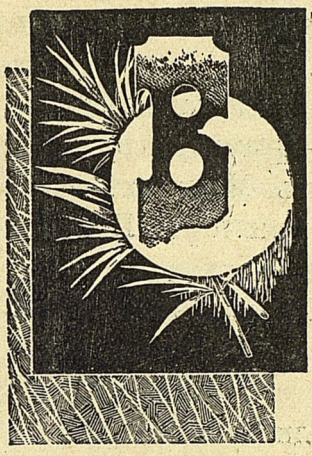
беззаконія чумой. Однако, показалось мало. Дай, я вмѣсто чумы накажу Севастополь Меншикомъ.

Въ это время Меншиковъ всякій намекъ на возможность атаки считалъ личнымъ оскорбленіемъ и жаловался, что фельдмаршалъ Паскевичъ чернитъ его въ глазахъ государя.

Маркушка читалъ крошечный разсказикъ о великодушномъ львѣ... (стр. 187).

ГЛАВА XII.

I.



Ъ одно ноябрьское воскресенье погода была отчаянная.

Нордъ-остъ дышалъ ледянымъ дыханіемъ и крѣпчалъ. Къ концу дня онъ ревѣлъ.

Ревѣла и бухта.

Волны поднимались въ какомъ-то бѣшенствѣ и яростно разбивались одна о другую. Сѣдые гребни разсыпались алмазной пылью. Ее подхватывалъ вѣтеръ, и бушующая бухта была подернута точно мглой.

Нечего и говорить, что ялики не могли ходить. Яличники вытащили свои шлюпки на берегъ и разошлись по домамъ.

Бугай и Маркушка, оба въ полушубкахъ, съ обмотанными шарфами шеями, все-таки очень зазябли на ледяномъ вѣтрѣ. Особенно холодно было ногамъ. Они быстро направились домой и скоро вошли въ свою маленькую комнату въ домишкѣ близъ рынка, противъ артиллерій-

ской бухты. Домишка этотъ принадлежалъ солдаткѣ Бондаренко, женѣ крѣпостного артиллериста, служившаго на одномъ изъ приморскихъ фортовъ.

Въ комнатѣ было тепло. Солдатка догадалась вытопить печь. Сожители обогрѣвались, испытывая физическое удовольствіе тепла.

— Славно!—воскликнулъ Маркушка.

— То-то, братъ, тепло!

„А на бастіонахъ не тепло!“—подумалъ Бугай, но промолчалъ.

Скоро крѣпкая, приземистая чернявая солдатка, которую Бугай называлъ „Ивановной“, принесла разогрѣтый борщъ и кусокъ баранины и, между прочимъ, разсказала, что утромъ совсѣмъ близко залетѣла шальная бомба и убила двухъ мальчиковъ.

Бугай выпилъ сегодня за ужиномъ болѣе своихъ обычныхъ двухъ стаканчиковъ водки.

— Праздникъ и видишь, Маркушка, какая собака—погода! Такъ чтобъ ногъ не ломило!—проговорилъ Бугай, словно бы считая нужнымъ объяснить Маркушкѣ свои соображенія, заставившія его выпить полштофъ. Поднесъ онъ два раза по стаканчику Ивановнѣ.

— Съ праздникомъ, Ивановна! И будьте здоровы! А борщъ и барашекъ у васъ, Ивановна, форменные... Настоящій хохлацкій борщъ!

— На то я и хохлушка. Съ праздникомъ!

Послѣ ужина напились чаю и зажгли сальную свѣчку.

Тогда Маркушка досталъ изъ-за пазухи свою, довольно захватанную и грязную книжку, подсѣлъ къ Бугаю и значительно произнесъ:

— Хотите послушать книжку, дяденька?

— Опять заскулишь рцы, мрцы... бра-вра?—промолвилъ старикъ усмѣхаясь.

— Я по настоящему, дяденька...

— Что-жъ... Попытай!—недовѣрчиво сказалъ Бугай.

Затягивая слоги и повторяя слова съ серьезнымъ видомъ напряженнаго и нахмуреннаго лица, словно бы одолѣвавшаго необыкновенно трудныя препятствія, читая по книжному и нѣсколько монотонно-торжественно, не мѣняя интонаціи, Маркушка читалъ крошечный разсказикъ о великодушномъ львѣ.

Бугай, казалось, не вѣрилъ ушамъ.

Онъ пришелъ въ восторженное изумленіе. Несомнѣнно Маркушка читалъ по книжкѣ про льва. Маркушка являлся въ глазахъ Бугая болѣе необыкновеннымъ мальчикомъ, чѣмъ левъ, про котораго такъ-же напряженно слушалъ, какъ напряженно Маркушка читалъ.

Когда Маркушка, наконецъ, кончилъ и поднялъ глаза на старика, ожидая его приговора, Бугай глядѣлъ на мальчика, точно на героя, совершившаго нѣчто необыкновенное.

Словно бы еще не освободившійся отъ чаръ Маркушки и, пожалуй, отчасти и отъ чаръ полштофа, почти умиленный, Бугай въ первую минуту, казалось, не находилъ словъ.

И наконецъ воскликнулъ:

— Ну и башка. До чего дошелъ!

— И все можно понять, дяденька?—необыкновенно довольный спросилъ Маркушка.

— Чего еще лучше?.. Слушать лестно.

— Такъ я, дяденька, непремѣнно буду вамъ читать въ книжку...

— Спасибо, мой умникъ... Но только не тяжело ли читать по книжкѣ? Можетъ, ушамъ больно или брюхо что ли болитъ? — участливо освѣдомился Бугай, замѣтившій, какія гримасы выдѣлывалъ Маркушка при чтеніи.

Маркушка разсмѣялся. Онъ сказалъ, что ничего не болитъ и будетъ читать дяденькѣ.

Бугай ужъ не сомнѣвался, что такому башковатому

мальчику предстоитъ большая перемѣна жизни. Только выучится еще писать да пойдетъ въ обученіе — такъ покажетъ!.. Хоть въ генералы выйдетъ, ежели захочетъ по военной части.

Но пока Бугаю хотѣлось угостить будущаго генерала „дѣтскимъ припасомъ“, какъ называлъ старикъ все сладкое, и выпить еще стаканчикъ-другой по тому случаю, что Маркушка самъ выучился понимать по книжкѣ.

И Бугай надѣлъ полушубокъ и исчезъ.

Минутъ черезъ десять, онъ уже выложилъ передъ Маркушкой горку миндальныхъ пряниковъ, а передъ собой поставилъ полштофъ водки и двѣ рюмки, было убранныя.

Въ ту-же минуту вошла и Ивановна. Бугай ей поднесъ и спросилъ:

— Скажи, Ивановна, видала ты такого башковатаго мальчишку, какъ Маркушка?..

Ивановна охотно отвѣтила, что не видала.

И Бугай поднесъ ей другой стаканчикъ.

Скоро Маркушка прикончилъ пряники. И онъ, и Бугай, оба довольные другъ другомъ, нашли, что пора спать.

Прошла недѣля, и сестра милосердія зашла провѣдать Маркушку.

Бугай тотчасъ же разсказалъ, что нынче Маркушка обученый и читаетъ ему по книжкѣ.

— Ну-ка, прочти милосердной.

Маркушка прочелъ. Сестра Ольга похвалила мальчика и обѣщала дать ему новую книжку, прописи и бумаги.

„Рѣшительно надо заняться Маркушей!“ — думала она, взглядывая на мальчика, и, разумѣется, и не думала, что скоро ужь ей не придется никѣмъ и ничѣмъ заниматься.

Она видимо худѣла и покашливала. Замѣтили это Бугай и Маркушка и оба совѣтовали ей передохнуть.

— Въ свое мѣсто поѣхали-бы, милосердная!—сказалъ Бугай.

— Гдѣ ваше мѣсто?—спросилъ Маркушка.

— Далеко, милый!.. И я никуда не поѣду отсюда!—спокойно, рѣшительно отвѣтила она и прибавила:

— А развѣ, Маркуша, тебѣ кажется, что я такъ больна?

— Дюже похудали, милая барыня... Въ родѣ какъ покойная мамка, когда хворь на нее напала.

— Я не больная... Я поправлюсь!—промолвила сестра и улыбнулась.

Но въ этой ласковой улыбкѣ было что-то безконечно тоскливое.

II.

КНЯЗЬ Меншиковъ болѣлъ. Испытывавшій и нравственныя, и физическія страданія, онъ большую часть времени лежалъ въ постели, не могъ заниматься дѣлами и никого не принималъ къ себѣ.

Армія была безъ главнокомандующаго.

Наконецъ, въ февралѣ, Меншиковъ просилъ о немедленномъ увольненіи его.

Не выждавши новаго, онъ сдалъ въ одинъ день командованіе начальнику севастопольскаго гарнизона генералу барону Сакену и уѣхалъ въ Симферополь брать ванны.

Просьба Меншикова уже была предупреждена.

До полученія ея, Императоръ Николай, уже больной, за два дня до своей смерти, велѣлъ Наслѣднику Александру Николаевичу написать своему любимцу объ увольненіи, ссылаясь на болѣзнь главнокомандующаго, о которой онъ не разъ доводилъ до свѣдѣнія Государя черезъ разныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ съ донесеніями князя.

Никакая награда не сопровождала любезнаго по формѣ рескрипта.

Одновременно, по приказанію Государя, Наслѣдникъ написалъ князю М. Д. Горчакову о назначеніи его главнокомандующимъ крымской арміи.

III.

ВЪ первое время многіе обрадовались новому главнокомандующему.

„Онъ привелъ съ собой свѣжія войска,—писалъ одинъ изъ участниковъ войны,—обширную власть и неограниченныя средства, а—главное—поднялъ нравственный духъ войскъ. Всѣ надѣялись, что онъ начнетъ смѣлыя наступательныя дѣйствія и сдѣлаетъ блистательный переворотъ кампаніи".

Ввелъ въ такое заблужденіе главнокомандующій.

Самъ по характеру далеко не рѣшительный, писавшій военному министру, что край истощенъ и что продовольствіе, одежда, госпитали и пути сообщенія невозможны, князь Горчаковъ еще съ самаго пріѣзда не вѣрилъ въ возможность успѣха.

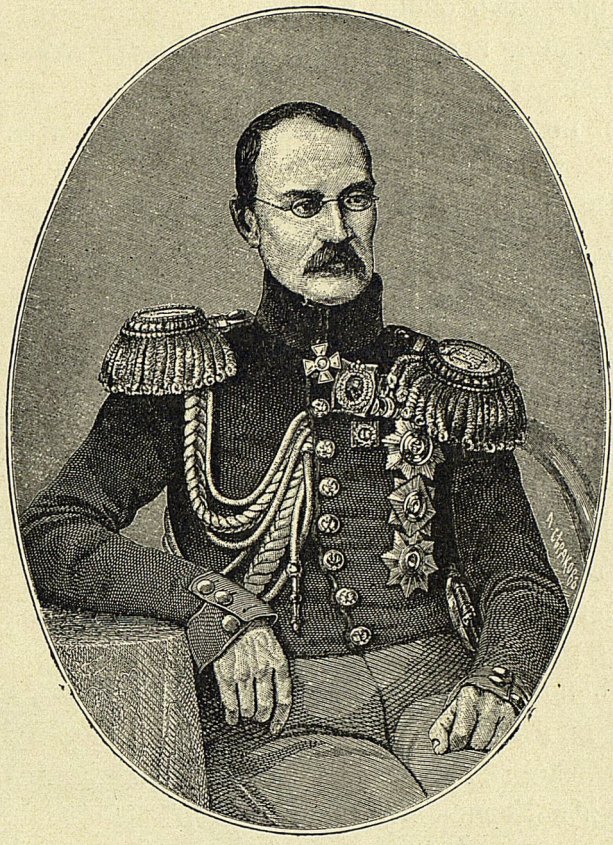
Но въ приказѣ по арміи, между прочимъ, писалъ: „Самое трудное для васъ время миновало: — пути возстановляются, подвозы всякаго рода запасовъ идутъ безостановочно, и сильныя подкрѣпленія, къ вамъ на помощь направленныя, сближаются".

И приказъ оканчивался упованіемъ главнокомандующаго на то, что „вскорѣ, съ Божіей помощью, конечный успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія и что мы оправдаемъ ожиданія нашего Государя и Россіи".

Прошелъ мѣсяцъ и радость такъ-же скоро исчезла, какъ и явилась.

Подходили постепенно и подкрѣпленія, но ежеднев-

ная потеря людей на бастіонахъ была такъ велика, что надо было пополнять гарнизонъ. Горчаковъ просилъ большихъ подкрѣпленій, но вначалѣ получить ихъ не могъ. А непріятель усиливался. Послѣ взятія нашихъ передовыхъ редутовъ, обращенныхъ непріятелемъ въ свои,—



Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

бомбардировки наносили сильный вредъ бастіонамъ, убивали массу защитниковъ и уже обращали Севастополь въ развалины.

Горчаковъ не разъ подумывалъ оставить Севастополь, но не рѣшался на этотъ поступокъ безъ разрѣшенія, тѣмъ болѣе, что и по военнымъ законамъ можно оставить крѣпость только по отбитіи трехъ штурмовъ.

Императоръ Александръ Николаевичъ разрѣшилъ только въ крайнемъ случаѣ заключить капитуляцію, но ни въ какомъ случаѣ не соглашаться на сдачу гарнизона.

„Эта мѣра крайняя и которую Я бы желалъ избѣгнуть“,—прибавлялъ въ рескриптѣ Государь.

И Горчаковъ снова колебался.

— Видали вы подлость? — спросилъ однажды Нахимовъ у одного сослуживца.

Тотъ не понималъ, о какой подлости говорилъ Нахимовъ.

— Видали ли вы подлость? Развѣ не видѣли, что готовятъ мостъ черезъ бухту?

Нахимовъ не могъ допустить мысли объ оставленіи Севастополя. Онъ не сомнѣвался, что надо только умереть, защищая его.

Князь Горчаковъ, совершенно справедливо считавшій свое положеніе отчаяннымъ, тѣмъ не менѣе откладывалъ свою мысль оставить городъ, отбивавшійся уже 9 мѣсяцевъ. Онъ понималъ, какимъ нареканіямъ подвергнется его репутація, если онъ оставитъ Севастополь, не отбивъ хотя одного штурма. Но въ то-же время сознавалъ, что, упорствуя въ дальнѣйшей защитѣ города, все равно обреченнаго, онъ потеряетъ и армію. Только „миръ, чума или холера могутъ мнѣ помочь“—писалъ онъ военному министру.

Но нѣсколько позже, когда приближались подкрѣпленія, князь Горчаковъ говорилъ *):

— Я все „еще не могу рѣшиться оставить Севастополь. При настоящемъ положеніи дѣлъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ попытать счастіе въ отбитіи штурма. Но если непріятель вмѣсто того, чтобы штурмовать, возобновитъ ужасное и продолжительное бомбардированіе, я буду вынужденъ отдать ему городъ, ибо онъ истолчетъ какъ въ ступѣ не только настоящій гарнизонъ, но и всю армію.

*) Исторія Севаст. обороны, томъ III, стр. 244.

Въ числѣ защитниковъ на четвертомъ бастіонѣ былъ и Маркушка... (стр. 193).

Предыдущее бомбардированіе доказываетъ это. Пополнивъ необходимыя потери новыми полками, я кончу тѣмъ, что городъ возьмутъ приступомъ, и тогда мнѣ не съ чѣмъ будетъ держаться въ полѣ".

И Горчаковъ въ своемъ донесеніи Государю писалъ, что „не только нельзя надѣяться на какой-либо успѣхъ, но даже можно опасаться большихъ неудачъ".

Но вскорѣ успѣхъ обнадежилъ защитниковъ.

Первый штурмъ былъ отбитъ.

Въ числѣ защитниковъ на четвертомъ бастіонѣ былъ и Маркушка.

Зимой и весной онъ и не думалъ быть тамъ. По-прежнему онъ былъ неразлученъ со своимъ другомъ, пѣстуномъ и поклонникомъ, вмѣстѣ перевозилъ пассажировъ, бесѣдовалъ о войнѣ, о новомъ главнокомандующемъ (и Бугай и Маркушка находили, что онъ въ очкахъ не имѣетъ „надежнаго вида" и похожъ на филина), вмѣстѣ коротали вечера въ новой квартирѣ на Сѣверной сторонѣ, послѣ того, какъ домишко солдатки былъ разрушенъ бомбой. И Маркушка читалъ Бугаю книжки и однажды даже поднесъ ему письмо.

Бугай не зналъ, что оно было написано довольно смѣлыми каракулями и со смѣлой орѳографіей, но разсматривалъ его съ необыкновеннымъ почтеніемъ и предрекалъ Маркушкѣ „вытти въ генералы". И совсѣмъ умилился, когда Маркушка прочиталъ ему:

„Дяденька Бугай. Я никогда не оставлю тебя!"

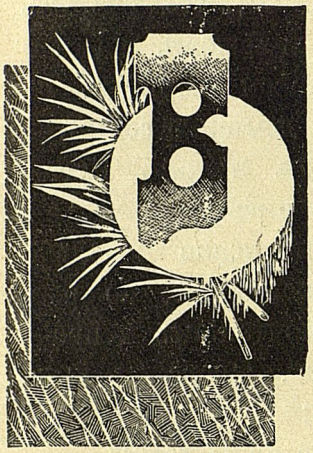
Но на второй же день Пасхи, когда началась одна изъ адскихъ бомбардировокъ, Бугай оставилъ Маркушку навсегда, убитый осколкомъ около госпиталя въ морскомъ клубѣ, куда ходилъ справиться о милосердной.

Тамъ Маркушка увидалъ убитаго Бугая и узналъ, что „добрая барыня" на-дняхъ умерла.

Маркушка остался совсѣмъ одинокимъ.

ГЛАВА XIII.

I.



Ъ этотъ день, обезумѣвшій отъ горя Маркушка не отходилъ отъ покойнаго Бугая.

Маркушка заглядывалъ въ строго-вдумчивое мертвое лицо друга и пѣстуна и о чемъ-то шепталъ, что то обѣщалъ ему. Онъ то плакалъ, то ругалъ „француза“ и грозилъ ему. И тогда заплаканные глаза мальчика зажигались огонькомъ.

Маркушка видѣлъ, какъ Бугая отнесли на барказъ, полный другими мертвецами. Онъ тоже сѣлъ на барказъ и смотрѣлъ, какъ Бугая, вмѣстѣ съ многими убитыми, зарыли въ братской могилѣ на Сѣверной сторонѣ, послѣ короткаго отпѣванія старымъ батюшкой.

Послѣ этого Маркушка съ озлобленнымъ и вызывающимъ лицомъ мальчика, принявшаго, казалось, какое-то важное рѣшеніе, пошелъ быстрыми шагами къ пристани.

Тѣмъ временемъ нѣсколько яличниковъ — большей частью отставные матросы-старики — въ ожиданіи пассажировъ, рѣшали судьбу Маркушки, котораго всѣ любили и жалѣли.

Рѣшили, что надо пріютить и не обижать мальченку, чтобы ему было такъ же хорошо, какъ и у Бугая. Не даромъ же Маркушка былъ приверженъ, какъ собаченка... Рѣшили, что надо присмотрѣть и за имуществомъ Бугая, оставленнымъ Маркушкѣ.

— А вотъ и Маркушка!—воскликнулъ кто-то.

Но прежде чѣмъ объявить ему о своемъ рѣшеніи, яличники накормили Маркушку, и затѣмъ уже сѣдой какъ лунь старикъ, въ шлюпкѣ котораго Маркушка пообѣдалъ тѣмъ, что надавали ему яличники,—сказалъ:

— Никто какъ Богъ, Маркушка. А ты при насъ останешься. Въ рулевыхъ останешься!

— Небойсь, никто не обидитъ.

— Всякій яличникъ возьметъ такого рулевого!

— Дяденька!—началъ было Маркушка.

Но сѣдой какъ лунь яличникъ строго остановилъ Маркушку:

— Сперва слухай, что люди говорятъ! На то ты въ родѣ корабельнаго юнги! Послѣ обскажешь, Маркушка!

И съ разныхъ сторонъ говорили Маркушкѣ:

— За тебя Богу отвѣтимъ, Маркушка! Потому вовсе ты сирота!

— Не пропьемъ!—засмѣялся кто-то изъ „дяденекъ“, особенно склонный къ пропиванію вещей, когда не было денегъ.

— Яликъ твой въ родѣ въ „ренду“ сдадимъ за правильную цѣну.

— Деньги твои сбережемъ.

— И Бугая вещи, которыя тебѣ не нужны, продадимъ!

— А платье его носи на здоровье... Только укоротить маленько!

— А тебя, Маркушку, разыграемъ. Чтобъ никому не было обидно!

— Набросаемъ въ шапку по мѣченой уключинѣ. Чью вытянешь—къ тому и въ подручные!

— Положимъ жалованье. Фатеру и харчъ... А водки не будетъ, Маркушка!

Когда всѣ эти грубоватыя и сочувственныя слова смолкли, Маркушка взволнованно проговорилъ:

— Спасибо, добрые дяденьки!.. Но только не останусь въ рулевыхъ!

Слова Маркушки удивили старыхъ яличниковъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

И, наконецъ, раздались голоса:

— Уйдешь, значитъ, изъ Севастополя, Маркушка?

— Это ты надумалъ съ разсудкомъ, Маркушка!.. Не долга—здѣсь и убьютъ мальченку!

Всѣ обѣщали обрядить Маркушку какъ слѣдуетъ.

Яликъ его продадутъ и будетъ сирота съ карбованцами. Карбованцы обмѣняютъ на бумажки, зашьютъ въ тряпицу и повѣсятъ на грудь, а на руки на рубль мелкихъ денегъ дадутъ. И парусинную котомку справятъ. И сапоги купятъ.

— Однимъ словомъ, хоть до самаго Петербурга иди, Маркушка!

Однако всѣ совѣтовали такъ далеко не ходить, чтобъ быть ближе къ Севастополю.

И многіе посылали въ Семферополь, Перекопъ и Бериславль. У одного жилъ братъ при мѣстѣ; у другого сестра замужемъ за лавочникомъ; у третьяго внукъ въ кучерахъ. Всѣ охотно помогутъ такому башковатому мальченкѣ поступить на мѣсто.

Не желая обижать „дѣдушку“—того самаго старика, который ужъ разъ остановилъ Маркушку,—мальчикъ нетерпѣливо слушалъ, и когда яличники замолчали, обиженно и негодующе воскликнулъ:

— Изъ Севастополя не уйду...

Всѣ посмотрѣли на Маркушку.

— Куда-жъ ты дѣнешься, Маркушка?—спросилъ „дѣдушка“.

— На баксіонъ пойду!

— Убьютъ тамъ тебя, чертенка!

— И пусть! За то я и „француза“ убью...

— Пальцемъ, что ли?

— Не бойсь, найду чѣмъ...

Мальчики, защитники Севастополя.

Напрасно яличники и отсовѣтовали, и подсмѣивались надъ Маркушкой.

Онъ рѣшительно сказалъ, что пойдетъ на баксіонъ.

— Такъ и пустятъ мальченку на разстрѣлъ!

— Пустятъ! Одинъ мальчикъ изъ мортирни на баксіонѣ во французовъ палитъ. И есть мальчики, которые защищаютъ Севастополь! Я за тятьку и дяденьку Бугая, можетъ, десять французовъ убью!—прибавилъ возбужденно Маркушка, сверкая глазами.

— Обезумѣлъ ты, Маркушка! — протянулъ „дѣдуш-

ка“.—Если Богъ дастъ, живъ сегодня останешься и одумаешься на баксіонѣ, — вечеромъ же вали ко мнѣ, Маркушка! Я на Николаевской батареѣ.

Маркушка молчалъ.

Онъ не сомнѣвался, что не придетъ къ дѣдушкѣ.

Маркушка, еще не пережившій остроты горя, не забылъ, что, обезумѣвъ при видѣ убитаго Бугая, далъ покойнику слово отомстить за него и за отца проклятому „французу“, который убиваетъ столько людей.

Подходили пассажиры. Нѣсколько человѣкъ сѣло въ шлюпку дѣдушки.

Маркушка по привычкѣ сѣлъ на руль. Дѣдушка перекрестился, поплевалъ на мозолистыя ладони и загребъ.

День былъ прелестный. Тепло и мертвый штиль. Солнце не жарило. Стояла чудная крымская весна.

— Спаси тебя Господь, отчаяннаго,—строго и вдумчиво протянулъ дѣдушка, когда шлюпка пристала къ Севастополю.

Съ этими словами, яличникъ перекрестился и перекрестилъ Маркушку, словно бы благословлялъ этого отчаяннаго мальчика на глупый поступокъ, который все-таки тронулъ старика.

И, пожимая руку мальчика, прибавилъ:

— Мнѣ вотъ пора умирать, а тебѣ, дураку, надо жить!.. Оставайся. Все равно Севастополю конецъ!

II.

МАРКУШКА побѣжалъ по улицамъ Севастополя, мимо домовъ, пронизанныхъ ядрами съ заколоченными окнами. Чѣмъ дальше шелъ Маркушка, тѣмъ болѣе было пустыхъ, разрушенныхъ домовъ и развалинъ.

Улицы были пусты. Только, прижимаясь къ стѣнамъ,

проходили солдаты. Часто встрѣчались носилки съ ранеными. Изрѣдка пробирались бабы, направляясь на бастіоны къ мужьямъ. Палисадники зеленѣли, и акаціи расцвѣтали. Природа радовалась, ликовала веснѣ. Но люди были сосредоточеннѣй и сердитѣй, по мѣрѣ приближенія къ оборонительной линіи.

Вотъ и театръ въ развалинахъ и за нимъ прежній бульваръ съ свѣжей зеленью немногихъ оставшихся деревьевъ. Зеленѣли уцѣлѣвшіе кустарники, поднималась роскошная трава.

Здѣсь же, какъ пчелки, повизгивали тысячи пуль и шлепались на землю. Свистѣли ядра и разрывались бомбы. Никого не было видно. Всѣ, шедшіе на бастіоны, шли траншейками, вившимися зигзагами вокругъ. Но Маркушка не зналъ или забылъ ихъ и летѣлъ, какъ стрѣла, прямикомъ по „Грибку“, испуганный и въ то же время обрадованный, что бѣжитъ на четвертый бастіонъ и убьетъ француза.

Маркушка, казалось, и не понималъ, какой опасности подвергался онъ, и въ возбужденной головѣ его проносились мысли и о томъ, какъ онъ „побѣдитъ“ француза и о томъ, что онъ совершитъ какой-нибудь подвигъ, и ему дадутъ Георгіевскій крестъ. И онъ вдругъ замиралъ отъ страха и прилегалъ на землю, жмуря глаза и повторяя „Отче Нашъ“, единственную молитву, которую зналъ — когда бомба вертѣлась, шипя горѣвшей трубкой почти рядомъ съ нимъ.

И снова вскакивалъ и летѣлъ и, наконецъ, задыхавшійся прибѣжалъ на четвертый бастіонъ.

Тамъ стоялъ ревъ отъ выстрѣловъ, и все было застлано дымомъ. То и дѣло откатывались и заряжались орудія. На бастіонъ сыпались ядра и пули. Молча стояли у орудій матросы. Раздавались стоны раненыхъ. И ихъ куда-то уносили.

Маркушка рѣшительно не могъ сообразить положенія

бастіона. Онъ только видѣлъ изрытую землю, осыпавшіеся брустверы и почернѣвшихъ отъ дыма людей, наполнявшихъ площадку за насыпью.

Никто не обратилъ вниманія на Маркушку.

Въ это самое время четвертый бастіонъ съ особенной силой отбивался отъ новой французской батареи, громившей бастіонъ.

На людяхъ Маркушка забылъ страхъ. Онъ точно опьянѣлъ. Точно какая-то волна прилила къ сердцу, и онъ бросился къ сложеннымъ пирамидкой ядрамъ и сталъ подавать ихъ зарядчику. Вдругъ около орудія упала бомба. Всѣ прилегли. Маркушка внезапно вырвалъ горѣвшую трубку, бросилъ ее за банкетъ и подбѣжалъ къ орудію, у котораго подавалъ снаряды.

— Ай да мальчишка!

— Молодца!

— Ничего не боится...

— И вовсе маленькій!

Эти восклицанія матросовъ не заставили Маркушку возгордиться собой.

Онъ былъ слишкомъ возбужденъ воинственнымъ настроеніемъ, полнымъ чего-то злого и жестокаго, напоминающаго звѣрька, озлобленнаго на охотника, и, разумѣется, и не думалъ, что совершилъ подвигъ, рискуя жизнью.

Свидѣтелемъ этого подвига былъ начальникъ бастіона, Николай Николаевичъ Бѣльцовъ, пожилой морякъ въ солдатской шинели съ штабъ-офицерскими погонами и съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ. Онъ всю осаду пробылъ на бастіонѣ, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣвшій. На легкую рану въ руку пулей на вылетъ, полученную еще въ началѣ осады, онъ не обращалъ вниманія и послѣ перевязки возвратился опять „домой“, какъ называлъ онъ свой бастіонъ.

Его, заросшее темными волосами, темное лицо, подъ

Маркушка внезапно вырвалъ горѣвшую трубку... (стр. 200).

нависшими бровями съ темными глазами, казалось суровымъ. Нѣсколько сутуловатый, онъ хладнокровно и спокойно взглядывалъ въ подзорную трубу на непріятельскія батареи и только нервно пожималъ плечами, когда наши снаряды ложились неправильно, то-есть не несли смерти непріятелю. И тогда онъ самъ повѣрялъ наводку.

— Ты зачѣмъ здѣсь, мальчикъ?—окрикнулъ морякъ.

Маркушка подумалъ, что этотъ суровый человѣкъ, съ длинной бородой, сейчасъ же прогонитъ его съ бастіона и Маркушкѣ не придется пристрѣлить француза.

Маркушка струсилъ.

И виновато, и смущенно отвѣтилъ:

— Прибѣжалъ изъ города.

— Ты кто?

— Сирота... Отца Игната Ткаченко здѣсь же убили... И яличника Бугая убили... Дозвольте остаться, ваше-скобродіе,—упрашивалъ мальчикъ.

— Приди послѣ ко мнѣ.

Къ вечеру французскія батареи смолкли. Смолкъ и четвертый бастіонъ. Многихъ защитниковъ не досчитывались.

Матросы отошли отъ орудій и могли отдохнуть. Солдаты и рабочіе стали исправлять поврежденія бастіона, чтобы къ раннему утру бастіонъ снова могъ отвѣчать непріятелю.

Матросы поужинали, и у многихъ блиндажей появились самовары и котелки. За чаемъ шли разговоры. Точно разговаривали не люди, готовые завтра же разстаться съ жизнью.

Маркушка былъ обласканъ. Всѣ наперерывъ угощали мальчика и разспрашивали, кто онъ и зачѣмъ пришелъ. На бастіонѣ еще остался одинъ, оставшійся въ живыхъ, матросъ, товарищъ отца Маркушки, и поэтому онъ считалъ себя имѣвшимъ больше всего правъ на мальчика.

И небольшого роста пожилой матросъ Кащукъ сказалъ ему:

— Ты, Маркушка, при моей „орудіи“ будешь... И со мной ѣшь. И слухай меня. — Не высовывайся зря — убьютъ!..

— Все равно убьютъ!—сказалъ кто-то.

— А ты не каркай!—сердито сказалъ пожилой матросъ.—Убьютъ, такъ убьютъ, а смерть не накликай зря...

— Къ батарейному, Маркушка!—проговорилъ вѣстовой батарейнаго командира.

Маркушка испуганно проговорилъ Кащуку:

— Онъ приказывалъ придти къ нему, а я забылъ.

— Не бойся батарейнаго, Маркушка... Онъ только съ виду страшный, а самъ „доберъ“. Онъ и большихъ не обижаетъ, а не то что мальченка. Бѣги къ батарейному.

— Валимъ въ блиндажъ!

Вѣстовой велѣлъ Маркушкѣ спускаться за нимъ по крутой лѣстницѣ у двери на площадкѣ бастіона.

Маркушка вошелъ въ крошечную комнату, гдѣ стояли кровать, маленькій столикъ и табуретка. Коверъ былъ прибитъ къ стѣнѣ, около кровати, и на немъ висѣлъ сдѣланный арестантомъ масляный портретъ мальчика-подростка, единственнаго сына Николая Николаевича, мѣсяцъ тому назадъ погибшаго отъ скарлатины въ Бериславлѣ, куда мальчикъ былъ отправленъ отцомъ къ своей сестрѣ.

Николай Николаевичъ давно вдовѣлъ; послѣ смерти сына онъ остался совсѣмъ одинокимъ. Обыкновенно молчаливый, онъ сталъ еще молчаливѣе и спасался отъ тоски заботами о бастіонѣ, который привыкъ считать своимъ хозяйствомъ, и смотрѣлъ за нимъ съ необыкновенною любовью.

Онъ давно уже сдѣлалъ распоряженіе на случай смерти, о которой не думалъ. Послѣ девяти мѣсяцевъ на четвертомъ бастіонѣ, гдѣ на глазахъ Николая Никс-

лаевича было столько убито и смертельно ранено людей— онъ смотрѣлъ на нее, какъ на что-то неизбѣжное и не страшное. Если еще живъ, то завтра—ядро или пуля вычеркнетъ его изъ живыхъ.

И, любимецъ Нахимова, такой же скромный и неустрашимый человѣкъ, Николай Николаевичъ повторялъ слова адмирала:

— Или отстоимъ, или умремъ!

Скопленныя морякомъ двѣ тысячи онъ давно завѣщалъ раненымъ матросамъ съ фрегата „Коварный", которымъ командовалъ пять лѣтъ и на которомъ не особенно муштровалъ людей въ тѣ времена, когда жестокость была въ модѣ.

Въ своемъ блиндажикѣ Николай Николаевичъ жилъ девять мѣсяцевъ, и когда предложили ему „отдохнуть" и перебраться на Сѣверную сторону, онъ отвѣтилъ, что не усталъ и остался, какъ онъ говорилъ, „дома".

Послѣ того, какъ командиръ бастіона обошелъ батарею и указалъ что надо исправить, онъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ и, отхлебывая маленькими глотками чай, попыхивалъ дымомъ изъ толстой, скрученной имъ самимъ папироски.

У себя онъ былъ задумчивъ и серьезенъ. Что-то грустное было въ выраженіи его широковатаго серьезнаго лица, заросшаго темными волосами, и особенно отражалось въ глазахъ, когда Николай Николаевичъ взглядывалъ на коверъ, съ котораго глядѣлъ на него портретъ.

Еще было совсѣмъ свѣтло.

Свѣтъ яркаго, догорающаго дня проходилъ въ подземелье сквозь четырехугольное отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ. Оно было закрыто не рамой, а кисейной занавѣской.

— Какъ тебя звать? — спросилъ Николай Николаевичъ.

— Маркушкой, вашескобродіе.

— А меня зовутъ Николаемъ Николаевичемъ. Такъ и зови!

— Слушаю.

— Кормили?

— Кормили, Николай Николаичъ.

— Сытъ?

— Очень даже сытъ.

— Такъ разсказывай гдѣ жилъ и зачѣмъ сюда пришелъ?

Маркушка разсказалъ о томъ, что съ нимъ было со времени осады. Разсказалъ о томъ, какъ пріютилъ Бугай, какой онъ былъ добрый къ нему.

— Сегодня его убило бомбой... Я видѣлъ, какъ его схоронили. И прибѣжалъ сюда... Дозвольте остаться, Николай Николаичъ.

— А если не оставлю?

— На другой „баксіонъ“ уйду, Николай Николаичъ.

— Развѣ не видѣлъ, что здѣсь?

— Дозвольте остаться, Николай Николаичъ!—повторилъ Маркушка.

— Оставайся... Богъ съ тобой...

— Премного вами благодаренъ, Николай Николаичъ.—радостно сказалъ мальчикъ.—Я при дяденькѣ Кащукѣ... Онъ отца зналъ...

— И я зналъ твоего отца... хорошій былъ матросъ... Но ты молодецъ... Не побоялся броситься къ бомбѣ и вырвать трубку... За твой подвигъ получишь медаль на георгіевской лентѣ. Я скажу Павлу Степановичу...

И Николай Николаичъ ласково потрепалъ по щекѣ Маркушку.

Онъ вспыхнулъ отъ радостнаго, горделиваго чувства. И съ ребячьимъ восторгомъ спросилъ:

— И можно будетъ ее носить?

— А то какъ-же? Надѣнешь на рубашку и носи...

А я велю тебѣ сшить и рубашку, и штаны... Будешь маленькимъ матросикомъ.

Николай Николаевичъ смотрѣлъ на мальчика, и лицо батарейнаго командира далеко не казалось теперь суровымъ.

Напротивъ, оно было необыкновенно ласковое и грустное. Особенно были грустны его глаза.

И въ словахъ батарейнаго командира звучала безнадежно тоскливая нота, когда онъ спросилъ:

— Тебѣ сколько лѣтъ, Маркушка?

— Двѣнадцатый.

„И Колѣ былъ двѣнадцатый!“—вспомнилъ онъ.

Николай Николаевичъ не хотѣлъ отпускать этого быстроглазаго мальчика, напоминавшаго осиротѣвшему отцу его мальчика.

И онъ спрашивалъ:

— Такъ ты, говоришь, рулевымъ былъ?

— Точно такъ.

— И, говоришь, выучился читать?

— И маленько писать... Милосердная показывала...

— Молодецъ, Маркушка...

И Николай Николаевичъ опять потрепалъ Маркушку и призадумался.

— Ну что-жъ... будь защитникомъ... На батареѣ Шварца есть одинъ такой же мальчикъ. Изъ мортирки стрѣляетъ... И Богъ его спасаетъ...

— Дозвольте и мнѣ стрѣлять, Николай Николаичъ!..

— Ишь какой... Прежде выучись...

— Я выучусь... Только дозвольте попробовать.

Батарейный командиръ разрѣшилъ попробовать завтра и отпустилъ Маркушку, испытывая къ мальчику необыкновенную нѣжность.

На слѣдующее утро Нахимовъ, по обыкновенію обѣзжавшій оборонительную линію, вошелъ на четвертый бастіонъ.

Всѣ видимо обрадовались адмиралу.

Онъ сказалъ батарейному командиру, что непріятель обратилъ все свое вниманіе на Малаховъ курганъ и на третій бастіонъ...

— А главное передовые люнеты хотятъ взять... штурмомъ-съ... Прежде хотѣли черезъ четвертый бастіонъ взять Севастополь... А теперь стали умнѣе-съ... У васъ будетъ меньше бойни, Николай Николаевичъ. Вчера вы ловко взорвали у нихъ погребъ и сбили новую батарею...

И Нахимовъ сталъ обходить орудія и похваливалъ матросовъ.

— А это что за новый у васъ, Николай Николаевичъ, комендоръ-съ?—спросилъ, добродушно улыбаясь, Нахимовъ, указывая на Маркушку, который подъ наблюденіемъ Кащука наводилъ маленькую мортирку.

Батарейный командиръ доложилъ адмиралу о Маркушкѣ, объ его вчерашнемъ подвигѣ и объ его настоятельной просьбѣ попробовать стрѣлять изъ мортирки.

Нахимовъ выслушалъ и, видимо взволнованный, проговорилъ:

— Нынче и дѣти герои-съ.

И, подойдя къ Маркушкѣ, сказалъ:

— Слышалъ... Молодчина, мальчикъ... Завтра принесу медаль... Заслужилъ... Пальни-ка!

Маркушка выстрѣлилъ.

— Онъ понятливый, Павелъ Степановичъ! — доложилъ его „дядька“.

— То-то... матросскій сынъ... А гдѣ я тебя видѣлъ, Маркушка?

Маркушка сказалъ, что приносилъ Нахимову записку въ день Синопскаго сраженія.

— Рулевымъ былъ на яликѣ...

— Точно такъ, Павелъ Степановичъ—отвѣтилъ Маркушка и сіялъ, полный горделиваго чувства отъ похвалъ Нахимова.

— Поберегай Маркушку, Кащукъ,— промолвилъ адмиралъ и пошелъ съ бастіона.

Черезъ недѣлю Маркушка былъ общимъ любимцемъ на бастіонѣ.

Онъ отлично стрѣлялъ изъ мортирки и злорадно радовался, когда бомба падала на непріятельскую батарею.

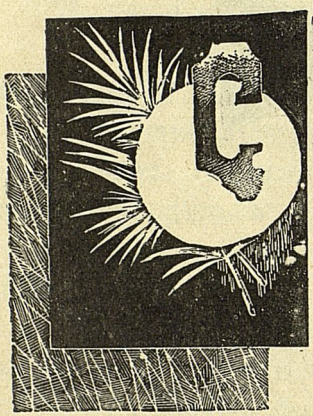
Казалось, злое чувство къ непріятелю совсѣмъ охватило мальчика. Онъ забылъ все, что говорили ему про жестокость и ужасъ войны и молодой офицеръ, и сестра милосердія, и Бугай... Онъ дѣлалъ то, что дѣлали всѣ, и гордился, что и онъ, мальчикъ, убиваетъ людей... И какъ это легко.

И въ то время никакой внутренній голосъ не шепталъ ему:

„Что ты дѣлаешь, Маркушка? Опомнись!“

ГЛАВА XIV.

I.



ТОЯЛО чудное майское утро, когда началась адская бомбардировка противъ передовыхъ редутовъ, Малахова кургана и третьяго бастіона.

Непріятель хотѣлъ снести Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій люнеты.

Семьдесятъ три орудія были сосредоточены противъ нихъ, и союзники забрасывали эти дорогія для нихъ передовыя укрѣпленія, мѣшавшія непріятелю подступить къ Малахову кургану и всей корабельной сторонѣ.

На батареяхъ люнетовъ было отъ 60 до 90 зарядовъ

на орудіе, а союзники заготовили отъ 500 до 600 зарядовъ на каждое орудіе.

„Не отвѣчая на выстрѣлы нашихъ батарей, французы сыпали свои снаряды въ передовыя укрѣпленія, положивъ срыть ихъ съ лица земли,—пишетъ историкъ Севастопольской обороны.—Дымъ отъ выстрѣловъ покрывалъ собою всѣ батареи, горы, зданія и сливался въ одинъ непроницаемый туманъ, изрѣдка прорѣзываемый сверкавшими огоньками, вырывавшимися изъ дулъ орудій. Перекатной дробью звучали выстрѣлы, одинъ за другимъ сыпались снаряды, фонтаномъ подымая землю. Тучи чугуна врывались въ амбразуры, врѣзывались въ мерконы, срывая и засыпая ихъ. Въ редуты падало сразу по десяти и пятнадцати бомбъ“.

Ночью летѣли бомбы.

На слѣдующее утро Камчатскій люнетъ представлялъ изъ себя груды развалинъ.

Съ разсвѣтомъ бомбардировка возобновилась по всей лѣвой половинѣ нашей оборонительной линіи, направляя самые частые выстрѣлы на Малаховъ курганъ и на наши три передовыхъ редута.

Въ три часа по полудни была начата жестокая бомбардировка и противъ правой стороны оборонительной линіи.

Въ шесть часовъ у непріятеля взвились сигнальныя ракеты, и французы пошли на штурмъ трехъ редутовъ.

Разумѣется, 40.000 штурмующихъ колоннъ легко смяли незначительное количество нашихъ войскъ. Охрана такихъ важныхъ укрѣпленій была слишкомъ незначительна. Вдобавокъ одинъ генералъ приказалъ войска, прикрытія, бывшія въ его распоряженіи, отвести подальше именно въ день штурма, а войска не могли поспѣть во-время на встрѣчу штурмующимъ.

По словамъ историка обороны, въ Севастополѣ имѣ-

ли основаніе говорить, что редуты наши проданы непріятелю.

„Начальникъ Малахова кургана, капитанъ перваго ранга Юрковскій, просилъ генерала Жабокритскаго собрать войска, поставить на позицію и усилить гарнизонъ передовыхъ редутовъ, но тотъ, не отвѣчая прямо отказомъ, не дѣлалъ однако никакихъ распоряженій. Когда же послѣ полудня было получено отъ перебѣжчиковъ извѣстіе, что непріятель намѣренъ штурмовать три передовыя укрѣпленія, то генералъ Жабокритскій тотчасъ же оказался больнымъ и вмѣсто того, чтобы принять мѣры и усилить войска, онъ, не дождавшись себѣ преемника, уѣхалъ на Сѣверную сторону. Назначенный вмѣсто генерала Жабокритскаго начальникомъ войскъ Корабельной стороны, генералъ Хрулевъ прибылъ на мѣсто только за нѣсколько минутъ до штурма. Онъ не успѣлъ сдѣлать ни одного распоряженія, какъ непріятель двинулся въ атаку и овладѣлъ редутами“.

На „Камчаткѣ“, какъ звали Камчатскій люнетъ, чуть было не захватили въ плѣнъ Нахимова.

Онъ разумѣется послалъ и на разрушенный редутъ, откуда все еще слабо отстрѣливались, уцѣлѣвшія орудія, какъ вдругъ послышался: „штурмъ!“

Нахимовъ увидѣлъ, что французская бригада приближалась къ Камчаткѣ и приказалъ бить тревогу... Резервъ нашъ на Корабельной сторонѣ бросился на тревогу. Но едва изъ орудій сдѣлали одинъ выстрѣлъ картечью, какъ французы уже были въ редутѣ.

Тамъ было нѣсколько десятковъ матросовъ при орудіяхъ и триста пятьдесятъ солдатъ.

Офицеры были перебиты. Забирая въ плѣнъ нашихъ солдатъ, французы схватили адмирала, который, по обыкновенію, былъ въ эполетахъ и съ Георгіемъ за Синопъ на шеѣ.

Но матросы и солдаты успѣли выручить адмирала и отступить къ Малахову кургану.

Нѣсколько попытокъ отбить назадъ редуты оказались напрасными.

По словамъ одного севастопольца, потеря передовыхъ редутовъ подѣйствовала хуже предсмертныхъ извѣстій.

Всѣ громко говорили, что потеря редутовъ не по винѣ солдатъ, а по дурной охранѣ ихъ и благодаря болѣе чѣмъ странному распоряженію генерала Жабокритскаго.

Наши редуты принадлежали теперь непріятелю и оттуда съ близкаго разстоянія они громили Малаховъ курганъ. Вся корабельная сторона была въ развалинахъ. Въ Севастополѣ не было больше мѣста, куда бы не долетали снаряды. Пули летѣли міріадами въ амбразуры и наносили жестокія потери. Онѣ свистали теперь тамъ, гдѣ прежде не было слышно ихъ свиста.

И матросы, и солдаты жаловались, что начальство такъ близко подпустило непріятеля и „проморгало“ передовые редуты...

Послѣ двухъ дней жесточайшей бомбардировки, всѣ госпитали и перевязочные пункты были переполнены...

Главнокомандующій былъ въ самомъ уныломъ настроеніи и хотѣлъ оставить Севастополь.

— Хоть бы чѣмъ-нибудь кончилось! — говорили въ Севастополѣ и, разумѣется, шли нареканія на бездѣйствіе и нерѣшительность князя Горчакова, не рисковавшаго на сраженіе въ полѣ.

„Только Богу молится, а въ Севастополѣ бойня!“ — говорили многіе и желали штурма.

И черезъ нѣсколько дней севастопольцы дождались штурма.

II.

Чтобы подготовить успѣхъ штурма, непріятель рѣшилъ наканунѣ жестоко бомбардировать — то-есть засыпать наши бастіоны, городъ и войска снарядами изъ своихъ 587 орудій осадныхъ батарей.

Нечего и говорить, что орудія союзниковъ имѣли большое преимущество передъ нашими. Непріятель могъ сосредоточивать огонь на какомъ угодно пунктѣ оборонительной нашей линіи, а наши бастіоны поневолѣ должны были разсѣевать свои выстрѣлы на большое разстояніе. Часто наши десять орудій какой-нибудь батареи должны были отвѣчать на выстрѣлы пятидесяти орудій, сосредоточенныхъ противъ нея.

Кромѣ того непріятель имѣлъ вдосталь пороха и снарядовъ.

У насъ не было пороха въ достаточномъ количествѣ, и начальство отдало строгое приказаніе: не дѣлать выстрѣловъ болѣе опредѣленнаго имъ числа.

Доставка такой первой потребности для войны, какъ порохъ, съ самаго начала осады озабочивала сперва князя Меншикова и потомъ князя Горчакова. Бывали дни, когда въ Севастополѣ оставалось пороха только на пять дней.

Мы, дома, не могли своевременно и достаточно получить пороха, тогда какъ гости — союзники получали издалека моремъ все, что было нужно.

На каждое орудіе непріятеля полагалось отъ 400 до 500 зарядовъ въ день.

Самое большое количество зарядовъ на орудіе на нашихъ бастіонахъ и батареяхъ не превышало 170-ти. Да и тратить ихъ могли только тѣ орудія, которыя должны были особенно энергично стрѣлять во время усиленныхъ бомбардировокъ и при штурмѣ. Остальныя орудія имѣли по 70, 60, и 30 и даже по 5-ти зарядовъ на орудіе.

За нѣсколько дней до перваго штурма Севастополя, съ нашихъ „секретовъ“, то-есть съ далеко выдвинутыхъ къ непріятельскимъ батареямъ сторожевыхъ постовъ, на которыхъ ночные часовые, преимущественно пластуны, притаившись къ землѣ, въ ямахъ или за камнями, высматривали, что дѣлается у непріятеля—съ „секретовъ“ доносили, что къ непріятельскимъ батареямъ каждую ночь подвозятъ новые орудія и снаряды.

Перебѣжчики сообщали, что союзники стягиваютъ свои войска къ Севастополю и уже собрано сто семьдесятъ тысячъ, чтобы штурмовать лѣвый флангъ нашей обороны—второй, третій бастіоны и Малаховъ курганъ.

Начальникъ штаба, котораго севастопольцы прозвали за его нѣмецкій формализмъ и страсть къ перепискѣ „бумажнымъ генераломъ“ и „старшимъ писаремъ“, низенькій, прилизанный, не считавшій себя въ правѣ даже выразить какое-нибудь свое мнѣніе—докладывалъ главнокомандующему о словахъ перебѣжчиковъ и донесеніяхъ съ секретовъ. Князь Горчаковъ велѣлъ усилить оборону нашего лѣваго фланга. И безъ того удрученный своимъ положеніемъ, онъ сталъ еще подавленнѣе, ожидая, что штурмъ заставитъ сдать городъ и, пожалуй, армію, чтобы спасти ее отъ уничтоженія...

— Все въ Божіей волѣ, дорогой мой генералъ!—по обыкновенію по-французски, тоскливо промолвилъ главнокомандующій, словно бы отвѣчая себѣ на свои тяжелыя думы о Севастополѣ.

— Точно такъ, князь!—отвѣчалъ начальникъ штаба, стараясь, по обыкновенію, быть эхомъ главнокомандующаго.

— А въ Петербургѣ совѣтуютъ дать сраженіе непріятелю. Развѣ не сумасшествіе?.. Непріятель гораздо сильнѣе и позиція его неприступная.

— Точно такъ, князь.

— А отобьемъ-ли штурмъ? На Господа только надежда.

— Никто какъ Богъ, князь!

Такъ поддакивалъ начальникъ штаба. Потомъ онъ такъ-же поддакивалъ князю, когда, подъ вліяніемъ присланнаго изъ Петербурга генерала барона Вревскаго, главнокомандующій не считалъ сумасшествіемъ дать сраженіе.

„При всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ князь Горчаковъ, — говоритъ историкъ Севастопольской обороны, — не имѣлъ твердости довести начатое дѣло до конца. Придавая часто большее значеніе мелочнымъ и неважнымъ извѣстіямъ, онъ поминутно мѣнялъ свои предположенія и не рѣшался привести ихъ въ исполненіе. Совѣтуя другимъ брать больше на себя, быть рѣшительными и не падать духомъ, князь Горчаковъ самъ терялся при первой неудачѣ и даже при однихъ слухахъ, неблагопріятныхъ для задуманнаго имъ предпріятія. Какъ бы сомнительны ни были эти слухи, князь колебался въ своихъ распоряженіяхъ и только при постороннемъ вліяніи, которому поддавался весьма легко, при энергическомъ настаиваніи, онъ въ состояніи былъ разсѣять свои ложныя опасенія. Къ сожалѣнію, человѣкъ, легко подчиняющійся вліянію постороннихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ лишенъ самостоятельности, не имѣетъ опредѣленнаго направленія и характера дѣйствія. Весьма часто такія лица слѣдуютъ или болѣе рѣшительному настоянію, или послѣднему мнѣнію. Если до истеченія іюня и половины іюля князь Горчаковъ покинулъ мысль объ оставленіи Севастополя и даже мечталъ о возможности наступательныхъ дѣйствій, то онъ обязанъ былъ тѣмъ генералъ-адъютанту Вревскому“.

III.

На разсвѣтѣ чуднаго іюньскаго утра, дышавшаго прохладой, въ французскихъ траншеяхъ прозвучали трубы. Эти звуки не то призыва, не то молитвы были мгновенно подхвачены на англійскихъ батареяхъ.

Какъ только трубы смолкли, раздался залпъ со всѣхъ 587-ми орудій непріятеля. Началась четвертая, усиленная общая бомбардировка Севастополя.

„Послѣ нѣсколькихъ минутъ стрѣльбы — сообщаетъ одинъ очевидецъ — надъ Севастополемъ стоялъ густой, непроницаемый мракъ дыма. Сильнаго звука выстрѣловъ уже не было слышно; все слилось въ одинъ оглушающій трескъ. Воздухъ былъ до того сгущенъ, что становилось трудно дышать. Испуганныя птицы метались въ разбитыя окна домовъ, подъ крышами которыхъ искали спасенія.“

Французы продолжали стрѣлять залпами.

Взошло солнце. Легкій вѣтеръ разсѣялъ дымъ. Стрѣльба стала ожесточеннѣе. Особенно сильно обстрѣливались Малаховъ курганъ, 1, 2, 3 бастіоны и лѣвая половина 4-го. Корабельная сторона была въ развалинахъ.

Въ городѣ не было безопаснаго мѣста. Долетали снаряды и до Сѣверной стороны.

„Бастіоны и батареи, въ особенности лѣваго фланга, были засыпаемы бомбами и ядрами. Мѣшки съ брустверовъ, щиты изъ амбразуръ, фашины, человѣческіе члены,— все летѣло въ какомъ-то хаосѣ. Летавшіе другъ другу на встрѣчу снаряды сталкивались и разбивались на полетѣ. Пролетая въ городъ, они сбивали остатки каменныхъ фундаментовъ, поднимали страшную пыль и несли за собою массу каменьевъ, которые били людей, какъ пули, или царапали лицо, какъ иголками“ *).

*) Ист. Сев. Обороны, томъ III. стр. 240.

Бомбардировка продолжалась до поздней ночи.

Съ разсвѣта до утра наши бастіоны отвѣчали частыми выстрѣлами и выпустили столько снарядовъ, что приказано было уменьшить огонь и стрѣлять какъ можно рѣже, въ виду того, что у насъ пороха было мало, и ожидали штурма.

И непріятель сталъ еще чаще осыпать бастіоны и Севастополь.

Послѣ полудня особенно сильно бомбардировали бастіоны праваго фланга (4, 5 и 6 бастіоны съ промежуточными бастіонами), защищающіе городскую сторону.

„Въ воздухѣ раздавался какой-то нестройный гулъ, визгъ и шипѣнье,“—сообщаетъ одинъ участникъ. Другой записываетъ, что „потрясаютъ душу эти ужасные звуки, этотъ грозный ревъ безпрестанно падающихъ и безпрестанно разрывающихся снарядовъ“.

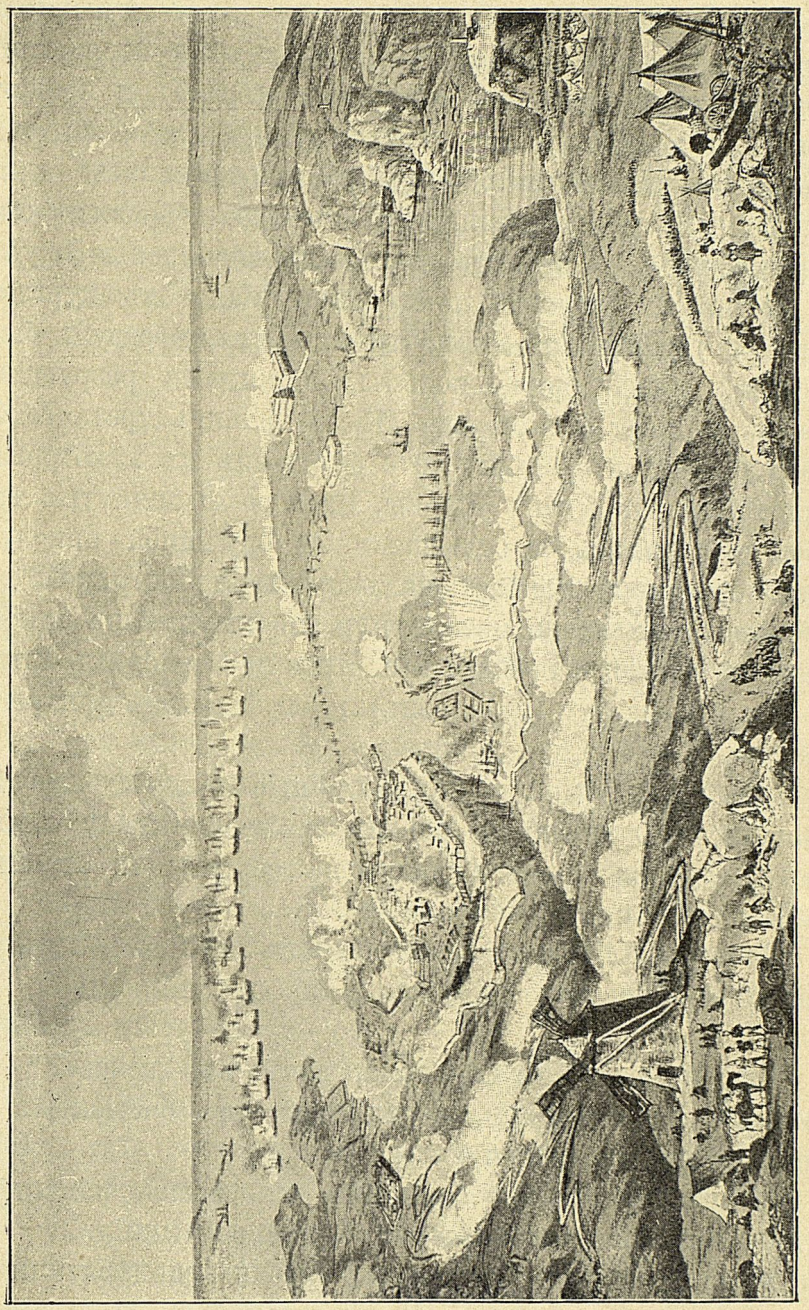
Насталъ вечеръ. Бомбардировка не прекращалась. Нѣсколько измѣнился только способъ ея. Непріятель ослабилъ прицѣльный огонь и усилилъ навѣсный изъ осадныхъ мортиръ—самый разрушительный. И бомбы, выбрасываемыя массами, разрушали бастіоны, уничтожали севастопольскіе дома и убивали множество защитниковъ...

Къ ночи бомбардировка усилилась. Десять непріятельскихъ паровыхъ судовъ подошли къ севастопольскому большому рейду въ одиннадцать часовъ вечера и, въ помощь своимъ осаднымъ батареямъ, стали бросать бомбы на наши прибрежныя батареи и вдоль рейда по нашимъ кораблямъ.

Союзники, казалось, хотѣли показать весь ужасъ бомбардировки.

Имъ отвѣчали только прибрежныя наши батареи. Бастіоны, осыпаемые бомбами, молчали и старались исправлять поврежденія, приготовляясь къ штурму.

Бомбардировка продолжалась. Ракеты, начиненныя горючимъ составомъ, производили въ городѣ пожары, но



Бомбардировка Севастополя.—Рис. М. Беггеръ по планамъ французскаго Ген. Штаба.

ихъ не тушили, люди нужны были на болѣе важное—и пожары сами собой затухали.

Эта ночная бомбардировка съ 5-го на 6-ое іюня, по словамъ одного очевидца, „была адскимъ фейерверкомъ, и ничего прекраснѣе не могъ бы изобрѣсти и представить на потѣху аду самъ торжествующій сатана.“

Въ два часа ночи бомбардировка окончилась.

Наши бастіоны торопились наскоро исправить свои поврежденія и — главное — замѣнить попорченыя орудія.

„Наиболѣе другихъ пострадали Малаховъ курганъ, второй и третій бастіоны; почти половина амбразуръ была завалена; многія орудія подбиты; блиндажи разрушены; пороховые погреба взорваны. Лѣвый флангъ третьяго бастіона былъ такъ разбитъ, что брустверъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не закрывалъ головы. Наскоро выдвинутые траверсы обрушились, и большая часть орудійной прислуги была переранена. На бастіонахъ кровь лилась рѣкою; для раненыхъ не хватало носилокъ, и къ полудню на одномъ третьемъ бастіонѣ выбыло изъ строя 680 человѣкъ артиллерійской прислуги (матросовъ) и 300 человѣкъ прикрытія (солдатъ)“.

„Въ теченіе дня на перевязочные пункты было доставлено 1600 человѣкъ раненыхъ, не считая убитыхъ. Послѣднихъ складывали прямо на барказы и отвозили на Сѣверную сторону города *)“.

За эту бомбардировку вышли „въ расходъ“, какъ говорили въ Севастополѣ, около 5000 защитниковъ.

Еще не замолкла канонада, какъ въ „секретѣ“ замѣтили, что въ оврагѣ, передъ первымъ бастіономъ собираются значительныя силы.

Молодой поручикъ сообщилъ объ этомъ командующему войсками прикрытія оборонительной линіи.

У насъ пробили тревогу. Барабаны подхватили ее по всему лѣвому флангу оборонительной линіи, и войска

---

*) Исторія Севастопольской обороны, томъ VII, стр. 251.

наши двинулись по мѣстамъ, на бастіоны и вблизи ихъ. Резервъ оставался въ Корабельной слободкѣ.

— Штурмъ... штурмъ! — разнеслось по бастіонамъ. Орудія заряжались картечью. На вышкѣ Малахова кургана заблестѣлъ бѣлый огонь фальшвейеръ — предвѣстникъ начинающагося штурма.

Былъ третій часъ предразсвѣтной полумглы. Осадныя орудія вдругъ смолкли.

Наступила на минуту зловѣщая тишина.

IV.

СТАРЫЙ французскій генералъ, начальникъ колонны, назначенный штурмовать первый и второй бастіоны, почему-то не выждалъ условленнаго сигнала къ штурму.

Ему казалось, что внезапное прекращеніе бомбардировки и есть сигналъ начинать штурмъ. Напрасно его начальникъ говорилъ, что онъ ошибается, что сигналомъ будетъ снопъ ракетъ послѣ бѣлаго свѣта фальшвейера съ одной батареи. Напрасно доказывалъ, что начинать атаку рано. Остальныя колонны еще не строятся.

Старый генералъ, какъ видно, былъ упрямъ и не любилъ совѣтовъ.

Онъ приказалъ идти на приступъ.

И изъ-за оврага показалась густая цѣпь стрѣлковъ. Сзади шли резервы. Черезъ нѣсколько минутъ французы бѣшено бросились на штурмъ двухъ бастіоновъ.

Ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ и картечью. Всѣ наши пароходы стали бросать снаряды въ резервы и въ штурмовую колонну...

Жаркій огонь разстроилъ французовъ.

Шагахъ въ тридцати отъ второго бастіона они оста-

новились и разсыпались за камнями. Еще разъ они бросились въ атаку, но снова не выдержали огня и отступили... Начальникъ колонны былъ смертельно раненъ.

Въ это время блеснула струя бѣлаго свѣта; за нею поднялся цѣлый снопъ сигнальныхъ ракетъ, разсыпавшихся разноцвѣтными огнями.

Для союзниковъ это значило: „Штурмовать остальныя укрѣпленія Корабельной стороны“.

А для севастопольцевъ: „Возьметъ непріятель бастіоны,—взятъ и Севастополь“.

Молчаливые и серьезные, ждали защитники штурма. И многіе шептали:

— Помоги, Господи!

Главнокомандующій со своимъ большимъ штабомъ уже переправился съ Сѣверной стороны въ городъ и съ плоской крыши морской библіотеки смотрѣлъ на зеленѣющее пространство передъ Малаховымъ курганомъ, по которому бѣглымъ шагомъ шелъ непріятель...

Хотя князь Горчаковъ уже зналъ, что несвоевременный штурмъ одной французской колоны былъ отбитъ въ полчаса, но напрасно онъ старался скрыть свое волненіе передъ развязкой новаго общаго штурма укрѣпленій Корабельной стороны.

И вздрагивающія губы главнокомандующаго, казалось, шептали:

— Спаси, Господи!

Начальникъ штаба чуть слышно сказалъ начальнику артиллеріи арміи:

— Главное... отступить некуда. Мостъ черезъ бухту не готовъ!

— Что вы говорите?—разсѣянно спросилъ подавленный главнокомандующій.

— Чудное, говорю, утро, ваше сіятельство!

— Да... Посланы еще три полка въ городъ?..

— Посланы, князь!..

На Сѣверной сторонѣ толпа бабъ стояла на колѣнахъ и молила о побѣдѣ...

Мужчины, не принимавшіе участія въ защитѣ, истово крестились. Матросы, бывшіе на корабляхъ, высыпали на палубы.

Всѣ съ тревогой ждали штурма.

А Маркушка, черный отъ дыма и грязи, наканунѣ такъ добросовѣстно паливший изъ своей мортирки, что, увлеченный, казалось, не обращалъ вниманія на тучи бомбъ, ядеръ и пуль, перебившихъ болѣе половины лю-

Французы бѣшено бросились на штурмъ...

дей на четвертомъ бастіонѣ, и на лившуюся кровь и на стоны,—Маркушка и не думалъ, что надвигающаяся „саранча“, какъ звалъ онъ непріятеля, черезъ нѣсколько минутъ ворвется въ бастіонъ и всему конецъ.

Напротивъ!

Возбужденный и почти не спавшій въ эту ночь, онъ сверкалъ глазами, напоминающими волченка, глядя на „саранчу“, высыпавшую изъ траншей, и хвастливо крикнулъ:

— Мы тебя, разбойника, угостимъ! Угостимъ!

— Съ банкета долой,—окрикнулъ Кащукъ.

Контуженный вчера камнемъ, онъ самъ вчера перевязалъ свою окровавленную голову и стоялъ у орудія, заряженнаго картечью, со шнуромъ въ рукѣ, спокойный и хмурый, ожидая команды стрѣлять.

— Я только на саранчу взгляну, дяденька!

— На мѣсто! — строго крикнулъ Кащукъ. Маркушка спрыгнулъ съ банкета къ своей мортиркѣ. — Не бреши... Лобъ перекрести. Еще кто кого угоститъ!—сердито промолвилъ матросъ.

— Увидишь, дяденька!—дерзко, увѣренно и словно пророчески, весь загораясь, отвѣтилъ Маркушка.

— Картечь! Стрѣляй! Жарь ихъ!—раздалась команда батарейнаго командира.

Бастіонъ загрохоталъ.

V.

ОСЛѢПИТЕЛЬНОЕ солнце тихо выплывало изъ-за пурпуроваго горизонта, когда густыя цѣпи французовъ, съ охотниками впереди, имѣющими лѣстницы, вышли изъ траншей и пошли на приступъ Малахова кургана, второго бастіона и промежуточныхъ укрѣпленій.

За цѣпью двигались колонна за колонной.

Показались и цѣпи англичанъ — штурмовать третій бастіонъ.

И въ ту-же минуту на возвышенности, у одной изъ батарей, показались оба союзные главнокомандующіе, окруженные блестящей свитой.

Утро было восхитительное.

Какъ только двинулись штурмующіе, прикрытіе нашихъ укрѣпленій, то-есть солдаты, уже были на банкетахъ. За укрѣпленіями стояли войска.

Всѣ батареи наши вдругъ опоясались огненной лентой несмолкаемаго огня. Картечь, словно горохъ, скакала по полю, засѣянному, точно макомъ, красными штанами французовъ и пестрыми мундирами англичанъ. Тучи пуль осыпали быстро приближающагося непріятеля.

Люди все чаще падали. Колонны чаще смыкали ряды и шли скорѣе, торопясь пройти смертоносное пространство.

Впереди шли офицеры и обнаженными саблями указывали на наши бастіоны, которые надо взять...

Чѣмъ ближе подходили колонны, тѣмъ ожесточеннѣе осыпали ихъ картечью и пулями наши матросы и солдаты, молча, безъ обычныхъ „ура“, съ какой-то покорной отвагой безвыходности.

Казалось, каждый безсознательно становился звѣремъ, которому инстинктъ подсказывалъ:

„Не убью я тебя, убьешь ты меня!“

И пули летѣли дождемъ.

Колонны все идутъ. Уже онѣ близко, совсѣмъ близко. Хорошо видны возбужденныя, озвѣрѣлыя лица... Не болѣе пятидесяти шаговъ остается до второго бастіона... Казалось, лавина сейчасъ бросится на бастіонъ и зальетъ его...

Но въ эту самую минуту, когда, повидимому, еще одно послѣднее усиліе, и люди пробѣгутъ эти пятьдесятъ шаговъ,—энергія уже была израсходована...

Передніе ряды остановились. Остановились и сзади... Прошла минута, другая... И колонна отступила назадъ и укрылась въ каменоломняхъ отъ убійственнаго огня.

Но скоро солдаты поднялись и снова двинулись на второй бастіонъ. Они снова бросились впередъ, пробѣжали „волчьи ямы“, спустились въ ровъ и стали взбираться на валъ...

Ихъ встрѣтили штыками и градомъ камней...

Французы не выдержали. Бросили лѣстницы и отступили въ траншеи...

„Вопли попавшихъ въ волчьи ямы, стоны умирающихъ, проклятія раненыхъ, крикъ и ругательства сражающихся, оглушительный трескъ, громъ и вой выстрѣловъ, лопающихся снарядовъ, батальнаго огня, свистъ пуль, стукъ орудія... все смѣшалось въ одинъ невыразимый ревъ, называемый „военнымъ шумомъ“ битвы, въ которомъ слышался однако и исполнялся командный крикъ начальника, сигнальная труба, дробь барабана“.

Такъ описываетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ участниковъ въ отбитіи штурма второго бастіона.

Про этотъ-же „военный шумъ“, которымъ вызываютъ отвратительное опьяненіе варварствомъ, старикъ, отставной матросъ, ковылявшій послѣ войны по улицѣ разореннаго Севастополя на деревяшкѣ, вмѣсто правой ноги — такъ однажды говорилъ мнѣ, разсказывая про штурмъ:

— И не приведи Богъ, что было, вашескобродіе!

— А что?

— Извѣстно, что... Никакимъ убійствомъ не брезговали, ровно звѣри...—И старикъ, между прочимъ, разсказывалъ, какъ въ этотъ штурмъ онъ задушилъ двухъ французовъ. — Такіе чистые были изъ себя и аккуратные... И пардону просили... Царство имъ небесное! — заключилъ старикъ свой разсказъ. И перекрестившись, прибавилъ:—Звѣри и были въ то утро. И мы, и французы...

Еще два раза выходили изъ траншей, уже два раза отбитые, французы и бросались на второй бастіонъ. Но снова возвращались назадъ, не пробѣгая и половины разстоянія...

Неудачны были приступы и другой французской колонны на Малаховъ курганъ.

Въ первый разъ колонна отступила, когда до него оставалось сто шаговъ.

И начальникъ Малахова кургана, капитанъ 1 ранга Кернъ недаромъ сказалъ:

— Теперь я спокоенъ. Непріятель ничего не сдѣлаетъ съ нами!

И дѣйствительно, второй приступъ былъ отбитъ.

За то батарея Жерве была взята, но затѣмъ вновь отнята. И отрядъ смѣльчаковъ-французовъ ворвался въ Корабельную Слободку. Ихъ пришлось выбивать изъ хатъ и домишекъ, изъ которыхъ французы стрѣляли.

Озвѣрѣлые, и французы, и русскіе, долго сражались въ Корабельной Слободкѣ.

Поджидая подкрѣпленій, французы дрались отчаянно. Каждый домикъ, каждую развалину приходилось брать приступомъ. Пощады французамъ не было. Да они не просили ея.

И солдаты разносили дома, уничтожали людей, бывшихъ въ нихъ. Многіе взлѣзали на крыши, разрушали ихъ и совали пуки зажженной соломы, чтобы сжечь непріятеля. Въ одной хатѣ, гдѣ французы не соглашались сдаться, ихъ передушили всѣхъ до единаго.

Неудаченъ былъ и штурмъ третьяго бастіона.

Англичанамъ пришлось пройти отъ траншей до третьяго бастіона подъ градомъ ядеръ, бомбъ, картечи и пуль значительное разстояніе—около ста саженъ. Но англійскія цѣпи шли впередъ съ смѣлымъ упорствомъ и хладнокровіемъ.

И только когда передніе ряды были перебиты, задніе поколебались и легли на землю, отстрѣливаясь. Еще одна попытка разобрать засѣки и броситься на бастіонъ — не удалась, и англичане отступили въ свои траншеи.

Къ семи часамъ утра штурмъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ.

Союзники не ожидали такого исхода. Они не сомнѣвались, что Севастополь будетъ взятъ.

Англичане запаслись разными закусками, чтобы позавтракать въ Севастополѣ; раненый и взятый въ плѣнъ французскій офицеръ просилъ, чтобы его не перевязы-

вали, такъ какъ черезъ полчаса Севастополь будетъ въ рукахъ его соотечественниковъ, и тогда его перевяжутъ.

„Одинъ французскій капралъ, — сообщаетъ историкъ севастопольской обороны,—ворвавшійся, въ числѣ прочихъ, на батарею Жерве (около Малахова кургана), бросивъ ружье, пошелъ далѣе на Корабельную сторону и, дойдя до церкви Бѣлостокскаго полка, преспокойно сѣлъ на паперть. Въ пылу горячаго боя его никто не замѣтилъ, но потомъ одинъ изъ офицеровъ спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Жду своихъ! — отвѣтилъ онъ спокойно. — Черезъ четверть часа наши возьмутъ Севастополь!

Какъ только-что штурмъ былъ отраженъ, снова началась бомбардировка.

Только на другой день можно было севастопольцамъ передохнуть.

По просьбѣ двухъ союзныхъ главнокомандующихъ, объявлено было перемиріе съ четырехъ часовъ дня и до вечера, для уборки тѣлъ.

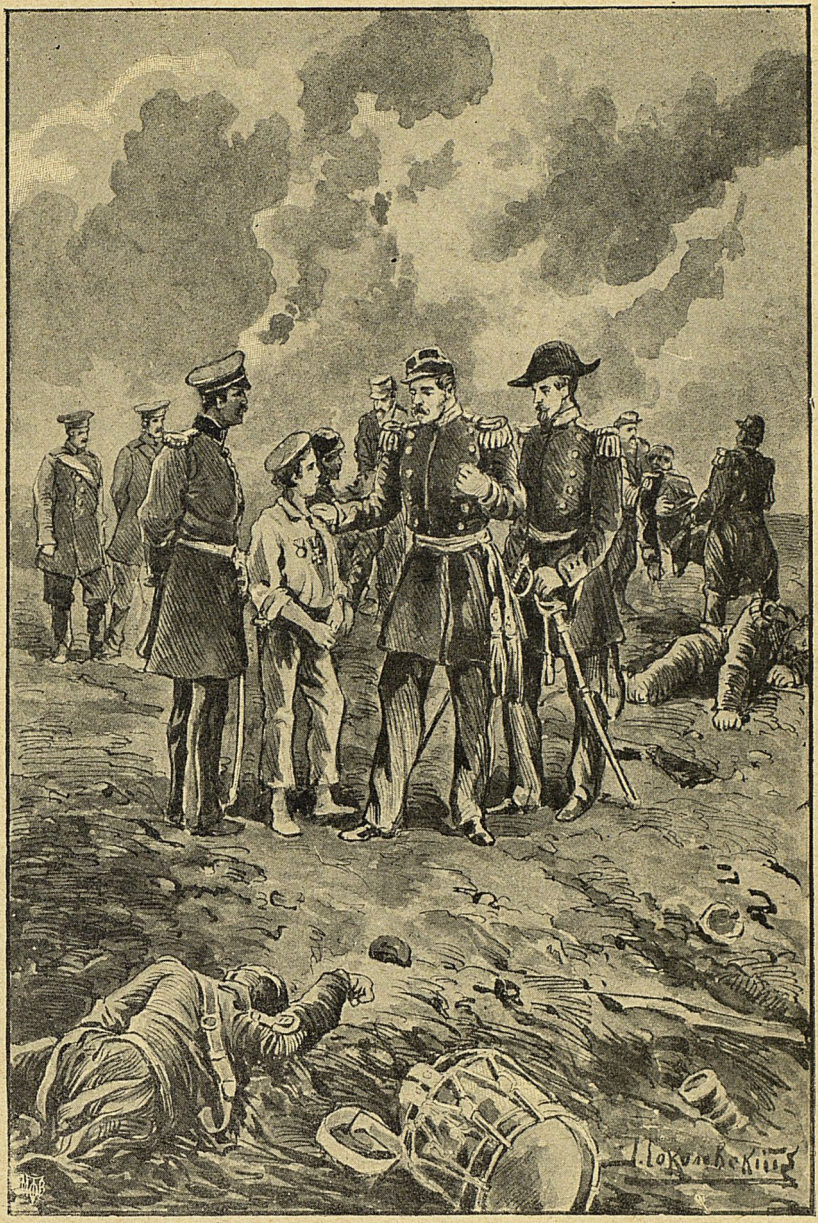
Все пространство между непріятельскими траншеями и нашими атакованными укрѣпленіями было полно тѣлами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они лежали кучами въ сажень вышины.

Потери были велики съ обѣихъ сторонъ. За два дня мы потеряли около шести тысячъ. Столько-же погибло людей и у союзниковъ во время штурма. *)

Во время перемирія побѣжалъ смотрѣть „француза“ вблизи и Маркушка. Самъ батарейный отпустилъ.

Французскіе солдаты укладывали на носилки погибшихъ товарищей. Многіе любопытные съ обѣихъ сторонъ сбѣжались поглазѣть на враговъ. И французскіе, и русскіе солдаты, разумѣется, не понимали словъ, которыми

*) Въ два дня было выпущено снарядовъ: съ нашихъ бастіоновъ и батарей 19.000, а съ батарей союзниковъ: 62.000 снарядовъ.



Французъ, съ добрымъ, веселымъ, молодымъ лицомъ потрепалъ Маркушку по плечу... (стр. 227).

01

обмѣнивались, подкрѣпляя ихъ минами, но оставались довольны другъ другомъ. Казалось, эти же самые, еще вчера озвѣрѣлые, французы и русскіе были совсѣмъ другими людьми, которымъ вовсе не хочется убивать другъ друга.

Маркушка во всѣ глаза смотрѣлъ на „француза“ и, повидимому, удивлялся, что они вовсе не „подлецы“, не „черти“, и не „нехристи“, какими воображалъ, стараясь какъ можно убить ихъ изъ своей мортирки.

И мальчикъ совсѣмъ изумился, когда одинъ французъ, съ добрымъ, веселымъ, молодымъ лицомъ, потрепалъ Маркушку по плечу, сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ и указывая на его рубашку, на которой висѣли медаль и полученный на-дняхъ георгіевскій крестъ, спросилъ: „Неужели онъ такой маленькій и солдатъ? Развѣ въ Россіи берутъ такихъ солдатъ?“

— Что онъ, дьяволъ, лопочетъ? — нарочно стараясь небрежно говорить, спросилъ сконфуженный Маркушка у ближайшихъ солдатъ.

Солдаты только засмѣялись. Кто-то сказалъ: „Вѣрно тебя похваливаетъ. Молъ, мальчишка, а съ Георгіемъ!“

Стоявшій вблизи нашъ молодой офицеръ кое-какъ объяснилъ, что Маркушка не солдатъ, а по своей волѣ пошелъ на бастіонъ и храбростью заслужилъ медаль и крестъ.

Французъ пришелъ въ восторгъ. Онъ вдругъ сунулъ Маркушкѣ „на память“ красивую, маленькую жестянку съ монпансье и проговорилъ, обращаясь къ офицеру:

— Скажите ему, что онъ герой... Но только зачѣмъ онъ на бастіонѣ?... Я не пустилъ-бы сюда такого маленькаго...

Французъ сказалъ подошедшимъ товарищамъ о диковинномъ мальчикѣ съ четвертаго бастіона, съ медалью и крестомъ за храбрость.

Они подходили къ мальчику съ четвертаго бастіона, жали ему руку, говорили хорошія слова, которыя онъ

чувствовалъ, не понимая. Имъ восхищались. Его жалѣли. Онъ такой маленькій, и сирота, и на бастіонѣ. Кто-то сунулъ ему булку и показывалъ на жестянку, словно-бы рекомендуя ѣсть то, что въ ней.

— Это изъ Парижа!—Ты, мальчикъ, понимаешь, изъ Парижа?

Маркушка еще болѣе конфузился и оттого, что „французъ“ такъ ласковъ съ нимъ, когда онъ вѣрно убилъ не одного такого-же француза,—и оттого, что на него обращено вниманіе...

И Маркушка испытывалъ чувство стѣсненности и виноватости. Они должны знать, что онъ хотѣлъ побольше ихъ убить, а теперь... ему жалко этихъ веселыхъ и ласковыхъ людей.

Но онъ только снялъ шапку, сказалъ: „Адью, французъ“, и убѣжалъ.

Дорогой Маркушка похрустывалъ на зубахъ французскіе леденцы, закусывалъ булкой и шелъ къ четвертому бастіону, отворачиваясь отъ носилокъ, на которыхъ лежали кучи мертвыхъ...

Возвратившись на четвертый бастіонъ, онъ сказалъ Кащуку, только-что проснувшемуся и сидящему у орудія за чаемъ:

— Вотъ... Попробуй ихъ булки, дяденька.

— Неси кружку, да обсказывай, что видѣлъ...

Маркушка принесъ кружку, которую хранилъ у мортирки, и послѣ того, какъ выпилъ цѣлыхъ двѣ, обливаясь потомъ, раздумчиво проговорилъ:

— Тоже и они, какъ наши, дяденька?

— А ты думалъ какъ? Только другой вѣры, а какъ наши.

— А зачѣмъ пришли? Зачѣмъ полѣзли на драку?— произнесъ Маркушка, словно бы желая найти причины, по которымъ „французъ“ долженъ быть неправымъ противъ русскихъ.

— Погнали ихъ изъ своей стороны и пришли... Тоже и у нихъ свой императоръ — и свое начальство...

— Не бойсь, теперь, какъ угостили, не пойдутъ на штурму... Страсть сколько мы ихъ убили вчера... И трехъ генераловъ...

— Прикажутъ, опять на штурму пойдутъ. Изъ-за Севастополя цѣлые девять мѣсяцевъ бьются и насъ бьютъ... Тоже, братецъ ты мой, и французъ подначальный народъ. Можетъ ему и не лестно въ чужую сторону да на смерть итти... а идутъ... И самимъ въ охотку скорѣе взять Севастополь да замириться... Силы у ихъ много. Ихъ императоръ всю эту разстройку и завелъ... Въ томъ то и загвоздка... А люди и пропадаютъ... Пей что ли, Маркушка...

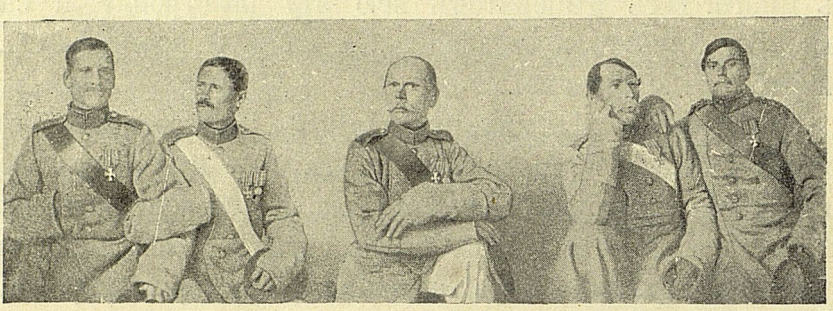
Было жарко. Пѣтухъ, прозванный „Пелисеевымъ“ въ честь Пелисье, лѣниво выкрикивалъ свое кукареку, разгуливая по площадкѣ бастіона около нѣсколькихъ курицъ. Матросы отсыпались послѣ сутокъ бомбардировки. Почти всѣ офицеры, обрадовавшись перемирію, переправились на Сѣверную сторону.

Теперь тамъ, за Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, выросъ цѣлый городокъ изъ бараковъ, балагановъ, шалашей и палатокъ. Только тамъ были женщины и дѣти, которымъ ужь мѣсяцъ тому назадъ велѣно было оставить Южную сторону. Туда всѣ оставшіеся жители переселились изъ города, гдѣ уже не было безопаснаго мѣста. Бомбы убивали даже людей, скрывающихся во время бомбардировки въ подвалахъ и погребахъ. Слишкомъ ужь близко къ нашимъ укрѣпленіямъ и къ городу придвинулся рядъ осадныхъ батарей союзниковъ.

Штабные, чиновники, интенданты, отдыхавшіе и легко больные офицеры, пріѣзжіе аферисты и предприниматели, торговцы, базарныя торговки, солдатки, матроски, ремесленники, отставные артиллеристы и матросы,

маркитанты, словомъ весь людъ, оставшійся въ Севастополѣ, ютился на Сѣверной сторонѣ.

Въ палаткахъ маркитантовъ устроили трактиры, куда сходилось офицерство. Рискуя нарваться на бомбу и пулю по дорогѣ, такъ же какъ и на бастіонахъ или позиціяхъ, офицеры уходили въ отпускъ съ бастіоновъ, часа на два, на три, чтобы пожить хоть короткое время въ иной обстановкѣ, встрѣтиться съ пріятелями и знакомыми, съѣсть порцію чего-нибудь вкуснѣе, чѣмъ „дома“, выпить въ компаніи бутылку вина, узнать „штабныя“ новости о предположеніяхъ главнокомандующаго и, разумѣется, посудачить объ его нерѣшительности, быстрыхъ перемѣнахъ



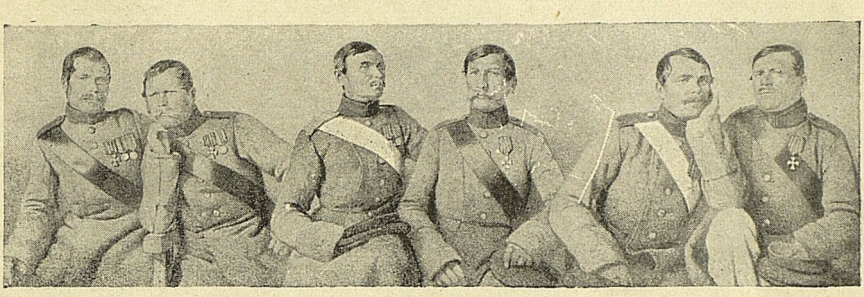
Защитники Севастополя.

приказаній и разсѣянности, служившей матеріаломъ для анекдотовъ. Нечего и говорить, что не мало критиковали и бездѣйствіе полевой арміи, не попробовавшей напасть на союзниковъ и освободить Севастополь. Вышучивали и начальника штаба. Ко многимъ кличкамъ, въ родѣ „бумажнаго генерала“ и „старшаго писаря“, въ послѣднее время прибавилась еще кличка „генерала какъ прикажете“ и „ганцъ-акурата“. Но ужь въ эти дни не было прежней увѣренности, что Севастополь отстоятъ. Объ этомъ не говорили, но это чувствовалось... Каждый зналъ, что въ послѣднее время осады — идетъ бойня и сознавалъ, что не попалъ еще „въ расходъ“ только по особенному счастію...

На Сѣверную сторону часто пріѣзжали адъютанты, ординарцы и казаки, съ донесеніями съ оборонительной линіи къ начальнику штаба, который иногда допускалъ „вѣстниковъ“ къ князю, всегда занятому. Пріѣзжали и генералы съ докладами самому главнокомандующему.

Сюда-же пріѣзжали съ бастіоновъ и за покупками, и для заказовъ, и для того, чтобы вымыться въ банѣ и хоть сколько-нибудь очиститься отъ грязи и зуда тѣла, изъѣденнаго насѣкомыми, кишащими въ блиндажахъ бастіоновъ.

Здѣсь — вдали отъ оборонительной линіи съ ея постояннымъ трескомъ и грохотомъ снарядовъ, гуломъ вы-



Защитники Севастополя.

стрѣловъ и зрѣлищемъ смерти — было все, что было нужно человѣку, хотя бы и не увѣренному, что будетъ живъ черезъ часъ. Были мануфактурныя, галантерейныя и бакалейныя лавки, портные, сапожники, часовщики, цирульники, фруктовщики, „человѣчки“, дающіе деньги подъ проценты и, разумѣется, гробовые мастера для тѣхъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, или отъ тифа, которые были въ офицерскихъ и высшихъ чинахъ.

Главнокомандующій еще вчера, тотчасъ-же послѣ отбитаго штурма, обрадованный и умиленный отчаянной стойкостью защитниковъ, послалъ телеграфное донесеніе Императору Александру Николаевичу, начинающееся слѣдующими словами:

„Самоотверженіе, съ коимъ всѣ чины Севастопольскаго гарнизона, отъ генерала до солдата, стремились исполнить свой долгъ, превосходитъ всякую похвалу“.

Но, разумѣется, главнокомандующій не утѣшалъ себя мыслью, что многострадальный Севастополь будетъ спасенъ и послѣ новаго штурма. Отбитый вчера штурмъ принесъ только отсрочку и новыя жертвы бомбардировки.

И старый князь мечталъ только о возможности съ честью оставить Севастополь и торопилъ постройку моста черезъ бухту

VI.

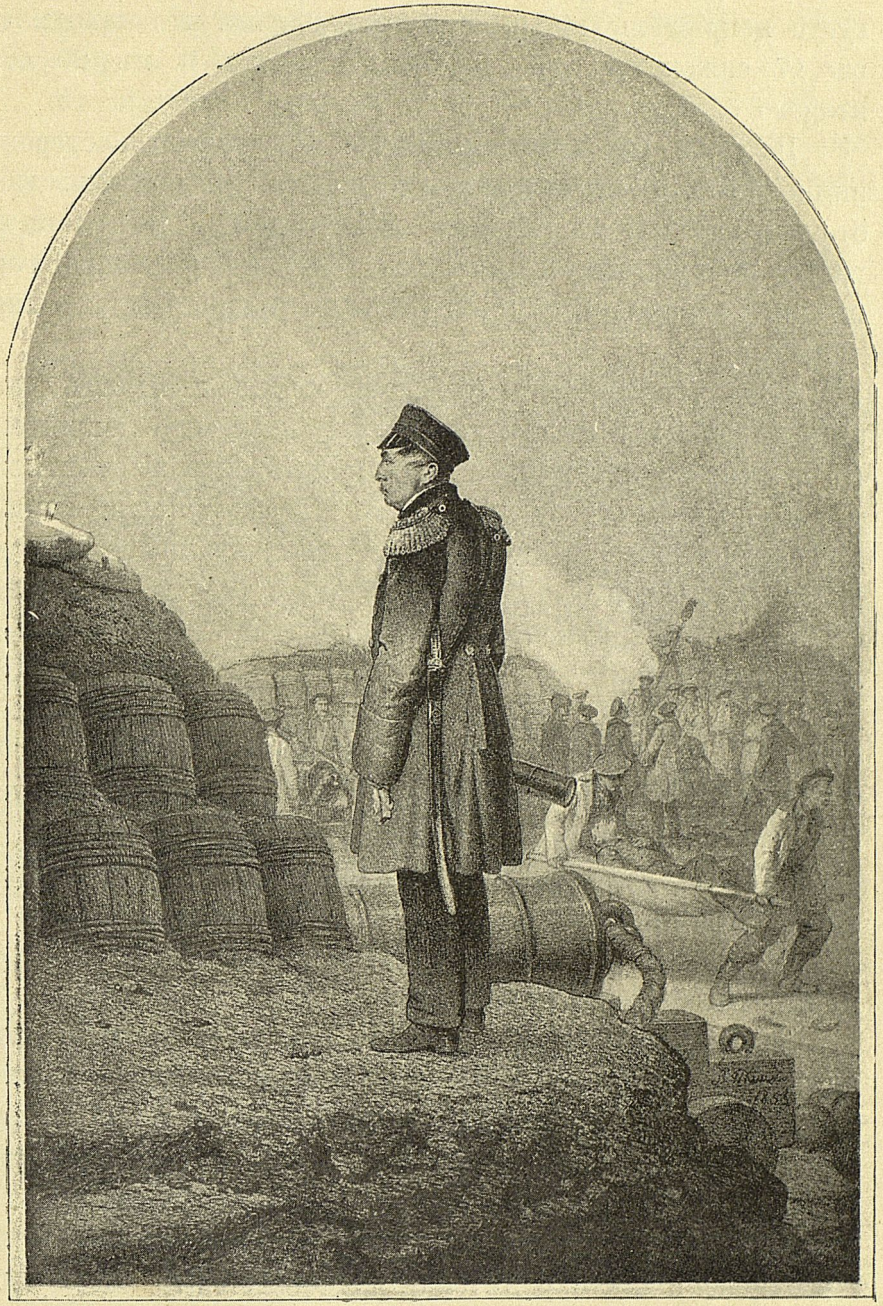
ОТСРОЧКА была продолжительная.

Прошло два съ половиною мѣсяца послѣ отбитаго штурма. Смертельно былъ раненъ Нахимовъ. Подъ Черной были разбиты наши войска, дѣлавшія чудеса храбрости. Но отсутствіе умнаго военачальника и путаница не могли не привести къ пораженію.

„Вступая въ бой, главнокомандующій обязанъ былъ дать толковыя и опредѣленныя указанія, познакомить начальниковъ толкомъ съ предстоящею задачей, со своими намѣреніями и задачами, и затѣмъ предоставить имъ свободу дѣйствій. Ничего этого мы не видимъ въ распоряженіяхъ князя Горчакова“, — пишетъ историкъ Севастопольской обороны...

На другой день послѣ пораженія нашихъ войскъ, союзники снова начали жесточайшую бомбардировку, продолжавшуюся двадцать дней. Бастіоны разрушались. Ежедневно убывало по тысячѣ защитниковъ.

Послѣдніе дни Севастополя подходили... Къ 24 ав-



Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, помощникъ начальника Севастопольскаго гарнизона, умершій отъ ранъ, полученныхъ при защитѣ Севастополя 30 іюня 1855 года.

густа непріятель подвинулся такъ близко, что находился въ 17 саженяхъ отъ Малахова кургана и въ 20 отъ второго бастіона.

Штурмъ былъ несомнѣненъ. Съ разныхъ сторонъ видно было, какъ стягивались войска союзниковъ. Объ этомъ сообщали въ главный штабъ арміи. Но главный штабъ не принималъ никакихъ мѣръ къ усиленію гарнизона на время штурма и даже не предупреждалъ гарнизона.

Генералъ Липранди нѣсколько разъ посылалъ сказать начальнику штаба, генералу Коцебу, что непріятель готовится къ штурму, а начальникъ штаба отвѣтилъ, что Липранди грезится во снѣ штурмъ. Когда командиръ одной батареи послалъ начальнику штаба казака съ запиской, что французскія колонны тянутся къ Севастополю — генералъ Коцебу не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Казакъ вернулся и доложилъ начальнику батареи, что отдалъ записку въ руки „Коцебѣ“ и объяснилъ, что они изволили прохаживаться около квартиры главнокомандующаго.

— Что-жъ, онъ пошелъ къ князю, прочитавши записку?—спросилъ морякъ.

— Никакъ нѣтъ-съ! Они сунули ее въ карманъ, а мнѣ приказали отправиться на мѣсто!

Такъ разсказывалъ потомъ въ своихъ запискахъ адмиралъ Барановскій, который самъ посылалъ казака съ запиской къ начальнику штаба.

Послѣдній общій штурмъ 27 августа былъ днемъ гибели Севастополя...

Отбитый почти вездѣ, онъ не могъ быть отбитъ малочисленными охранителями Малахова кургана... Туда были направлены огромныя силы французовъ. Почти всѣ защитники этого „ключа“ нашей защиты были убиты или ранены. Немногіе остались въ живыхъ... Четыре без-

страшныхъ матроски во время штурма подавали воду храбрецамъ Малахова кургана...

Въ восьмомъ часу на Малаховомъ курганѣ взвился французскій флагъ, а въ четыре часа всѣ начальники войскъ и бастіоновъ получили приказаніе очистить Южную сторону и перейти на Сѣверную.

Позднимъ вечеромъ началась переправа войскъ черезъ мостъ и продолжалась всю ночь.

Защитники Севастополя.

А въ это время въ оставляемомъ Севастополѣ, погруженномъ во мракъ, раздавались взрывы. Ихъ производили охотники, саперы и матросы. Взрывы, отъ которыхъ рушились стѣны полуразрушеннаго уже города. Пожаръ охватывалъ всю оборонительную линію...

Уходившіе изъ Севастополя крестились, оборачиваясь на городъ...

— А ты, Маркушка, теперь будешь при мнѣ,—говорилъ Николай Николаевичъ Бѣльцовъ мальчику, стояв-

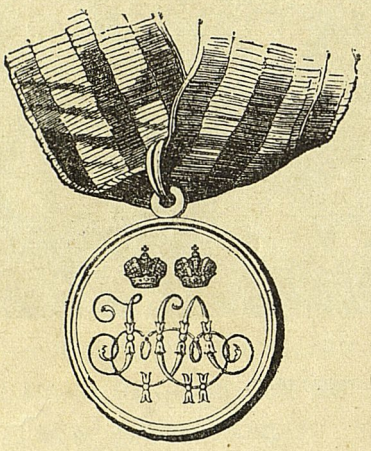
шему рядомъ съ нимъ на мосту, который сильно качался отъ волненія.

Въ восемь часовъ утра всѣ войска были на Сѣверной сторонѣ.

Рейдъ былъ пустъ. Всѣ корабли затоплены. Мостъ былъ уничтоженъ.

Утро было прелестное.

Маркушка, отлично выспавшійся подъ буркой, данной ему Бѣльцовымъ, былъ счастливъ и оттого, что живъ, и оттого, что не на бастіонѣ, и оттого, что заманчивая новизна будущаго застилала отъ него ужасы прошлаго и, главное, оттого, что ему было двѣнадцать лѣтъ.



2007067252